

ПЕНЗЕНСКИЙ ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.Г.БЕЛИНСКОГО
ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

М.Р. Полесских (1908 – 1992)

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Сборник материалов
II Международной научной конференции
«Археология восточноевропейской лесостепи»,
посвященной 100-летию со дня рождения археолога,
заслуженного работника культуры **М.Р. Полесских.**
(25 – 27 сентября 2008 г.)

Выпуск 2, том II

Пенза, 2008

ББК63.4(2)

94.3

Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Том. 2 / Сб. материалов. — Пенза, 2008. — 216 с.

Отв. редактор: д.и.н. В.В. Ставицкий.

В сборнике собраны материалы выступлений на 2-ой Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.Р. Полесских, статьей об исследованиях которого открывается сборник. Среди авторов — представители российской археологии более десятка городов и регионов, которые представили материалы от эпохи камня до позднего средневековья. Большинство материалов носят дискуссионный характер и позволяют по-новому взглянуть на устоявшиеся представления о путях развития материальной культуры на территории как восточноевропейской лесостепи. Кроме того, в научный оборот вводится большое количество новых материалов из исследований последних лет.

Сборник представляет интерес, прежде всего, для профессиональных археологов и историков.

© Пензенский государственный
краеведческий музей, 2008

**РАННИЙ МЕЗОЛИТ В МЕЖДУРЕЧЬЕ ДОНА И ВОЛГИ:
МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Мезолитические памятники на громадных пространствах междуречья Дона и Волги до настоящего времени остаются наиболее слабо изученными в сравнении с материалами других периодов каменного века. Тем не менее, разными исследователями, в том числе и автором данной работы, предпринимались попытки разного уровня систематизации имеющихся материалов (*обзор истории исследования см.: Федюнин, 2005; 2006; Археология Нижнего Поволжья. Каменный век (2006) и др.*).

Географические рамки объекта исследования, как следует из названия, ограничены бассейнами двух крупных рек Восточной Европы в меридиональных границах, включая в себя речные системы притоков Дона, среди которых особо выделяются Хопер и Битюг, и Волги, с ее крупными правыми притоками Суры и Мокши. Среднее Похоперье располагается на водоразделе двух крупных речных бассейнов. Широкие границы обозначенной территории включают в себя лесостепную и степную зоны.

Основной целью данной работы будет попытка анализа имеющихся мезолитических комплексов через призму понятия «археологическая культура». При этом следует отметить, что данная дефиниция здесь определяется как метод исследования имеющихся материалов в рамках понятия, рангом более высокого, чем, скажем, «археологический памятник», а поэтому является прежде всего гносеологической категорией.

Ранний мезолит региона представлен десятком памятников, однако полноценные коллекции, пригодные для культурологического анализа, содержат только стоянки Ильмень-Голова, Плаутино 2 (нижний слой) и Ураков Бугор. Памятники, помимо общих признаков, о которых будет сказано ниже, объединяет и сырьевая база, основанная на утилизации сливного песчаника (далее — кварцита), выходы которого зафиксированы неподалеку от каждой из стоянок. Данные стратиграфии большинства памятников, технико-типологические особенности ведущего типа инвентаря – каменного – опубликованы (*Федюнин И.В., 2005; 2006; Ластовский А.А., 2006*), поэтому нет нужды останавливаться на них подробно.

Стоянка **Ильмень-Голова** расположена на оконечности второй надпойменной террасы правого берега р. Хопер, в среднем течении реки. Исследовалась автором в 2001 г. Культурный слой памятника

полностью разрушен (Федюнин И.В., 2003; 2006). Тем не менее, предполагать наличие какой-то примеси по имеющимся материалам не пришлось.

Большинство каменных орудий и заготовок изготовлено из местного светло-серого крупнозернистого кварцита, единичные изделия — из темно-коричневого моренного кремня.

Основная масса находок представлена заготовками (нуклеусы, сколы с нуклеусов, аморфные нуклеидные обломки) и отходами производства, к которым, безусловно, можно отнести основную массу отщепов. Количество орудий, в целом, невелико, при этом характерно отсутствие экономичного отношения к поделочному материалу. Встречено множество заготовок, с которых сколами отделена только валунная корка (рис. 1, 2).

Отщеповая, по характеру, индустрия памятника основана на применении техники удара жестким отбойником, во вторичной обработке доминирует крутая ретушь и резцовый скол. Вопрос о культурной атрибуции выявленного на стоянке Ильмень-Голова материала на настоящий момент вызывает затруднения, как в силу слабых диагностических свойств крупнозернистого кварцита, из которого изготовлено большинство находок, так и из-за специфики памятника, заключающейся в большом удельном весе отходов производства при незначительном количестве орудий, что сближает его с кругом стоянок-мастерских, аналогии которым можно найти в материалах нижнедонских местонахождений Яровское и Фроловское (Ремизов, 1993). С другой стороны, коллекция обнаруживает определенное сходство с материалами памятников постаренбургской общности.

Судя по технико-типологическим данным каменного инвентаря, памятник можно отнести к финальному палеолиту или ранней поре мезолита. Залегание находок в современной почве не может быть критерием их отнесения только к голоцену, судя по развитым процессам гумусизации в Донском Левобережье. В верхах современной почвы, например, сосредоточен основной массив кремней верхнепалеолитической стоянки Иволга (Шабалин, Праслов, Холмовой, 2004).

Стоянка **Плаутино 2** расположена в приустьевой части р. Савала — правого притока р. Хопер на подтреугольной оконечности невысокой террасы. Стоянка выявлена А.В. Сурковым в 2002 году, исследовалась в 2003-2005 гг. поочередно А.В. Сурковым и И.В. Федониным, материалы нижнего горизонта залегания находок, приуроченного к опесчанному суглинку, опубликованы (Сурков, Федюнин, 2005; Федюнин, 2006). На настоящий момент памятник является наиболее полно исследованным на территории всего Доно-Волжского междуречья.

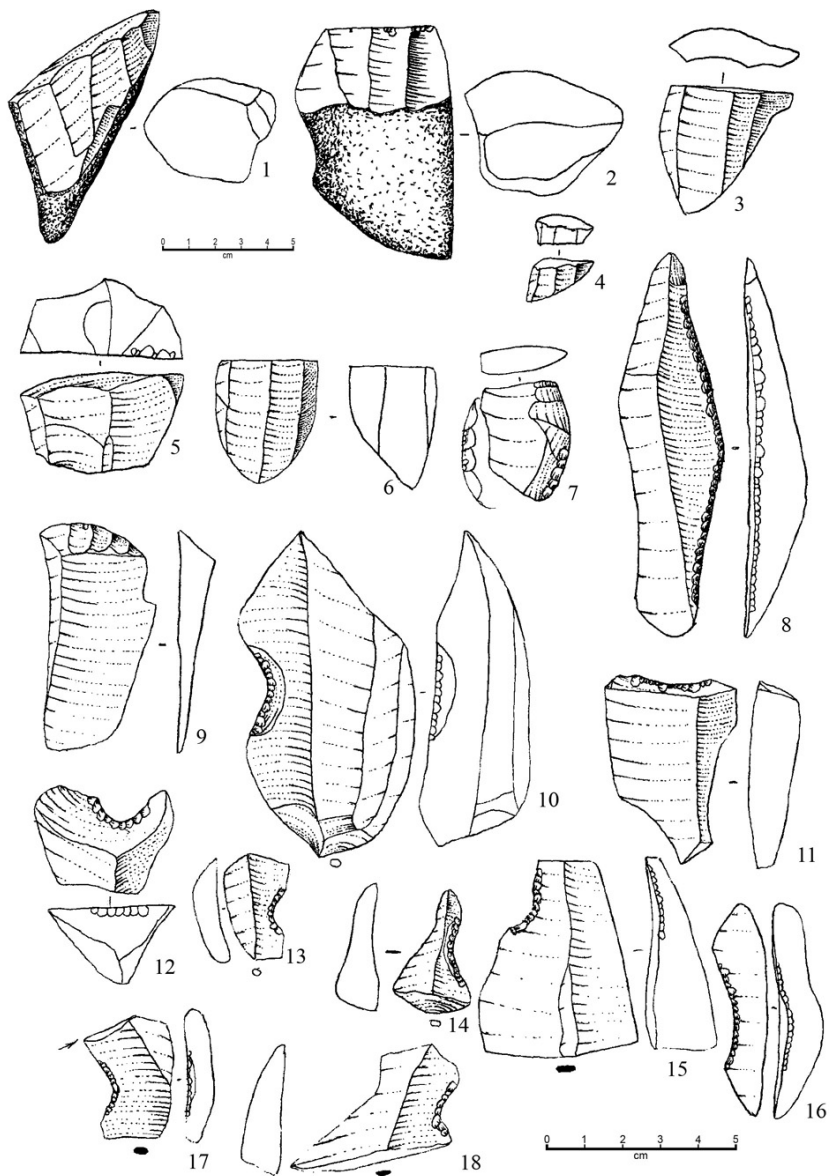
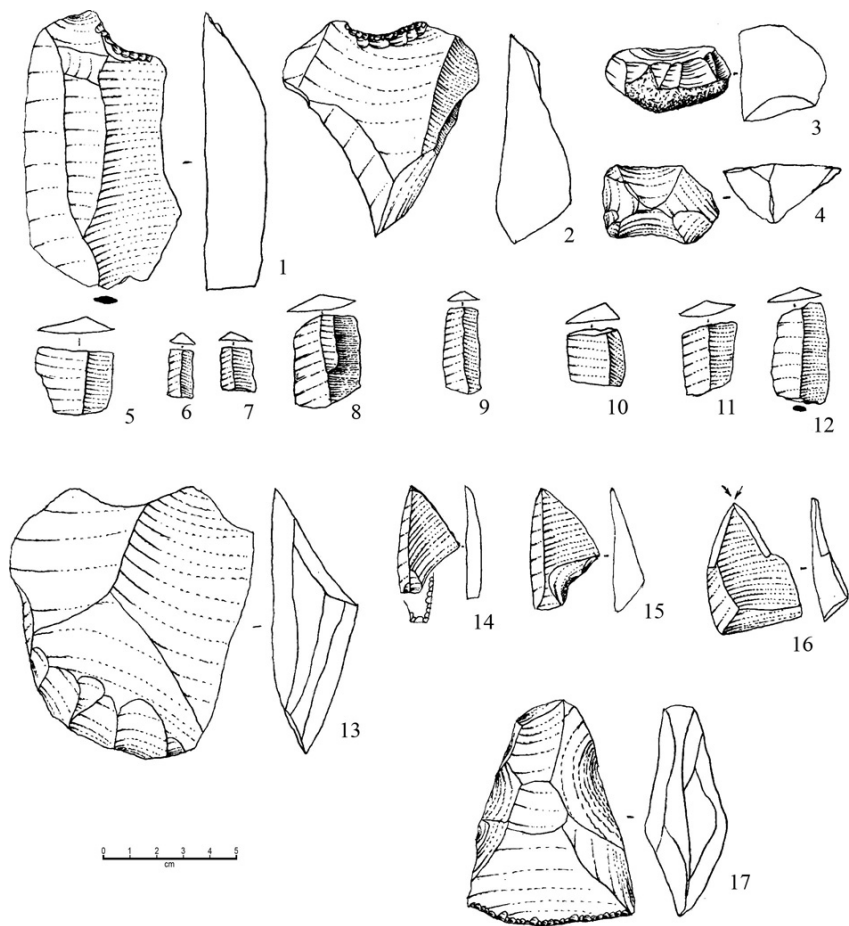

Рис. 1. Каменная индустрия стоянки Ильмень-Голова (кварцит)

**Рис. 2. Каменная индустрия стоянки Ильмень-Голова
(3 — кремль, остальное — кварцит)**

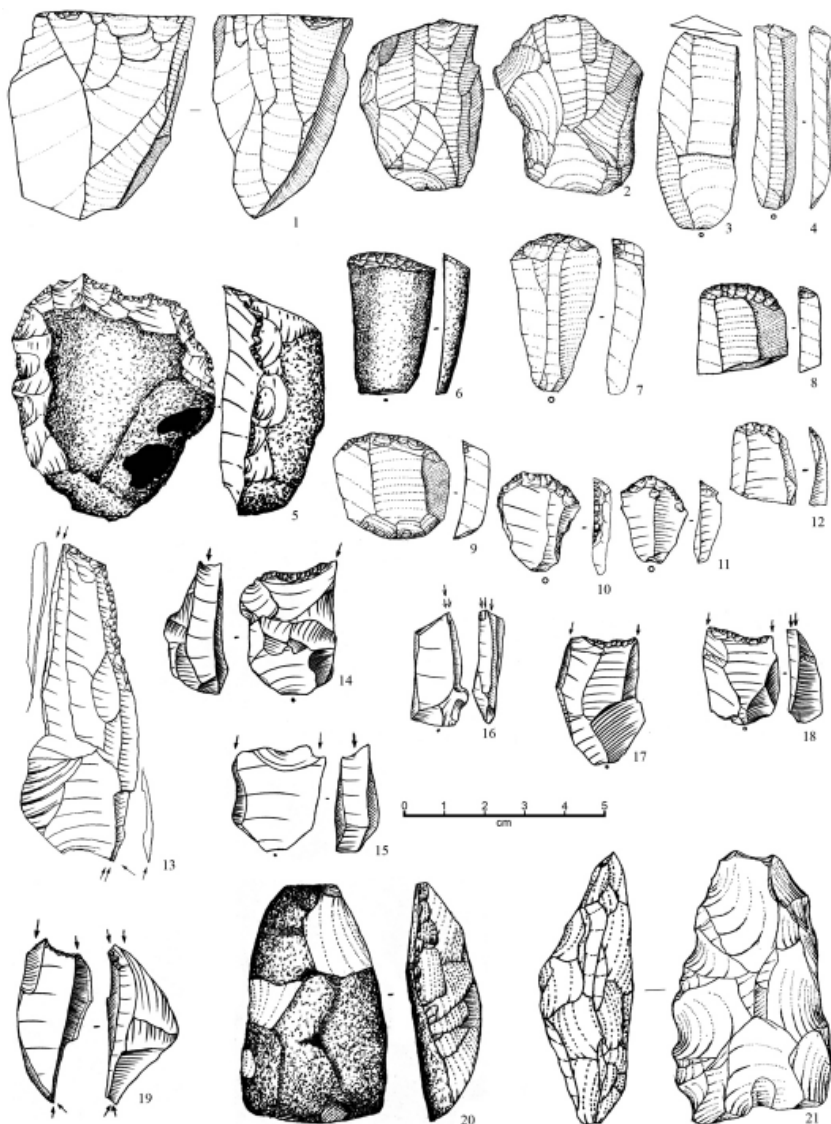

Рис. 3. Каменная индустрия нижнего слоя стоянки Плаутино 2
(5, 6, 10-19 — кремень, остальное — кварцит)

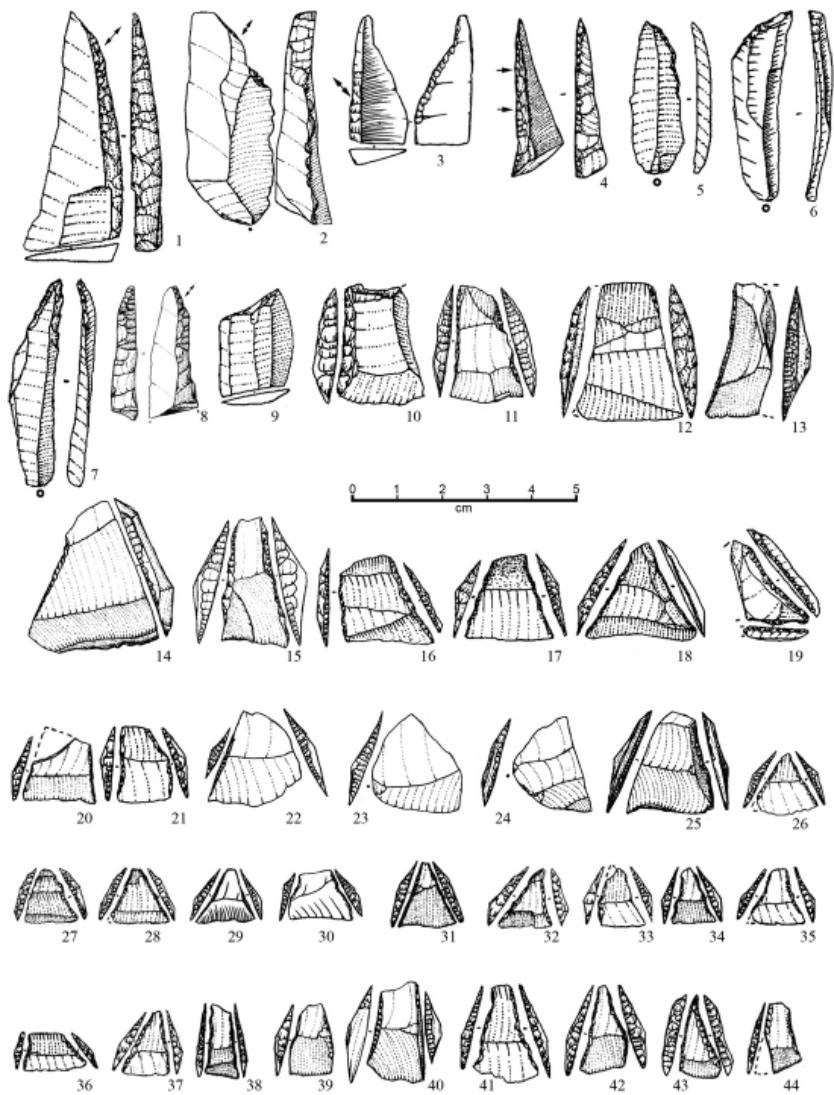

Рис. 4. Каменная индустрия нижнего слоя стоянки Плаутино 2
(3, 6, 30 — кремнь, остальное — кварцит)

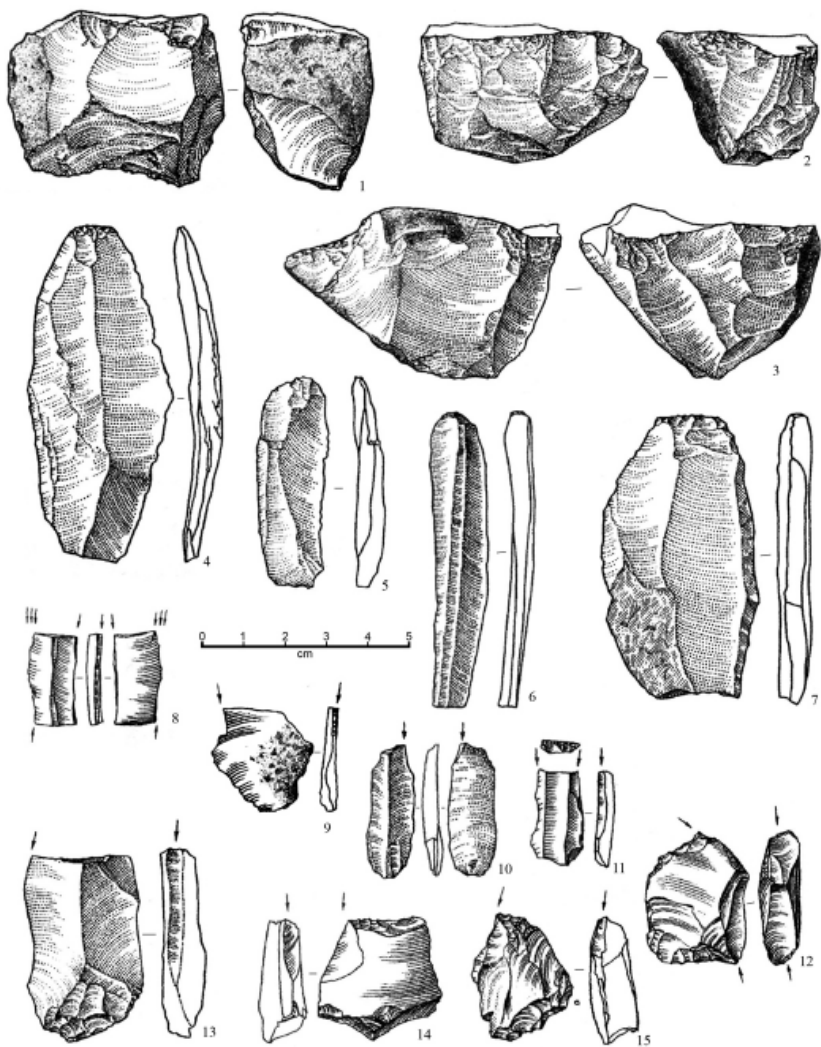

Рис. 5. Каменная индустрия стоянки Ураков Бугор (8, 9, 11, 12, 14, 15 — кремль, остальное — кварцит (по материалам А.А. Ластовского))

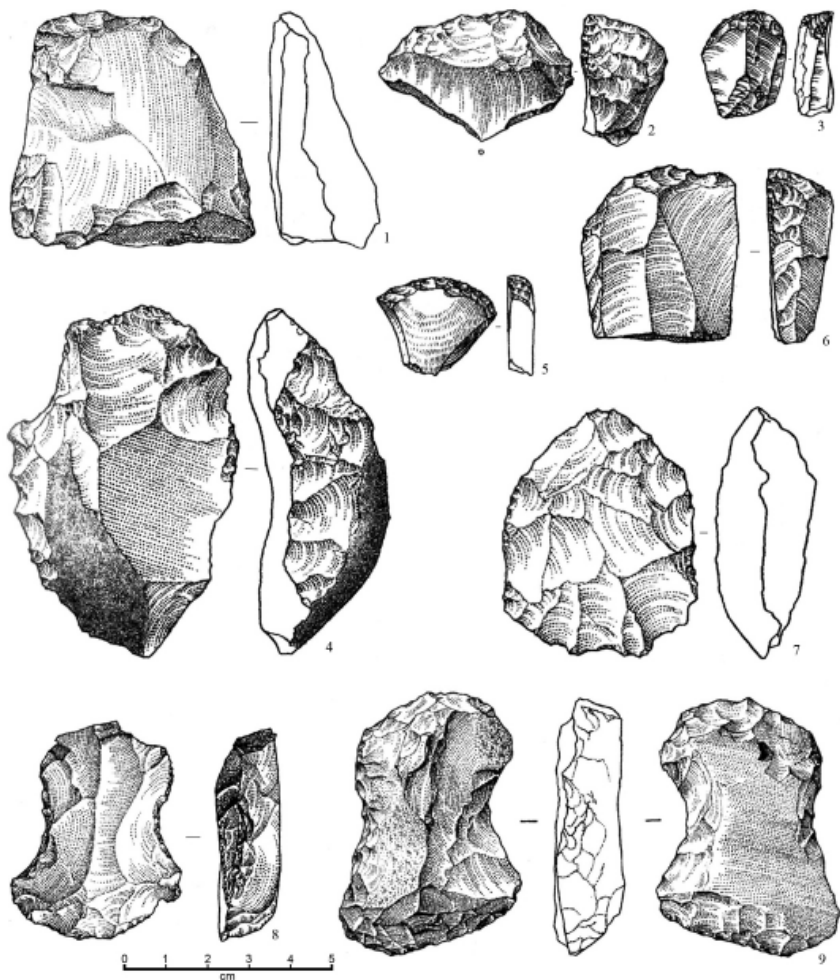
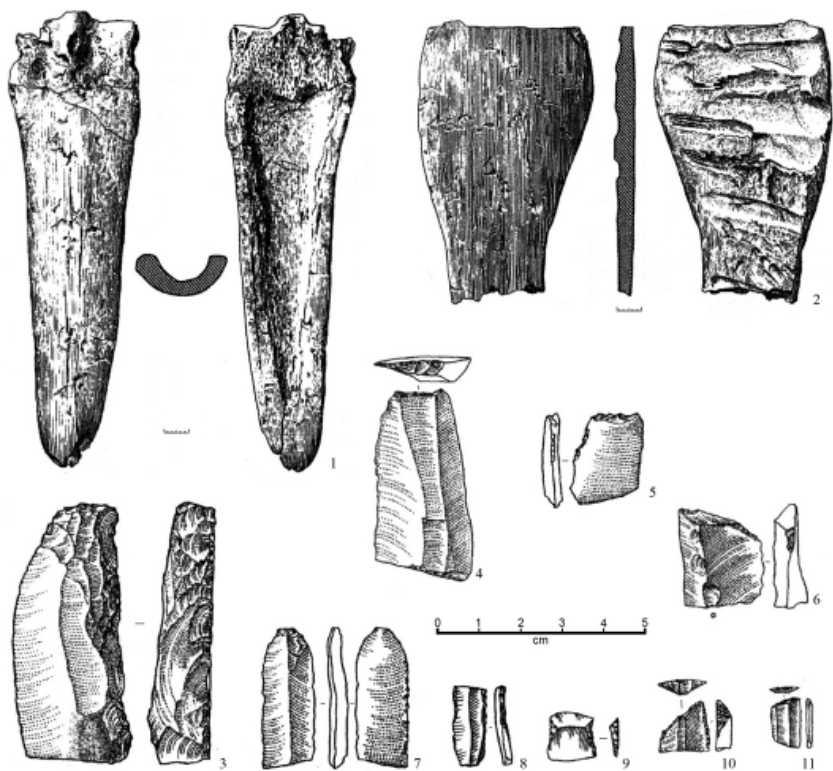

Рис. 6. Каменная индустрия стоянки Ураков Бугор (3 — кремь, остальное — кварцит (по материалам А.А. Ластовского))

**Рис. 7. Каменная индустрия стоянки Ураков Бугор
(1, 2 — кость, 8, 9, 11 — кремьнь, остальное — кварцит
(по материалам А.А. Ластовского))**

Абсолютное большинство каменных артефактов изготовлено из мелкозернистого (кварцита), а также из моренного кремня различных оттенков. Явно импортным является меловой кремь, скорее всего происходящий из бассейна р. Оскол.

Индустрия памятника характеризуется высоким индексом пластичности, базировавшемся на утилизации пирамидальных одноплоскостных и ортогнатных нуклеусов, основной заготовкой для орудий является широкая пластина с неправильным оформлением спинки или отщеп, полученные ударом, в технике вторичной обработки доминирует слом заготовки, крутая и полукрутая ретушь, резцовое скалывание; в орудийном комплексе преобладают скребки и резцы, комбинированные орудия представлены сочетанием «скребок-резец» и в меньшей степени – «скребок-скобель» (рис. 3).

Своеобразный облик коллекции придает серия геометрических микролитов и острий (более 50 экз.), среди которых средневысокие и высокие трапеции и несколько треугольников, а также острия «фермерmesser» и обломки обушковых острий (рис. 4).

По данным спорово-пыльцевого анализа, подстилающий и вмещающий находки слой стоянки относится к аллереду (*Сурков, Федюнин, 2005*). Однако такой датировке материалов памятника противоречит достаточно развитый облик каменного инвентаря. Вопрос о времени бытования комплекса нужно оставить открытым, отметив его верхнюю границу временем, не позднее рубежа дриаса III и пребореала.

Каменный инвентарь стоянки характерен для археологических культур так называемой постаренбургской общности, занимающих хронологический промежуток финала плейстоцена и раннего голоцена.

Стоянка **Ураков Бугор** расположена на высоком мысу террасы р. Волга, недалеко от г. Камышин. Открыта исследовалась И.И. Дремовым в 1992. Культурный слой был приурочен к слою буровато-серой супеси.

Результаты исследований неоднократно издавались (*Дремов, 1992; 2001; Ластовский, 2006*), причем достаточно подробно. Тем не менее, в последней публикации А.А. Ластовского присутствует ряд положений, на которых хотелось бы остановиться отдельно.

Несмотря на то, что исследователем утверждается, что выявленный комплекс гомогенен в культурном и хронологическом плане (*Ластовский, 2006, с. 197; 199*), хотя последнее и подвергается справедливому сомнению (*Ластовский, 2006, с. 198*), кажется, что это действительно не так. Даже беглого взгляда на коллекцию достаточно, чтобы увидеть две смешанные традиции, проявляющиеся как в технике расщепления, так и в ансамбле орудий. Кстати, А.А. Ластовским такая ситуация отчасти объясняется исходными размерами местного артефактного сырья: оби-

лием крупных кварцитов и мелких кремневых галек (*Ластовский, 2006, с. 182*). Однако, если речь идет о традиции расщепления, а не о конкретно-ситуационном подходе к выбору исходного сырья, микролитизм индустрии здесь может быть следствием утилизации сырья фактически любого размера, то есть, эта характеристика, в отличие от другой (крупные заготовки и орудия), в минимальной степени привязана к исходным метрическим и другим данным поделочного материала.

Судя по опубликованным данным и знакомству с частью коллекции, можно говорить об устойчивых аналогиях определенной ее части с описанным выше комплексом стоянки Плаутино 2. Сходство проявляется и в технике расщепления, базировавшейся на утилизации пирамидальных одноплощадочных и ортогнатных нуклеусов в «ударной» технике (рис. 5). Здесь явно чужеродной выглядит серия торцовых нуклеусов, предназначенных для снятия узких правильных пластин в технике отжима, что не позволяет согласиться с мыслью А.А. Ластовского о «непротиворечивых технологических контекстах» расщепления в коллекции (*Ластовский, 2006, с. 185*).

Сходство с коллекцией Плаутино 2 проявляется и в процентном соотношении ведущих типов орудий: резцов – на сломе заготовки, ретушных, двугранных (в порядке уменьшения количества), и скребков (рис. 5, 6).

В типологию комплексов «памятников с трапециями» укладываются и крупные обломки «пластин с обушком» (*Ластовский, 2006, с. 187*), которые вполне могли принадлежать характерным остриям (рис. 7: 3).

Наконец, сходство коллекций Плаутино 2 и Уракова Бугра проявляется и в традиции изготовления рубящих орудий – миндалевидной и подтрапецевидной формы с плоско-выпуклым сечением (рис. 6), хотя наличие в коллекции Уракова Бугра такого важного признака, как топорики с перехватом, на настоящем уровне исследования может говорить о большей древности этого памятника. Данный тип изделий на Среднем Дону представлен одной недокументированной находкой из Среднего Поосколья, и одной – из мезолитического слоя стоянки Ямное под г. Воронеж (материалы в печати). Однако, и во втором памятнике имеющийся материал коллекции не позволяет провести аналогии с комплексом Уракова Бугра.

Не кажется убедительным и типологическое разделение «геометрических» и «негеометрических» (?) трапеций (*Ластовский, 2006, с. 203*) – орудий с ровными и вогнутыми краями, и поиск им аналогий по отдельности на сопредельных территориях. Коллекции памятников усть-камской, иеневской, зимовниковской (к которой автор относит коллекцию нижнего слоя Плаутино 2) культур, содержат и те, и дру-

гие типы изделий, в том числе и достаточно массивные. Возможно, это явления разного хронологического порядка, смешанные в материалах каждого из конкретных памятников, но подтвердить или опровергнуть такое предположение нельзя. Возможно, что наличие выемки – признак использования «псевдомикрорезцово́й» техники, а ее отсутствие маркирует традицию изготовления трапеции путем поперечного или диагонального слома пластины с последующим ретушированием торцов (Федюнин, 2006). В любом случае, проведение аналогий между памятниками не должно строиться только на единичных вещах, даже если они имеют статус маркера.

Скорее всего, к характеристике имеющейся коллекции следует подходить более осторожно, предполагая наличие здесь ранее двух горизонтов залегания находок – более раннего, который может быть включен в круг памятников финала палеолита – начала мезолита «с трапециями», и более позднего, культурная атрибуция которого затруднена. Использование одного и того же сырья в разное время, видимо, серьезно исказило типологическую картину комплексов путем смешения. Кстати, данное предположение подтверждается собственными литолого-стратиграфическими наблюдениями А.А. Ластовского, проведенными по условным горизонтам: на диаграммах 3, 4 четко выделяются два пиковых значения количества находок, соответствующие интервалам 100-110 см. и 130-150 см., разделенные слабонасыщенным промежутком (Ластовский, 2006, с. 261). При этом исследователем констатируется и факт переотложения культурного слоя памятника (Ластовский, 2006, с. 199), датированного ^{14}C 10480 \pm 680 л.н. (LE-4819) (Ластовский, 2006, с. 193).

В свете сказанного выше, нельзя согласиться с утверждением А.А. Ластовского о том, что «в раннем мезолите [Нижнего Поволжья – И.Ф.] культурные контакты по линии запад-восток отсутствуют» (Ластовский, 2006, с. 197), даже заменив положения «контактной» гипотезы, которая вряд ли может быть доказана существующей источниковой базой памятников мезолита Восточной Европы, на теорию смещения ареалов обитания человеческих коллективов, жестко привязанных к сезонным миграциям стадных копытных млекопитающих (Сорокин, 2008).

Вполне возможно предположить, что территория Доно-Волжского междуречья в финале плейстоцена и начале голоцена включала в себя один или несколько упомянутых выше ареалов, иначе трудно было бы объяснить присутствие «родственных» культур в Подонцовье, Северо-Восточном Причерноморье и Нижнем Прикамые. Скорее всего, продолжающийся процесс исследования в очерченном регионе приведет к вполне закономерным открытиям новых памятников данного хро-

нологического среза, что позволит с большей полнотой подойти здесь к реконструкции миграционных процессов. Предполагать «колонизацию» (термин, принятый в западноевропейской литературе, хотя о какой «колонизации» можно говорить, рассматривая общества финала плейстоцена – раннего голоцена?) такого огромного региона населением финального палеолита – раннего мезолита не приходится, так как древнейшие его памятники относятся к домустьеерскому времени, при том, что здесь представлены материалы среднего и верхнего палеолита (*Нехорошев П.Е., 1999; 2006; Захариков, 1997; 2006*), однако «реколонизация» как возможный вариант «вторичного» освоения (либо ряд таких «освоений») территории кажется вполне реальным. По крайней мере, при наличии хронологической лакуны между поздним верхним и финальным палеолитом, памятники этих эпох сближаются лишь сходной техникой расщепления и некоторыми типами орудий (*Федюнин, 2006*). Тем не менее, пока с определенной долей уверенности можно говорить в общих чертах о возможности включения междуречья Дона и Волги в территорию постаренбургской культурной общности финального палеолита – раннего мезолита.

Примечания

1. Археология Нижнего Поволжья. Каменный век. Волгоград, 2006.
2. *Дремов И.И.* Ураков Бугор – стоянка с микролитическим инвентарем // Проблемы палеолита и мезолита Волго-Уралья. Саратов, 1992. С. 21-22.
3. *Дремов И.И.* Ураков Бугор: материалы раннего мезолита, средней и финальной бронзы // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2001. С. 124-134.
4. *Захариков А.П.* Многослойный памятник Непряхино // Археологическое исследование Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 г. Вып. 2. Саратов, 1997.
5. *Захариков А.П.* Памятники верхнего палеолита. – в кн.: Археология Нижнего Поволжья. Каменный век. Волгоград, 2006. С. 62-79.
6. *Ластовский А.А.* Культурная специфика Нижне-Волжского региона в эпоху мезолита. – в кн.: Археология Нижнего Поволжья. Каменный век. Волгоград, 2006. С. 197-208.
7. *Ластовский А.А.* Мезолитические памятники северной и центральной части Нижнего Поволжья. – в кн.: Археология Нижнего Поволжья. Каменный век. Волгоград, 2006. С. 174-196.
8. *Нехорошев П.Е.* Памятники среднего палеолита. – в кн.: Археология Нижнего Поволжья. Каменный век. Волгоград, 2006. С. 18-61.

9. *Нехорошев П.Е.* Технологический метод изучения первичного расщепления камня Среднего Палеолита. СПб, 1999.

10. *Ремизов С.О.* Новая стоянка каменного века на территории Волгоградской области // Нижнее Поволжье в Древности. Волгоград, 1993. С. 11-17.

11. *Сорокин А.Н.* Мезолитоведение Поочья. М., 2008.

12. *Сурков А.В., Федюнин И.В.* Финальнопалеолитический комплекс стоянки Плаутинская 2 // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2005. с. 19-34.

13. *Федюнин И.В.* Мезолитические памятники Доно-Волжского междуречья. Автореф. канд. дисс. Воронеж, 2005.

14. *Федюнин И.В.* Мезолитические памятники Среднего Дона. Воронеж, 2006.

15. *Федюнин И.В.* Стоянка Ильмень-Голова в лесостепном Похоперье // Археология Восточноевропейской Лесостепи. Пенза, 2003. с. 34-41.

16. *Федюнин И.В., Сурков А.В., Трегуб Т.Ф.* Эволюция природной среды и материальной культуры Среднего Похоперья в финальном палеолите – неолите // Вестник ВГУ. № 2. Воронеж, 2005.

17. *Шабалин М.И., Праслов Н.Д., Холмовой В.Г.* Открытие палеолита в окрестностях г. Воронежа // Вестник ВГУ. № 2. Воронеж, 2004. С. 44-48.

**А.В. Сурков, А.М. Скоробогатов (Воронеж),
А.Н. Бессуднов, Р.В. Смольянинов (Липецк)**

МАТЕРИАЛЫ КАМЕННОГО ВЕКА МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ ВАСИЛЬЕВСКИЙ КОРДОН 7 В ВЕРХОВЬЯХ РЕКИ ВОРОНЕЖ

В докладе А.В. Суркова на данной конференции, опубликованном в первом томе, была затронута проблема культурной принадлежности керамических комплексов с накольчато-гребенчатой керамикой на Верхнем Дону. Данная тема стала актуальной в связи с совместными раскопками экспедиций Липецкого и Воронежского госпедуниверситетов многослойного поселения Васильевский Кордон 7 и вызвала немалый интерес среди участников конференции, поэтому решено опубликовать весь материал каменного века памятника за исключением представленной в первом томе накольчато-гребенчатой керамики.

В целом, выявленные комплексы многослойного поселения Васильевский Кордон 7 позволяют проследить историю развития финала

каменного века в регионе. Определение точной культурной принадлежности и хронологических рамок конкретных групп камня и керамики пока затруднительно и задача авторов максимально полно представить источник.

Поселение Васильевский Кордон 7 расположено на невысоком пойменном останце в правобережье верхнего течения р. Воронеж. Раскопками было исследовано 141 кв.м, выявлено всего 6490 находок. Основная масса керамики принадлежала эпохе бронзы (около 62% от общего числа керамических находок), на долю неолитической керамики приходилось почти 30%, к энеолиту нами отнесено 6,3%, а остальная принадлежала раннему железному веку и современности. Обнаруженный в раскопе каменный инвентарь в количестве 1030 единиц был преимущественно кремневым (на 93% от числа каменных изделий), общие данные о нем сведены в таблицу:

<i>По типу сырья</i>			
кремень	959		Всего: 1030
кварцит	36		
кварц	14		
прочее	21		
<i>Типологические группы</i>			
Нуклеусы и их сколы	94 (9,1 %)	Отщепы, сколы, чешуйки	684 (66,4 %)
Отбойники и отжимники	12 (1,2 %)	Обломки орудий и предметы с ретушью	21(2,1 %)
Серп	1		
		Скобели	23 (2,2 %)
Проколки и развертки	22 (2,1 %)	Скребки	57 (5,5 %)
Резцы	46 (4,5 %)	Прочее	70

О технике первичного скалывания и начальном процессе изготовления орудий позволяет судить довольно представительная группа нуклеусов и их сколов. Это в основном предельно утилизированные ядрища аморфной формы и небольших размеров, служившие для снятия отщепов или пластин с неправильным оформлением спинки (рис. 1, 1-4).

Встречены нуклеусы и правильных форм, иногда для снятия микропластин (рис. 1, 5-9). Самую многочисленную группу каменных находок

составляют отходы производства – отщепы, сколы, чешуйки. На некоторых отщепах и обломках орудий имеется пришлифовка. Из мягких пород камня сделано два орудия – сланцевый «утюжок», кромка которого утилизирована (рис. 1, 11), и миниатюрное тесло из мергеля (рис. 1, 10).

Среди орудий на первом месте по численности стоят скребки. Они имеют различные вариации по форме и размеру, а также длине рабочего края (рис. 2). Обращают на себя внимание миниатюрные экземпляры, один из которых выполнен на пластине (рис. 2, 8). На некоторых скребках имеются резцовые сколы (рис. 2, 11-13). Скобелей выделяется 23, но большинство из них не имеет признаков вторичной обработки в форме ретуши, а только лишь следы утилизации. Один скобель имеет массивные размеры, а его боковые грани могли использоваться как скребла (рис. 3, 1). Довольно необычны, в рамках данного комплекса, находки двух орудий геометрических форм – обломок трапеции на пластине (рис. 3, 2) и сегмент на пластинчатом отщепе, обработанный с двух сторон (рис. 3, 3). Находки пластин на памятнике единичны (рис. 3, 5), встречен один медиальный обломок кварцевой пластины с притупляющей ретушью по боковым граням (рис. 3, 4).

В раскопе обнаружено несколько кремневых ножей (рис. 3, 6-11). Ярко выраженную морфологически группу составляют различные проколки и развертки (рис. 3, 12, 13, 17-24). Резцов выделяется 46, они имеют различное положение резцовых сколов – срединное симметричное, асимметричное, боковое (рис. 1, 12-21). Среди боковых резцов выделяются косоретушный (рис. 1, 18), выемчаторетушный (рис. 1, 19) и резец на углу сломанного пластинчатого отщепа (рис. 1, 15).

В раскопе найдено семь целых и несколько фрагментированных наконечников стрел. Две стрелы имели притупленный ударный край.

Культурно-хронологическая интерпретация каменного инвентаря очень затруднительна, поскольку на памятнике представлено несколько культур от неолита до эпохи бронзы, население которых могло его использовать. Обращает на себя внимание тот факт, что для поселений Верхнего Дона более характерно небольшое количество каменных изделий на памятниках неолита-энеолита, а на данном поселении на долю каменного инвентаря приходится шестая часть от всех находок. Несомненно, некоторая часть каменных изделий относится к эпохе бронзы (наконечники стрел, возможно, некоторые скребки и скобели), но основная масса принадлежала различным культурам каменного века.

Керамика неолитического времени нами разделена на пять групп, хотя это деление и не бесспорно. Накольчато-гребенчатая керамика самая многочисленная, описана в первом томе. Остальные группы – по выделенным в регионе культурам и орнаменту (ромбоямочная):

<i>Неолит</i>				
Часть сосуда	венчик	стенка	донце	Всего:
Накольчато-гребенчатая	134	731	19	884
Среднедонская	20	207	1	228
Рязанско-долговская	39	272	1	312
Рыбноозерская	18	140	2	160
Ромбоямочная	1	16	-	17
			Итого:	1601 (29,6%)

Вторая по численности группа керамики эпохи неолита украшена накольчатым или накольчато-ямочным орнаментом и, судя по венчикам, в раскопе обнаружены остатки от примерно 18 сосудов. Накольчатая керамика имеет запесоченное тесто, накол выражено треугольный, орнаментированы верхние части сосудов (рис. 4, 1-3). У накольчато-ямочной керамики тесто более плотное, без видимых примесей, она тонкостенная (толщина черепков 0,4-0,5 см). Судя по форме венчиков сосуды имели закрытую (рис. 1, 6, 11) и прямостенную формы. Срез венчиков плоский. Орнамент покрывает всю внешнюю сторону, а иногда гребенкой украшен срез снаружи и изнутри (рис. 4, 6-8, 11). Накол как треугольный, так и каплевидный (рис. 4, 12). Данную керамику можно соотнести со среднедонской культурой.

Сосудов третьей группы в раскопе выявлено примерно столько же, сколько и предыдущих – около 18, но количество фрагментов гораздо больше – 312, среди которых 39 венчиков и одно донце. Тесто керамики этой группы аналогично описанному выше – плотное, иногда запесоченное. Керамика украшена ямочно-гребенчатым орнаментом, поверхности черепков от темно-коричневого до красно-коричневого цвета (рис. 5, 2-13). Расчески часто покрывают обе поверхности черепков, нанесены мелким гребенчатым штампом. Орнамент довольно плотный и покрывает всю внешнюю поверхность сосудов горизонтальными рядами. Часто орнаментирована и внутренняя сторона венчика. Судя по венчикам, форма сосудов прямая или закрытая. Один из них имел профилированную форму венчика и миниатюрные размеры (рис. 5, 3). У трех же — венчик утолщен (рис. 5, 4, 8, 11), срез плоский или округлый. Единственное донце этой группы было округлым (рис. 5, 13). Эта керамика, как принято в донском регионе, связывается с рязанско-долговской культурой.

К четвертой группе нами отнесены фрагменты примерно 10 сосудов с ямочно-гребенчатым (иногда зубчатым) орнаментом, имеющие плотное тесто с примесью дресвы, всего 160 фрагментов, причем значительная часть

принадлежит одному сосуду. Он имел слегка прикрытую форму, толщина стенок около 0,8 см, цвет поверхностей желтый, они хорошо заглажены, срез уплощен (рис. 5, 17). Орнамент состоит из горизонтальных рядов белемнитных ямок и оттисков зубчатого штампа. Остальные сосуды этой группы имели, скорее всего, закрытую форму и были украшены горизонтальными рядами различных по глубине ямок (рис. 5, 14, 15), на одном сосуде неглубокие ямки были нанесены в отступающей манере (рис. 5, 16). Такую керамику принято выделять в рыбноозерскую культуру.

Самой малочисленной группой являются остатки одного сосуда с ромбоямочной орнаментацией (рис. 4, 13). Тесто сосуда рыхлое, с примесью органики, орнамент неглубокий и покрывает всю внешнюю поверхность сосуда, имевшего прямой венчик.

Культурно-хронологическая характеристика выделенных групп несколько затруднительна, поскольку по материалам данного памятника фиксируется неоднородность в посуде с накольчато-гребенчатым орнаментом, а ямочно-гребенчатая керамика всей русской равнины чаще связывается с льяловской культурой.

Интересен венчик, пока не имеющий аналогий: он — от закрытого сосуда, орнаментированного наколами, частично схожими с ромбами. Его верх раздвоен, имеется сквозное сверленное отверстие (рис. 5, 1). Тесто пористое, возможно это выщелоченная раковина. Соотнести его с неолитом или энеолитом не представляется возможным.

Керамика эпохи энеолита делится на несколько групп.

<i>Энеолит</i>				
Часть сосуда	венчик	стенка	донце	Всего:
Неопределённая	2	13	-	15
Среднестоговская	37	193	1	231
Репинская	12	78	3	93
Итого:				339

Первая группа посуды характеризуется пористым тестом с примесью органики. Она представлена всего 15 фрагментами. Поверхности сосудов серо-желтого цвета. К данной группе относятся фрагменты от четырех сосудов. Первый представлен фрагментом венчика с утолщённым краем, орнаментированного по верхней части отпечатками косопоставленной широкой гребенки, несколько ниже идут горизонтальные ряды крупного трехзубого гребенчатого штампа (рис. 6, 1). Диаметр сосуда по верху приблизительно 28 см. Второй фрагмент от придонной части сосуда, украшенный горизонтальными рядами ногтевых вдавлений (рис. 6, 4), на поверхностях видны отпечатанные следы от перьев

небольшого размера, внутренняя поверхность фрагмента сглажена. Фрагменты от третьего сосуда представлены стенками с перекрещивающимися линиями гребенчатого штампа и рядами ямок (рис. 6, 3), фрагменты от последнего сосуда – стенки с горизонтальными рядами неглубоких вдавлений (рис. 6, 2). Трудно определить культурную принадлежность этих сосудов, возможно они связаны с волосовскими древностями. На соседнем поселении Буховое 9 выявлено несколько полных развалов подобной керамики, которые ближайšie аналогии находят в круге лесных культур поздней бронзы.

Вторая группа энеолитической керамики представлена фрагментами от сосудов с примесью дробленой раковины в тесте, толщина стенок около 0,8 см (рис. 6, 5-13). Венчики высокие и средневысокие, переход от венчика к тулову либо резкий, с образованием ребра на внутренней части сосуда, либо плавный. Все сосуды, судя по имеющимся венчикам, открытой формы. Срез венчиков прямой, округлый, приостренный. Всего данная группа керамики насчитывает обломки венчиков от 17 сосудов. Пять сосудов орнаментированы гребенчатым штампом, ямками – шесть сосудов, насечки украшают поверхности двух сосудов, в одном случае встречен прочерченный орнамент. Три сосуда на сохранившихся частях не имели орнамента. Встречается прием орнаментации среза венчиков, как правило, в виде насечек. Имеется фрагмент венчика, украшенный с внутренней стороны длинным пунктирным гребенчатым штампом (рис. 6, 11).

Керамика третьей группы характеризуется раковинной примесью в тесте, посуда, как правило, толстостенная, венчики массивные, желобчатые, резко отогнуты наружу (рис. 7). К данной группе относится один развал сосуда, который нам удалось графически реконструировать, фрагментами венчиков от пяти сосудов, а также частями стенок от девяти сосудов. Реконструированный сосуд имеет резко отогнутый наружу венчик, на внутренней части образуя ребро на месте перехода от горла к тулову (рис. 7, 1). По верхней части сосуд украшен небольшими насечками, чуть ниже имеются два горизонтальных ряда наколов. Тулово орнаментировано зигзаговой композицией, выполненный двумя рядами скобковидных, иногда округлых или подтреугольных наколов. Донце округлой формы, украшено наколами округлой формы. Остальные фрагменты данной керамической группы имеют различную орнаментацию гребенчатым штампом, ямками, вдавлениями, в том числе и пальцевыми, «жемчужинами» и насечками. Некоторые фрагменты стенок орнаментированы оттисками веревочки. Интересны в данной группе керамики два фрагмента керамики от одного сосуда. Им преднамеренно придавалась округлая форма (один обломан наполовину), по периметру сильно заглажены. На одном фрагменте сбоку имеется небольшой проделанный желобок. Это, по видимому, «грузики».

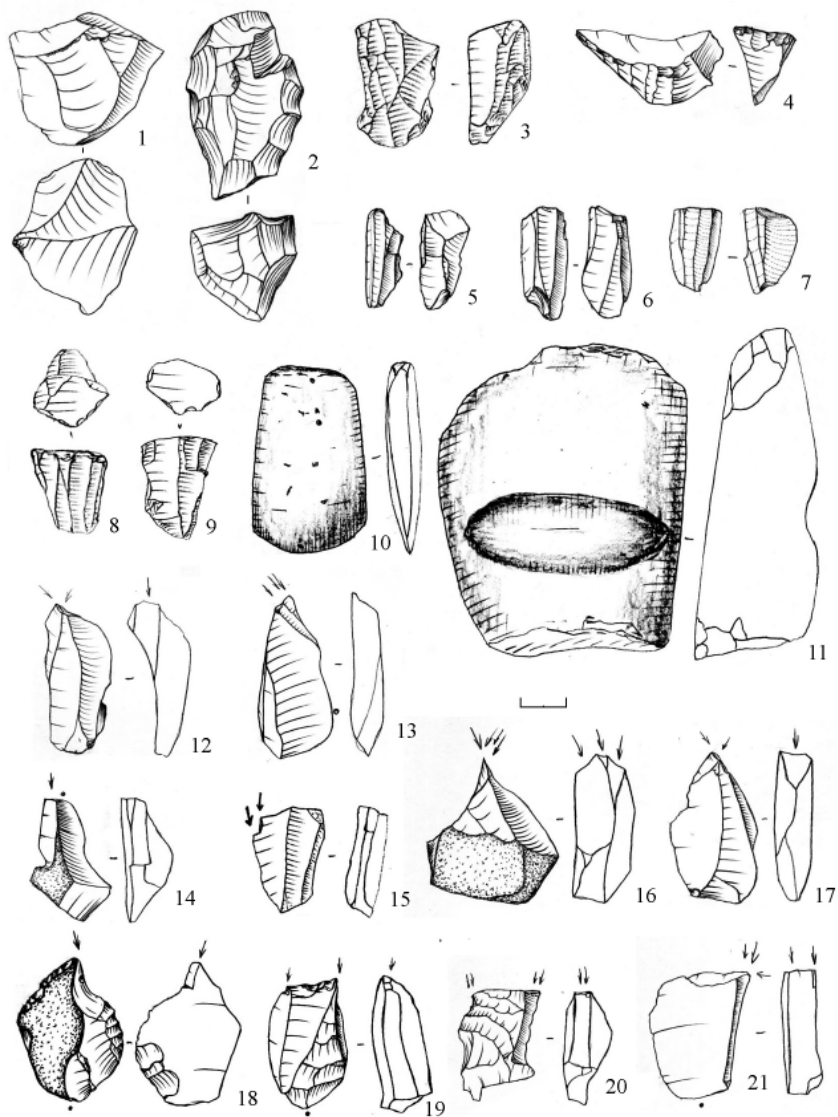

Рис. 1. Каменный инвентарь стоянки Васильевский Кордон 7 (10 – мергель, 11 – сланец, остальное – кремнь).

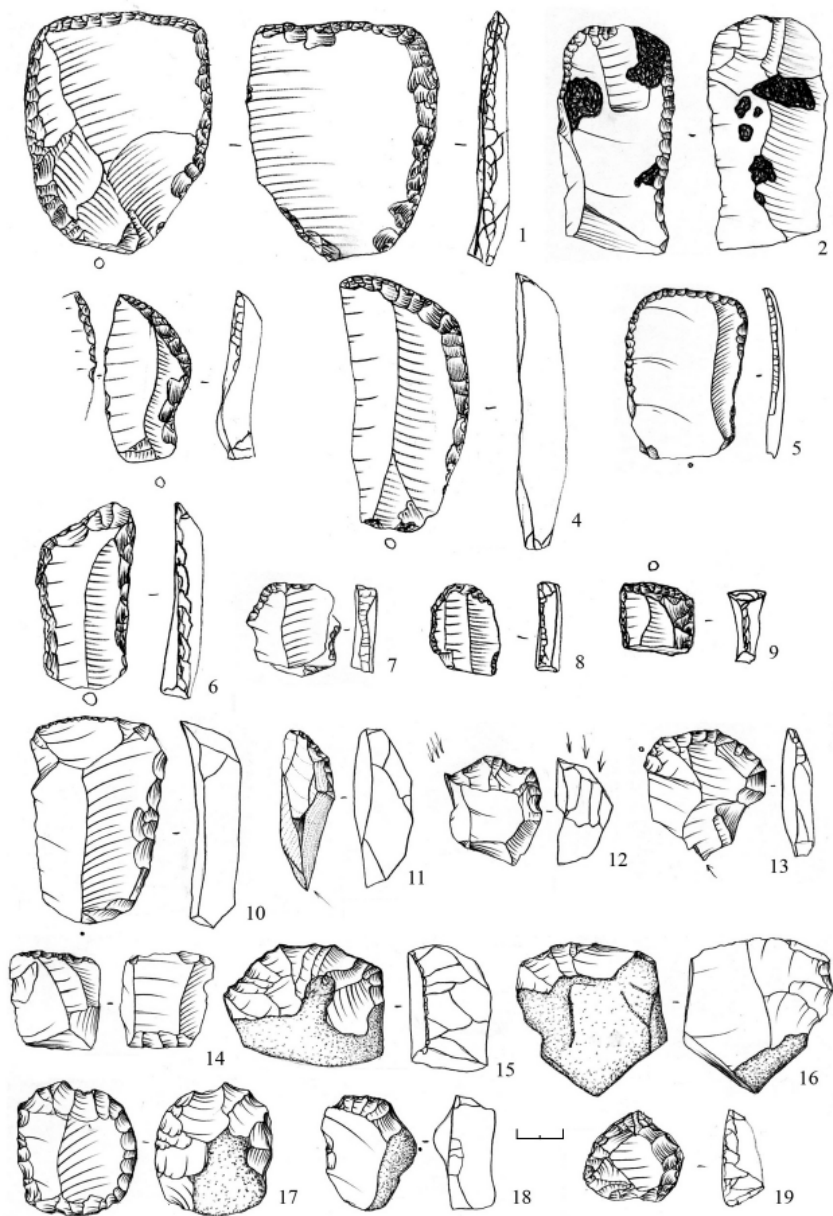
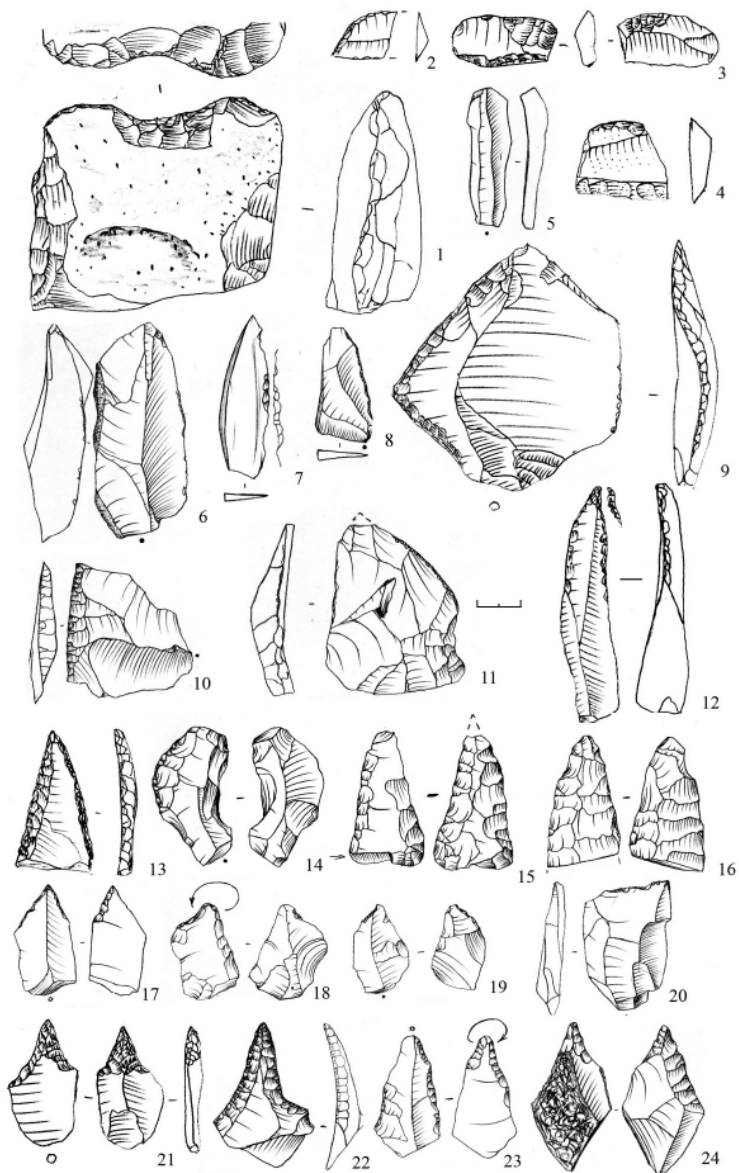

Рис. 2. Каменный инвентарь стоянки Васильевский Кордон 7
(11 – кварцит, остальное – кремнь).

**Рис. 3. Каменный инвентарь стоянки Васильевский Кордон 7
(4 – кварцит, остальное — кремнь).**

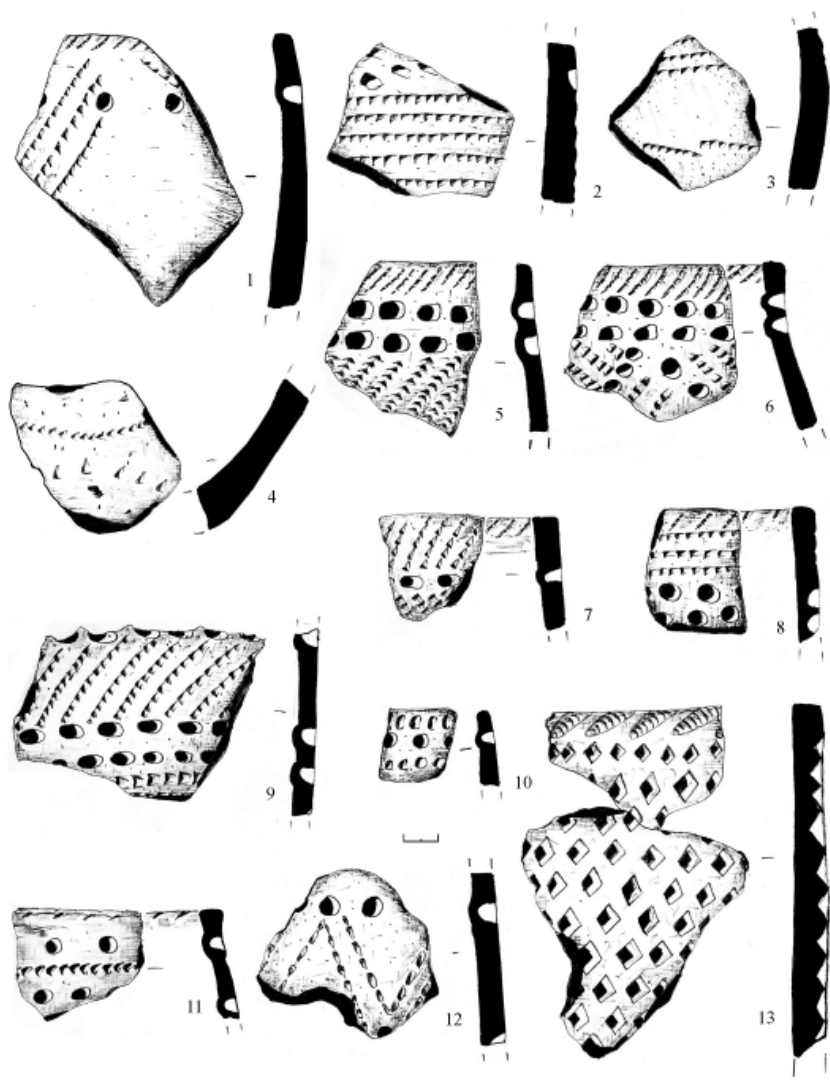

Рис. 4. Васильевский Кордон 7. Неолитическая керамика.

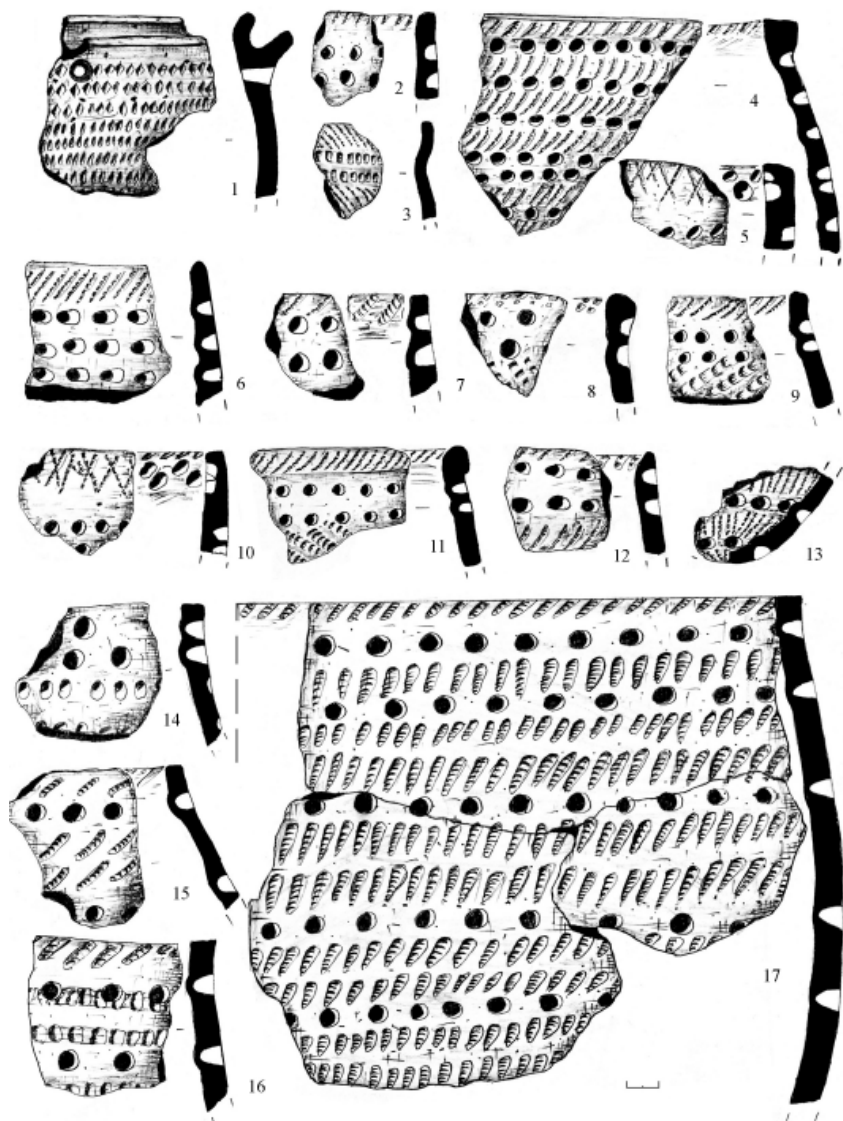

Рис. 5. Васильевский Кордон 7. Неолитическая керамика.

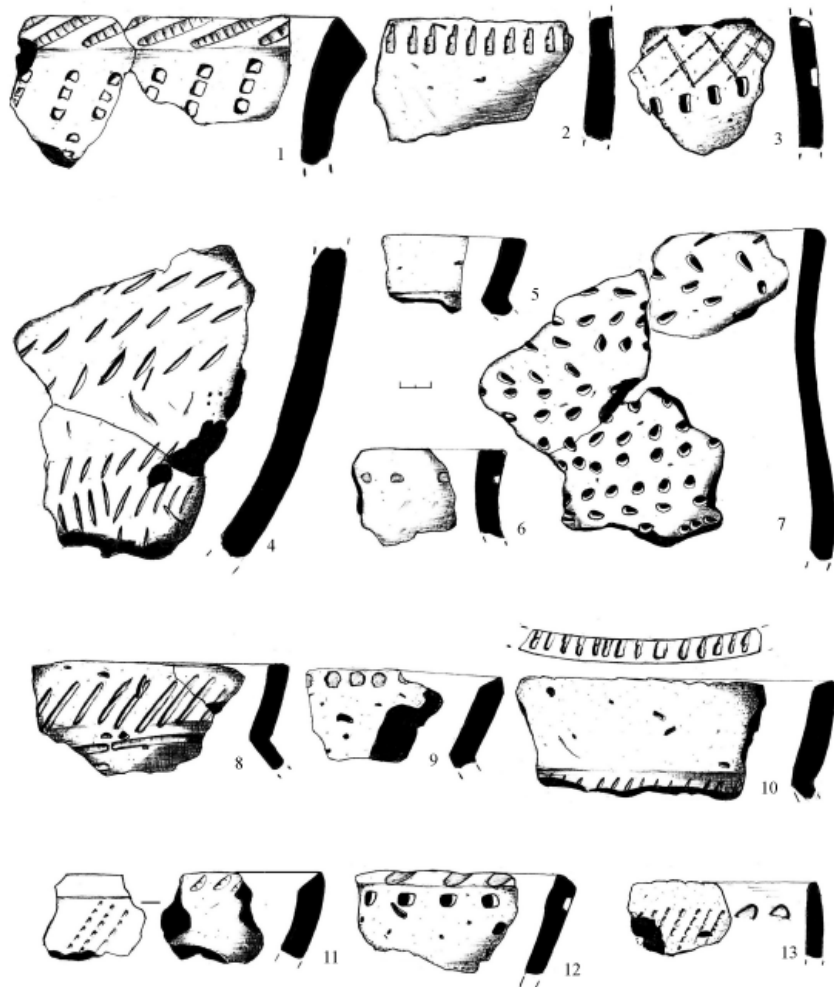

Рис. 6. Васильевский Кордон 7. Энеолитическая керамика.

Рис. 7. Васильевский Кордон 7. Энеолитическая керамика.

Керамика последних двух групп находит широкие аналогии среди материалов среднестоговской и репинской культур. Но в лесостепном Подонье четко разделить их между собой пока еще сложно, возможно, среди репинской керамики есть и проторепинская.

В заключение отметим, что раскопки велись по трехмерной методике с точной фиксацией каждой находки и дальнейшей всесторонней обработкой. К сожалению, поглубинное расположение материалов в пределах раскопа показало полную разрушенность культурного слоя каменного века в последующее время. Экспедицией Липецкого госпедуниверситета планируется продолжить изыскания в верховьях р. Воронеж, что, возможно, позволит определить более точную схему развития культур в неолите и энеолите.

**А.А. Свиридов, Р.В. Смольянинов,
А.А. Клюкоить, С.В. Уваркин (Липецк)**

РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ НА ПАМЯТНИКЕ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА ВАСИЛЬЕВСКИЙ КОРДОН 17 (предварительная публикация)

В 2008 г. проводились археологические исследования в пойме правого берега р. Воронеж в пределах Добровского района Липецкой области (*Клюкоить, 2008*). Из 15 обследованных объектов особенно выделяются материалы с памятника Васильевский Кордон 17. Предполагаемая площадь не менее 70х70 м. На нём был заложен разведочный шурф, расширенный до небольшого раскопа площадью семь кв.м. Были выявлены только материалы раннего этапа репинской культуры. Уникальным является то, что для территории Верхнего Дона впервые получены на одном памятнике кремнёвый и керамический комплексы, изделия и пищевые отходы из кости, скопления раковин, прослежен погребальный обряд, выявлены остатки жилых сооружений.

Верхний слой памятника практически по всей поверхности сильно разрушен регулярным противопожарным опаживанием (до 40 см), но в данный момент задернован. Находки залегают сразу под дёрном. В первом слое, в результате хорошей проницаемости воздуха и воды, керамика и кость очень сильно разрушены. В предматериковой части культурного слоя сохранность находок значительно лучше.

Стратиграфия наслоений памятника: 0-0,05 м — дёрн; 0,05-0,2 м — чернозём; 0,2-0,45 м — тёмно-коричневая супесь, 0,45-0,5 м — светлая супесь; ниже жёлтый материковый песок.

Описание погребения.

Погребённый взрослый мужчина (по определению зав. отделом антропологии Института этнологии и антропологии РАН С.В. Васи-

лева) лежал вытянуто на спине головой на север-северо-восток (рис. 5). Правая ступня его находилась на левой. Руки лежали вдоль тела. Кисти их отсутствовали. Две фаланги выявлены на тазу погребённого. Нижняя челюсть разрушена, видимо, животными. Прямо над черепом погребённого лежало изделие длиной 7 мм, округлое в сечении диаметром 2 мм, предположительно из меди. В районе левого уха погребённого находился кремнёвый наконечник стрелы с выемкой в основании (рис. 1, 1; 5). С этой же стороны, у таза, выявлен ещё один кремнёвый наконечник подромбической формы (рис. 1, 2; 5). У правого локтя находилось вбитое в землю основание рога лося длиной 12 см. С этой же стороны, у черепа, обнаружен клык небольшого хищного животного.

Описание постройки.

У восточной бровки разведочного шурфа зафиксировано тёмное пятно, уходящее под нераскопанную часть памятника. Выявленная часть сооружения предположительно подпрямоугольной формы с закруглёнными углами. Заполнение — тёмно-серая супесь. Дно полностью было выложено слоем раковины толщиной до 10 см. Максимальные выявленные размеры постройки (?) с севера на юг и с запада на восток составляют — 190х115 см. Глубина её от уровня материка достигает 30 см. В 20 см к северу от сооружения также обнаружено скопление раковин, восточная часть которого уходит в неисследованную часть памятника. Оно округлой формы толщиной до 16 см и размерами 50х30 см. Под слоем раковин находился фрагмент кости, предположительно черепной коробки человека (?).

Изделия из камня.

Всего с памятника происходит 43 находки из кремня, один кварцитовый отщеп, отбойник. К орудиям, возможно, относятся три наковальни(?) на песчанике и кремне. Два наконечника стрел планиграфически нами связываются с выявленным погребением. Как было выше отмечено, у головы обнаружен двусторонне обработанный наконечник треугольной формы длиной 33 мм, шириной 18 мм с неглубокой выемкой в основании (рис. 1, 1), а у таза выявлен второй длиной 35 мм, шириной 19 мм ромбовидной формы с выделенными шипами (рис. 1, 2).

В заполнении постройки (?) выявлено по одному отщепу и обломку кремня, один струг с шлифованным лезвием (рис. 1, 7) и три концевых скребка изготовленных на отщепе (рис. 1, 8-10).

В слое поселения обнаружено 37 расщеплённых человеком находок из кремня. 16 из которых представлены отходами производства – отщепами. Остальные либо типологически нами выделяются как орудия, или же на них присутствуют следы использования их в качестве таковых (шесть отщепов с ретушью). Из орудий найдено всего одно тесло

(рис. 1, 3). Поверхность его была шлифована, но в результате либо активной работы, либо возможной переделки лезвийной части эта шлифовка в ударной части орудия была утрачена. Два ножа-резчика (рис. 1, 4, 5), а также полифункциональное орудие (скребок-стамеска) (рис. 1, 6) изготовлены на отщепках. Все оставшиеся находки представлены девятью скребками (рис. 2), один из которых с крутой ретушью изготовлен на пластине (рис. 2, 9). Среди восьми оставшихся скребков, изготовленных на отщепках, пять — однолезвийные (рис. 2, 3, 5-8), на трёх рабочий край занимал 50% и более (до 90%) его периметра (рис. 2, 1, 2, 4). Для изготовления всех орудий использовался местный, цветной, плохого качества кремень.

Находки из кости.

В слое стоянки, в постройке выявлено несколько сотен фрагментов костей. Специального определения пока не производилось. Мы можем отметить только кости птиц, рыб, лося, панцири черепах. Выявлено две обработанные кости. Одно из них, вероятнее всего, костяной ретушёр (рис. 2, 10), второе — обломок орудия, функциональное назначение которого из-за его фрагментарности не ясно (рис. 2, 11).

Керамические находки

В постройке всего было найдено 24 керамические находки. Одна стенка была украшена сочетанием верёвочного и гребенчатого орнаментов, одна — имеет орнаментацию встречной жемчужины (рис. 3, 7), три стенки не имели орнамента, два венчика и одна стенка орнаментированы гребенчатыми отпечатками (рис. 3, 1, 2). Наибольшее количество обломков керамики (один профилированный с округлым краем венчик и 15 стенок) украшено ямчатым орнаментом (неровные, зачастую аморфной формы ямки) (рис. 3, 3-5). Все три венчика из постройки профилированные, два — с округлым краем (рис. 3, 2-3), один — с уплощённым срезом (рис. 3, 1). Последний к тому же орнаментировался гребенчатыми отпечатками как снаружи, так и изнутри. Срез венчиков также украшался рядами гребенчатых отпечатков (рис. 3, 1, 2).

По венчикам выделяется не менее 13 сосудов (всего 283 фрагмента) (рис. 4). Большинство из них имеет слишком малые размеры, чтобы можно было уверенно восстановить форму. Горшки профилированные, зачастую с внутренним ребром (рис. 4, 10). В одном случае сосуд был закрытой формы, биконический, с ярко выраженным внешним ребром в верхней части (рис. 4, 12). За исключением одного горшка, где срез венчика был приострён и срезан наружу (рис. 4, 4), в остальных случаях особенность среза распределяется: он примерно поровну, либо уплощён (рис. 4, 3, 5, 7, 10), либо закруглён (рис. 4, 1, 2, 8, 12).

Керамика рыхлая, коричневого цвета, с примесью органики, ракушки, песка, красных вкраплений (возможно охры), шамота. Изнутри она покрыта гребенчатыми сглаживающими расчёсами. Толщина стенок 0,6-1 см.

Большинство (207 стенок и один венчик из 283) фрагментов керамики из слоя памятника не имели орнамента. На восьми сосудах срез венчика орнаментировался. На наш взгляд в керамическом материале с данного поселения преобладали ранние признаки, характерные для приёмов орнаментации посуды репинской культуры. Доминировала гребенчатая, скобковидная и ямчатая орнаментации, а также сочетания этих орнаментов. Поздний признак – верёвочная орнаментация встречен только на одном горшке. Также в единичных случаях в орнаментации использовались пальцевые защипы. На семи горшках орнаментировалась внутренняя часть. Гребенчатые и ямчатые отпечатки составлялись преимущественно в горизонтальные ряды. В одном случае гребёнка образовывала букву Х (рис. 4, 12), в другом — случае изнутри горшка видны следы отпечатков предположительно сети (рис. 4, 6).

На наш взгляд, этот памятник следует относить к раннему этапу репинской культуры (проторепинский тип керамики по А.Т. Синюку). В украшении посуды доминируют гребенчатые и ямчатые штампы. Верёвочная и жемчужная орнаментация, поздние для репинской культуры признаки, встречены в единичных случаях.

Скрепки в большинстве своём концевые. Погребение, предположительно, относится к этому же времени. Не противоречит сделанному выводу инвентарь, сопровождающий погребённого: изделие из меди, а также наконечники стрел, встречающиеся в слоях энеолитических поселений и погребений в соседних регионах. Н.С. Котова не исключает того, что репинское население имевшее в своём арсенале наконечники с выемкой в основании около 4750-4600 л.н. (3600-3450 л. до н.э.) напало на Константиновское поселение. В одном из военных конфликтов погиб также человек из погребения 4 Александрийского могильника с выемчатыми наконечниками в костях (*Котова, 2004. С. 27*).

Литература:

Клюкоить А.А. Отчёт об археологических исследованиях в Липецкой области в 2008 году. Архив ИА РАН.

Котова Н.С. Бассейн Северского Донца в эпоху энеолита // Матеріали та дослідження з археології східної України. Вып. 3. Луганськ. 2004.

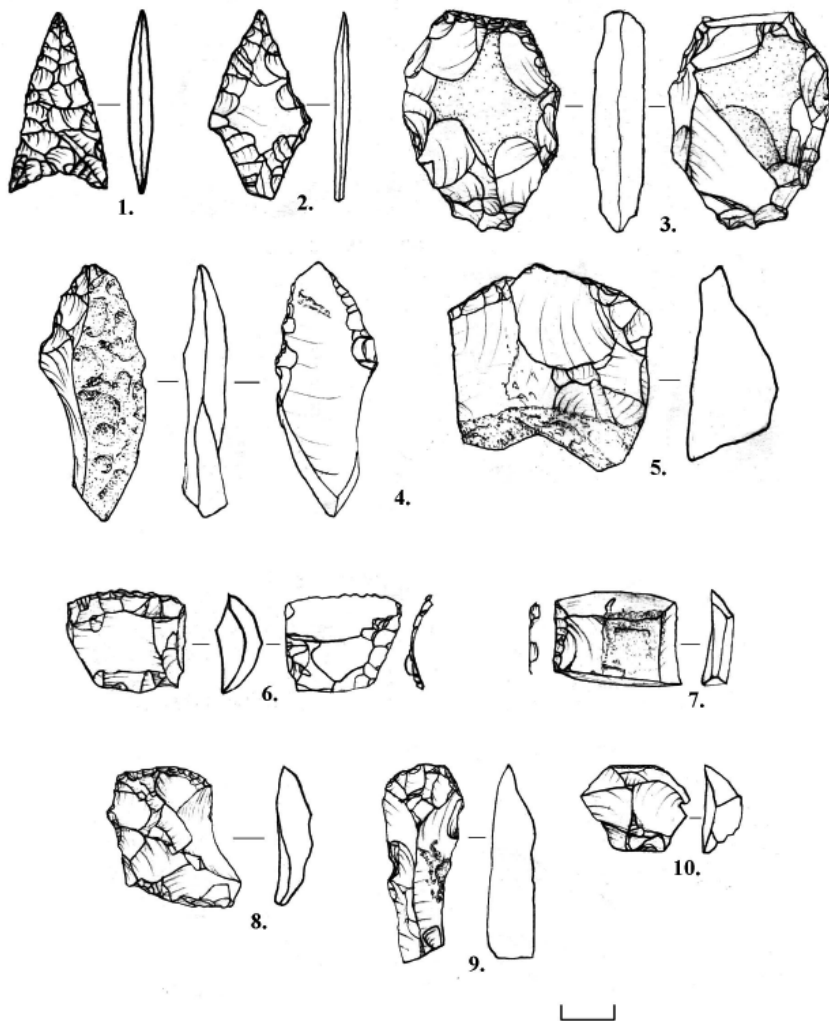

Рис. 1. Поселение Васильевский кордон-17. Кремневые орудия.

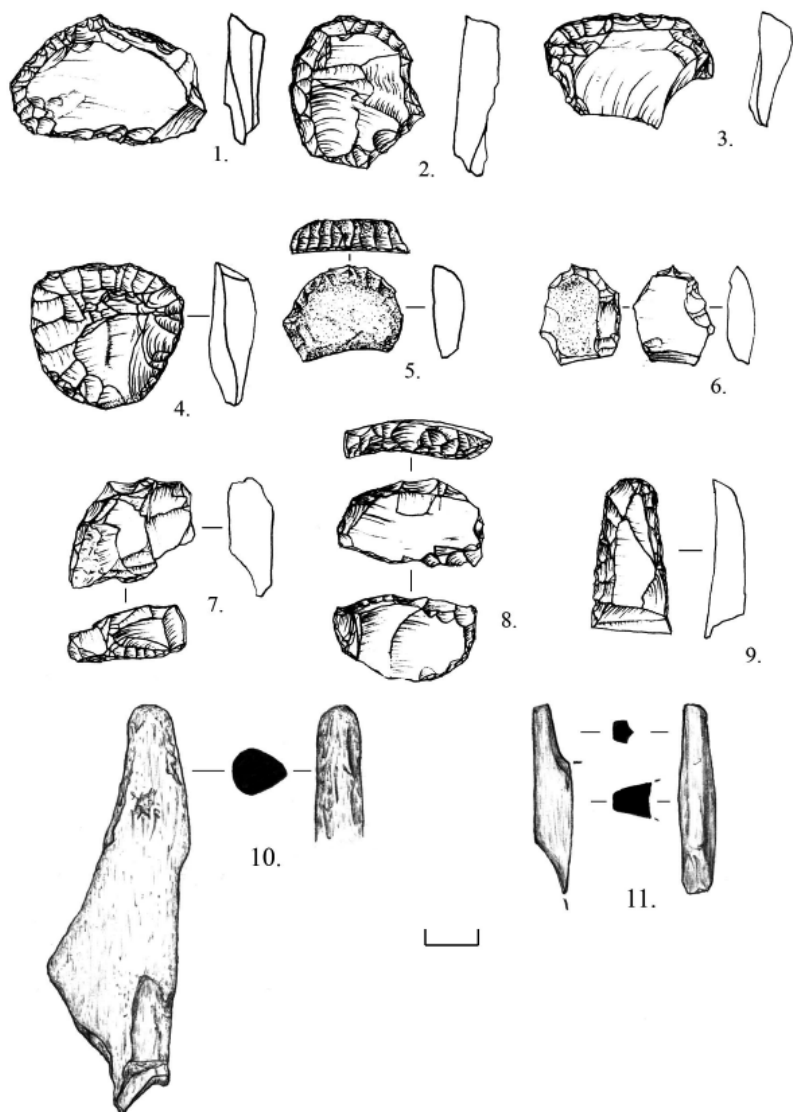

Рис. 2. Поселение Васильевский кордон-17.
1-9 — изделия из кремня; 10, 11 — изделия из кости.

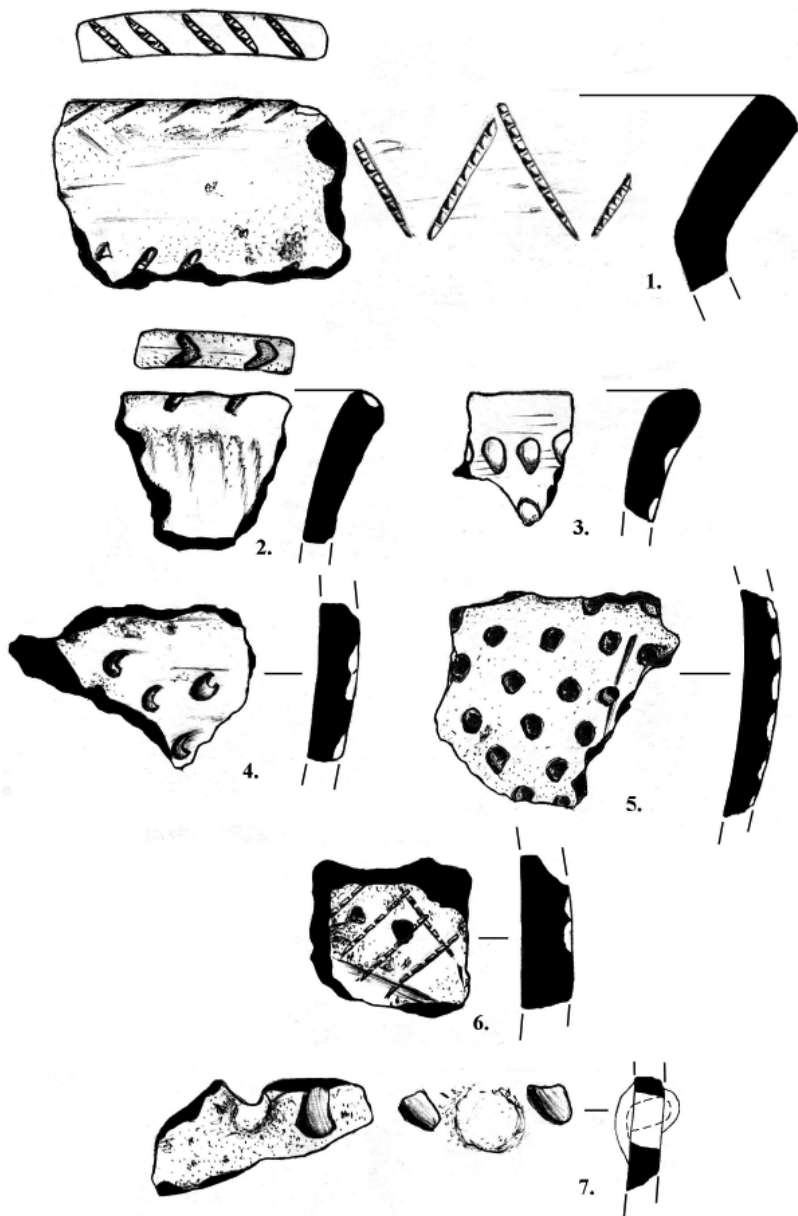

Рис. 3. Керамический материал из постройки 1 с поселения Васильевский кордон-17.

Рис. 4. Керамический материал из слоя поселения Васильевский кордон-17.

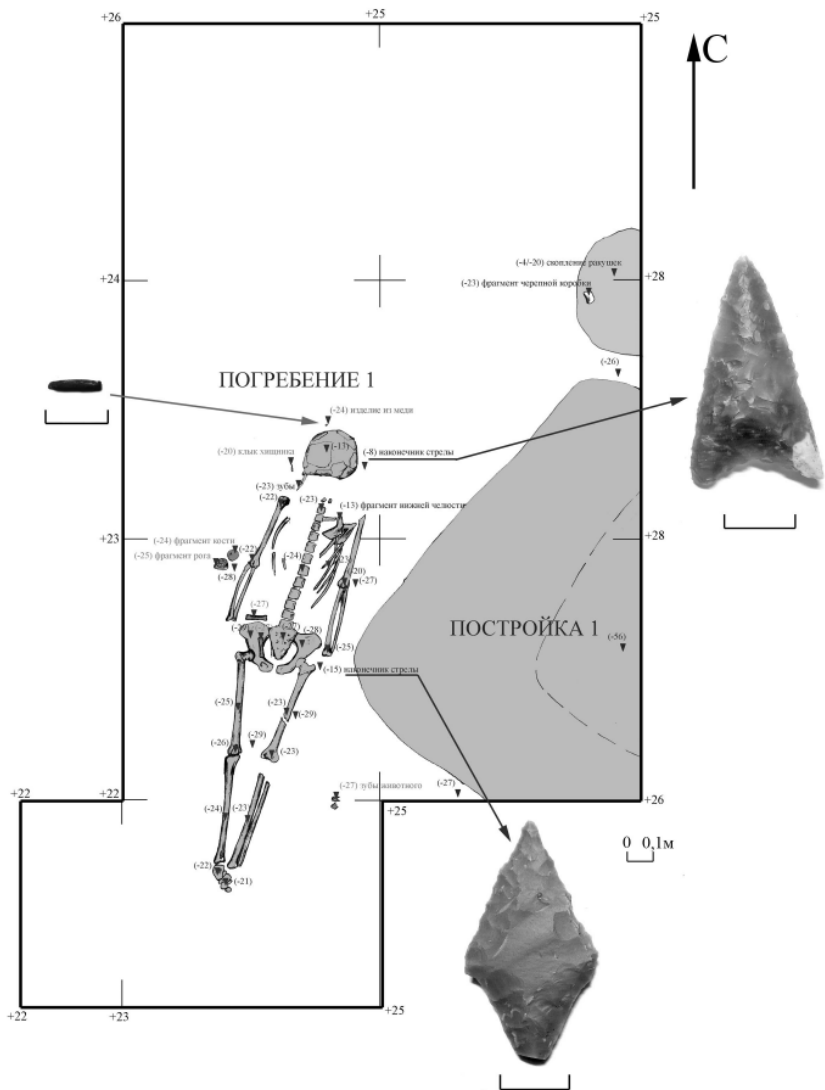

Рис. 5. План погребения и постройки из шурфа 1 на поселении Васильевский кордон-17.

Таблица 1. Виды и сочетания орнаментов на керамике с поселения Васильевский Кордон-17.

	верёвочка	верёвочка+	ямочная	жемчужина	ямчатая	ямчатая- гребенчатая	гребенчатая	скобка	скобка+	личинка	пальцевые защипы	без орнамента
0-0,2 м					3 ст + 1 венч.			1 венч.		1 ст + 1 венч.		28 ст + 1 венч.
0,2-0,4 м	3 ст + 2 венч.	1 ст.	1 ст.		7 ст.		15 ст + 11 венч.		2 венч.	7 ст + 3 венч.	2 ст.	179 ст.
постройка 1		1 ст.	1 ст.	1 ст.	15 ст + 1 венч.		1 ст + 2 венч.	11 ст + 1 венч.				3 ст.

Таблица 2. Находки из камня с поселения Васильевский Кордон-17.

	обломок кремня	отщеп	отщеп со следами утилизации	тесто	струт с прошифованным лезвием	Полифункциональ- ное оружие	скребок	нож на отщепе	наконечник	отбойник	наковаленки (?)
слой 0,2- 0,4		16	6	1		1	9	2	2	1	2
построй- ка 1	1	1			1		3				

КОМПЛЕКС ЛЕСНОГО ЭНЕОЛИТА В ЛЕСОСТЕПНЫХ РАЙОНАХ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Многослойная стоянка Елшанка XI находится в окрестностях одноименного села Ульяновского района Ульяновской области на левом берегу реки Свияга (рис.1). Памятник занимает северную оконечность вытянутого меридионально прируслового вала, возвышающегося над уровнем реки на 3,5 м. С севера и запада вал ограничен старичными понижениями, с восточной – пойменной террасой. До середины 90 гг. XX столетия культурные слои памятника были скрыты под толщей пойменных отложений. Изменение русла реки привело к подмыву северной оконечности прируслового вала и «распечатыванию» стоянки. Выходы культурного слоя в береговом обнажении были обнаружены жителем села Яковлевым И.И. Охранные раскопки на памятнике начаты автором статьи в 1999 г. и продолжались в 2000, 2001 и 2003 гг. За эти годы в общей сложности было вскрыто 346 кв.м. культурного слоя памятника. Раскопки проводились в северной и центральной части поселения, где была отмечена наибольшая концентрация находок. К югу насыщенность культурного слоя заметно падала. Ширина поселения составила 15-20 м, протяженность вглубь террасы — 70 м. Общая площадь памятника достигает 1000 кв.м.

Культурные слои памятника перекрыты пойменными отложениями, верхнюю часть которых занимает темно-серая комковатая почва толщиной 0,4 – 0,45 м. В толще этой почвы найдены единичные обломки срубной и средневековой керамики. Ниже залегает коричневатая карбонатная почва толщиной 0,4 – 0,45 м. При высыхании почва светлеет из-за высокого содержания карбонатов и утрачивает коричневатый оттенок. С этой почвой связано 2 культурных горизонта: ранне-неолитический и энеолитический.

Ранне-неолитический горизонт приурочен к основанию коричневатой почвы на самой границе с материковым суглинком. Его мощность не превышает 10-15 см. С ним связаны остатки сезонного рыбацкого поселка в виде скоплений керамики, костей и изделий из камня, а также вытянутое на спине безинвентарное погребение мужчины без головы (Вискалин, 2004, с.144-154).

Энеолитический горизонт выявлен в верхней части коричневатой почвы. Его мощность не превышает 10 — 15 см. Несмотря на некоторый вертикальный разброс находок вследствие хозяйственной деятельности людей и природных процессов (роющие животные и т.д.) удается проследить достаточно четкий уровень дневной поверхности энеолитического поселения по растоптанным мелким обломкам посуды, от-

щепам и костям, образующим четкий горизонт залегания. Находки из ямок и очагов, выделенных по заполняющим их скоплениям керамики и костного угля, залегают несколько ниже уровня этого горизонта

Расположение выявленных хозяйственных объектов продиктовано конфигурацией самой площадки поселения. Очаги вытянуты цепочкой по гребню вала. Вокруг них наблюдается скопление находок. В пределах раскопанного участка поселения более или менее отчетливо выделяется 2 зоны концентрации находок (рис. 2). Одна зона находится в северной части поселения вблизи современного русла реки, другая – несколько южнее в центральной части поселения. Еще южнее насыщенность слоя находками заметно падает. С каждой из перечисленных зон связаны развалы 5 — 7 глиняных сосудов, обломки костей и костного угля, изделия из камня. Анализ расположения керамики в слое показывает, что многие сосуды были разбиты еще в древности, а их обломки рассеяны по площади стоянки. Ареалы рассеивания сосудов часто перекрываются, а фрагменты от разных сосудов находятся в одних и тех же ямках и скоплениях. Все это свидетельствует о близком хронологическом положении находок, а может быть и их одновременности. В пользу гомогенности энеолитического комплекса говорит и тонкость культурного слоя, общая малочисленность находок, однородность керамики. Низкое расположение поселения у воды, отсутствие капитальных сооружений в виде углубленных зимних жилищ указывает на сезонный характер поселения и рыболовецкую направленность хозяйственной деятельности его обитателей.

Энеолитический комплекс находок в количественном отношении не велик, но достаточно выразителен. Он содержит немногим более 1 тыс. находок, в том числе обломки керамики (600), изделия из камня (271), меди (1), фрагменты костей (175).

Керамика сильно различается по качеству. Находящиеся на древней дневной поверхности и в верхней части заполнения ям фрагменты сосудов сильно расслоились и выветрились. На их поверхности, как правило, не удастся различить узоры. Такие обломки не подбираются к сосудам, что затрудняет реконструкцию последних. Лучше сохраняются обломки керамики из основания ям, менее подверженные атмосферным воздействиям. Вся глиняная посуда энеолитического комплекса вылеплена из глины с обильной примесью толченой раковины. В тех случаях, когда условия сохранности привели к выщелачиванию раковины, черепки приобрели характерную пористость. Интересно то, что примесь раковины и пористость встречается среди обломков одних и тех же сосудов одновременно, что лишний раз доказывает их взаимосвязь с условиями сохранности.

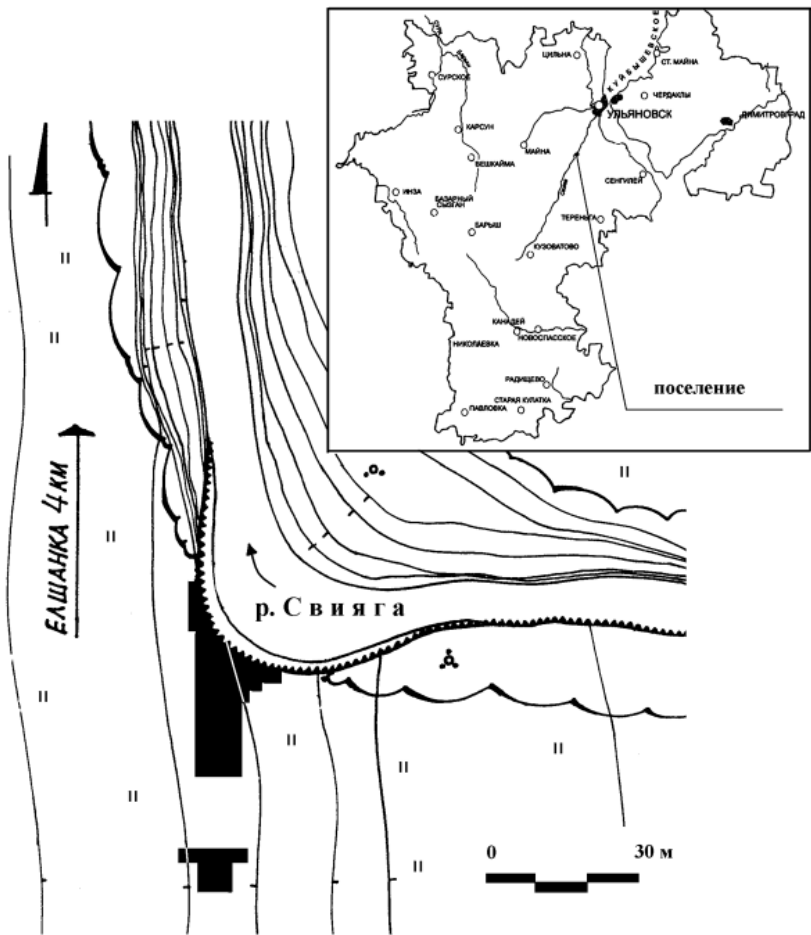

Рис. 1. Многослойное поселение Елшанка XI. Схема размещения на карте Ульяновской области (врезка) и общий план.

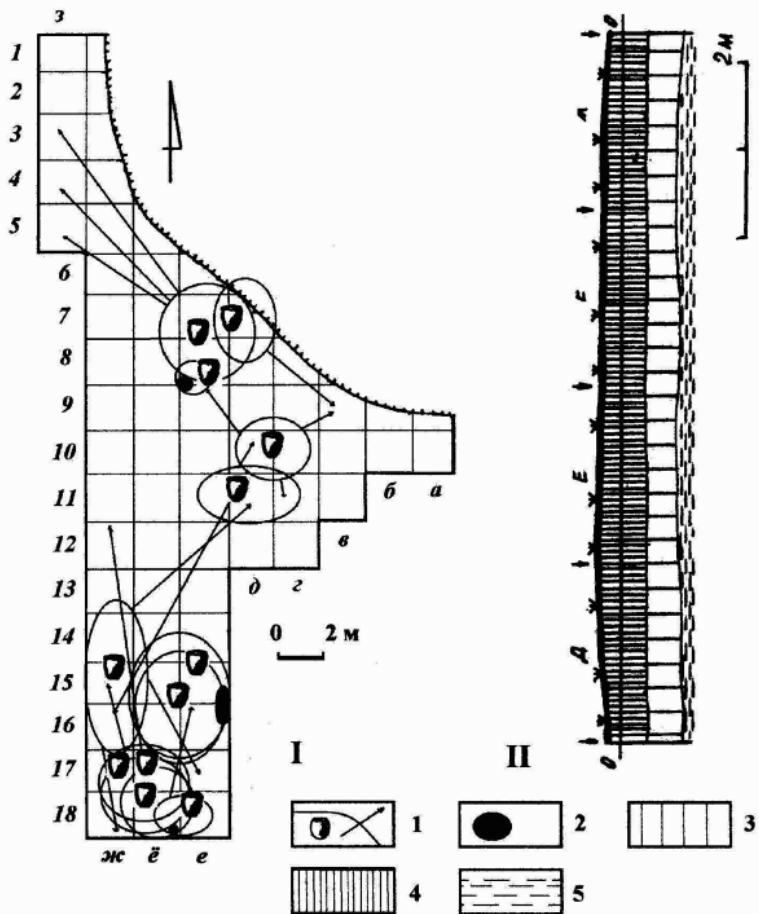

Рис. 2. План центральной части раскопа и образец профиля:
 1 – зона рассеивания развалов сосудов, 2 – очажные ямы,
 3 – верхняя почва, 4 – нижняя почва, 5 – материковый суглинок.

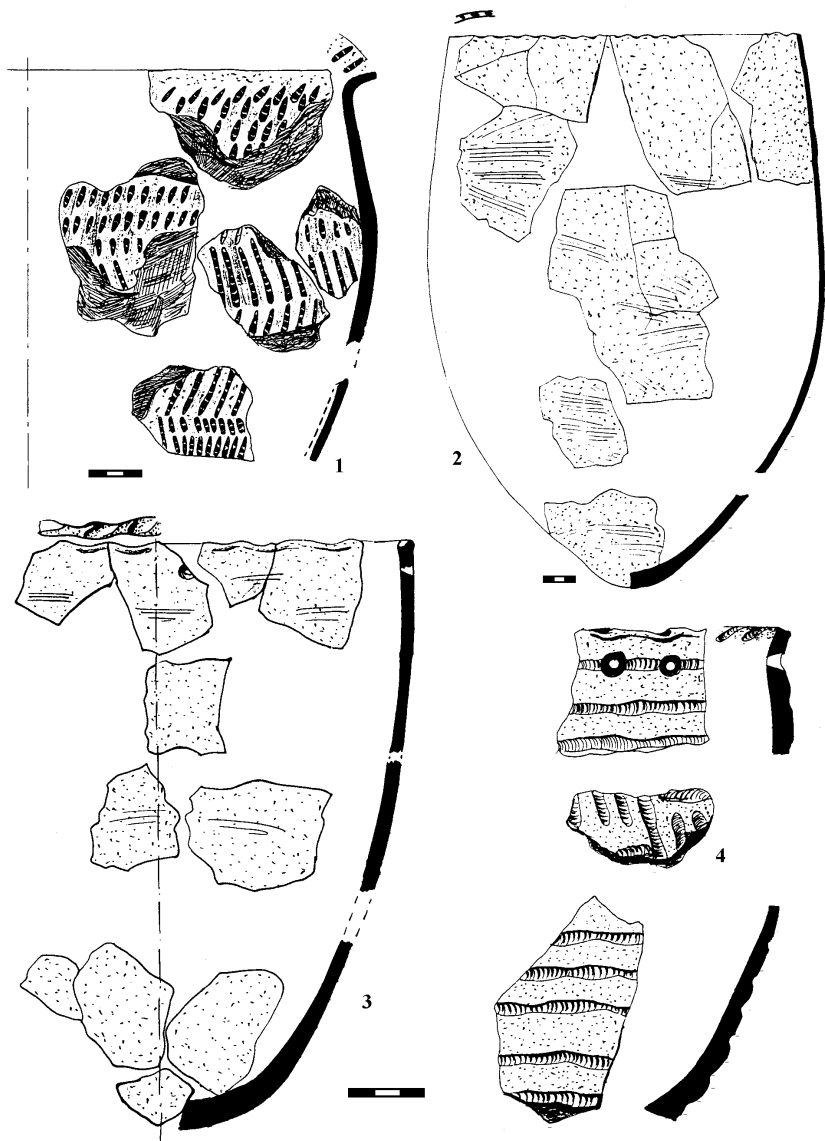

Рис. 3. Керамика верхнего горизонта.

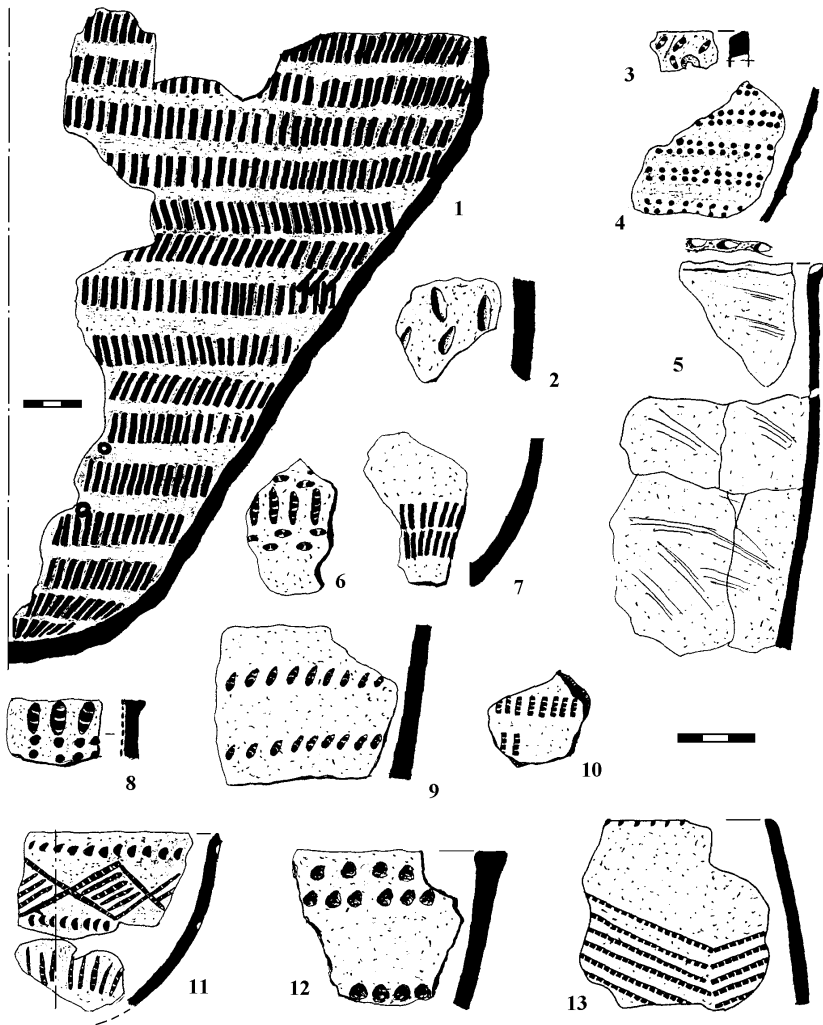

Рис. 4. Керамика верхнего горизонта.

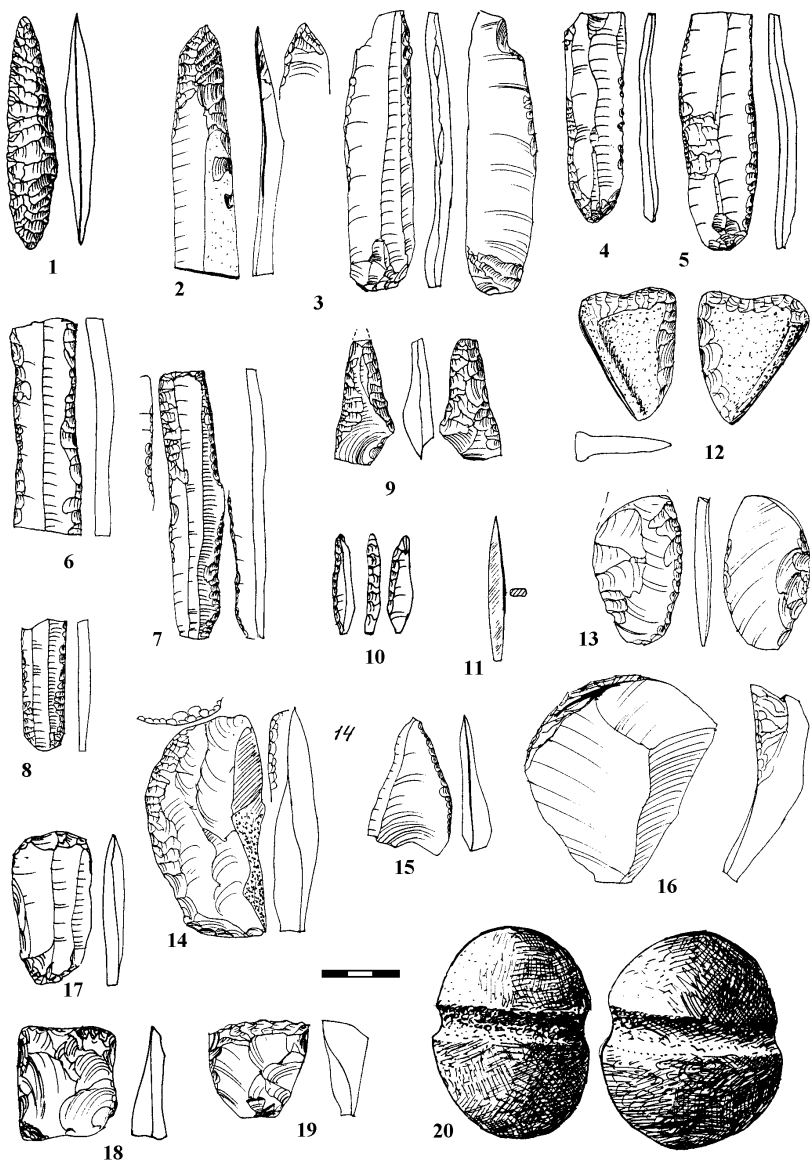

Рис. 5. Изделия из камня и меди верхнего горизонта:
камень — 1-10, 12-20, медь — 11.

Посуда хорошо обожжена и имеет равномерный без видимых пятен окрас. Преобладает охристо-бурый и серо-черный оттенок черепков. У 2 хорошо прокаленных сосудов цвет розоватый и кирпично-красный. Их черепки имеют высокую механическую прочность. Поверхность всех энеолитических сосудов изнутри, а неорнаментированных сосудов и снаружи заглажена зубчатым штампом, оставляющим после себя характерную рельефную штриховку.

По совокупности технологических и орнаментальных признаков выделено 15 сосудов, реконструировать которые удастся частично. Три сосуда представляют собой крупные прямостенные и округлодонные горшки вытянутых пропорций. Несмотря на их внушительные размеры, толщина стенок не превышает 0,7-0,8 см. Днища, напротив, заметно утолщаются по сравнению со стенками, достигая 1 — 1,2 см. Наиболее полно восстановлен крупный горшок с диаметром тулова в средней части 38-40 см. и высотой — 55 см. Сосуд имеет округло-коническое днище небольших размеров, внешне напоминающее днища шиподонной раннеэнеолитической керамики (рис. 3: 2). Венчик прямой, украшенный по срезу крупными ямчатыми вдавлениями, образующими гофрировку. Поверхность изнутри и снаружи заглажена рельефной штриховкой. Иных украшений сосуд не имеет. Остальные 2 сосуда этой группы сохранились хуже. Они имеют несколько меньшие, чем первый сосуд размеры, но сходную форму и обработку (рис. 3: 3; 3: 5).

Вторую группу образуют профилированные сосуды, орнаментированные помимо штриховки отпечатками зубчатого и гладкого штампа, ямками, навитым на палочку шнуром. Самый крупный и относительно хорошо сохранившийся сосуд этой группы имеет воронковидный поддон и небольшое округло-коническое днище (рис. 4: 1). Туловище сосуда расширяется в верхней части, горловина прикрыта. Внешняя поверхность в отличие от предыдущих сосудов орнаментирована горизонтальными рядами плотно поставленного гладкого штампа прямоугольных очертаний. На туловище прослеживаются сквозные сверленные отверстия, указывающие на наличие ремонта. У второго крупного сосуда этой группы удалось реконструировать только верхнюю часть. Сосуд имеет выпуклые бока и прикрытое устье (рис. 3: 1). Венчик плавно отогнут наружу, в результате чего горловина приобретает эс-овидный профиль. Снаружи по туловищу и по отгибу венчика сосуд украшен горизонтальными рядами крупного гребчатого штампа. Верхние ряды оттисков штампа вдавливались под углом, в результате чего получались короткими, нижние — прокатывались, что приводило к появлению длинных. Третий сосуд имеет слабопрофилированную горловину и округлое дно (рис. 3: 1). Его наружную поверхность укра-

шают горизонтальные и наклонные ряды оттисков навитой на палочку веревочки. Венчик слабо отогнут и по отгибу гофрирован тем же орнаментом. На горловине отмечаются сверленные парные отверстия, вероятно, используемые для подвешивания сосуда.

К третьей группе относится небольшой чашевидный сосуд, восстановленный почти полностью. Он украшен снаружи оттисками зубчатого штампа и крупных полулунных вдавлений, образующих в верхней части широкий орнаментальный пояс из соединенных вершинами ромбов, заполненных оттисками зубчатого штампа. Нижняя часть сосуда украшена рядами радиально расположенных оттисков того же самого зубчатого штампа.

Остальные сосуды трудно отнести к какой-либо группе, поскольку они представлены отдельными обломками. Можно лишь отметить, что горловины их открыты и прикрыты, венчики прямые (рис. 4: 3, 13) либо с грибовидным расширением на конце (рис. 4: 8, 12). В орнаментации использовался зубчатый (рис. 4: 6, 9, 10, 13), двузубый (рис. 4: 3, 4, 8), гладкий штамп (рис. 4: 7), крупные овальные ямки (рис. 4: 2), отпечатки веревочного узелка (рис. 4: 12). Оттиски штампов наносились в разреженной манере: на многих сосудах сохраняются свободные зоны (рис. 4: 2, 6, 7, 9, 12, 13). Преобладающими мотивами являются горизонтальные полосы и ленты из рядов оттисков (рис. 4: 2-4, 6-10, 12). Реже используются многорядные горизонтальные зигзаги (рис. 4: 13).

Коллекция изделий из камня насчитывает 271 предмет, из которых 59 имеют вторичную обработку, а остальные являются отходами производства. Большинство орудий изготовлено из качественного белого непрозрачного и темно-серого мелового кремня хорошего качества, не встречающегося на территории Ульяновского Поволжья. Значительно реже отмечено использование цветного кремня зеленоватого и желтоватого оттенка. Наиболее выразительной частью орудийного комплекса является серия ножей, пилков и скребков (рис. 4: 17), изготовленных на крупных (13 экз.) и средних (10 экз.) пластинах. Пластины обработаны по краям крутой и полукрутой ретушью (рис. 4: 2-8). У одного ножа двусторонней косоструйчатой ретушью выделено острие (рис. 5: 2). Еще одно орудие на крупной пластине сочетает в себе элементы скребка и ножа (рис. 4: 7). Столь же характерны для кремневого комплекса энеолитического слоя стоянки и орудия на крупных отщепках. Среди них встречаются разнообразные ножи (12 экз.) (рис. 5: 13-15), скребки геометрических очертаний с выделенными кончиками (8 экз.) (рис. 5: 18, 19), скребло (рис. 5: 16). Не выделяется из основного комплекса и нож-скобель на плитке зеленоватого кремня с естественным обушком. Данное орудие имеет подтреугольную форму и двустороннюю обра-

ботку рабочей части, не выходящую за края (рис. 5: 12). Коллекцию каменного инвентаря дополняет иволистный наконечник дротика (рис. 5: 1), молот из песчаника с кольцевым желобком (рис.5: 20), 2 сверла (рис. 5: 9, 10), проколка, долото и обломки различных орудий. Уникальной является находка медного шила прямоугольного сечения (рис. 5: 11).

Культурно-хронологическое положение выявленного комплекса определяется путем сопоставления с материалами окружающих территорий. Сравнение керамики и кремня стоянки Елшанка XI с энеолитическими материалами токского и турганикского типа, распространенными в пределах Волго-Уральской лесостепи, выявляет как черты сходства, так и различия. Сходство проявляется в использовании прямостенных и профилированных округлодонных сосудов вытянутых пропорций с обильной примесью толченой раковины в глине, встречаемости т-образных венчиков, гофрировки среза венчиков ямками и оттисками штампа, орнаментации зубчатым штампом и веревочными оттисками, орудий на широких пластинах, не развитости ямочно-жемчужных поясков. Отличие – в присутствии неорнаментированных сосудов, украшенных расчесами снаружи и изнутри, использовании в орнаментации гладкого и двузубого штампа, ямчатых оттисков и, наоборот, отсутствии шагающей гребенки, менее сложная орнаментация, встречаемость таких специфических изделий, как желобчатый молот (*Моргунова, 1989, 1995*).

Более полные аналогии дает сравнение с энеолитом не лесостепных, а лесных районов Среднего Поволжья и Прикамья. В материалах юртиковской и гаринско-борской культур широко представлены прямостенные и профилированные круглодонные сосуды с расчесами на внутренней и внешней поверхности, обильной органической примесью в глине, оставляющей после выгорания характерную пористость (возможно, имело место выщелачивание раковины), грибовидные расширения венчиков, орнамент на основе оттисков гребенчатого, гладкого и ямчатого штампа, витая веревочка, желобчатые молоты, орудия на широких пластинах, массивные скребки геометрической формы, иволистные наконечники дротиков, медные изделия (*Бадер, 1961; Назовицин, 1984, с.89-123; Эпоха бронзы..., 1987, с. 28-34*). Говоря о близости позднего комплекса Елшанской XI стоянки с материалами лесного энеолита следует сказать, что она не является абсолютной. В материалах стоянки не удается обнаружить ни венчиков с утолщениями-напльвами с внутренней стороны, количество которых на памятниках лесных энеолитических культур Вятки и Камы достигает 50-70% от общего числа сосудов, ни оттисков рамчатого штампа или шагающей гребенки, треугольных наконечников стрел с усеченным основанием,

ножей с пуговкой и много другого. Однако, учитывая сезонный характер памятника, небольшой объем керамической и кремневой коллекции, плохую сохранность керамики, следует признать, что эти отличия могут носить ситуационный характер. Кроме того, их вес на фоне преобладающих черт сходства не столь значителен, чтобы повлиять на общую оценку культурного положения памятника. Возникновение данного комплекса невозможно объяснить только влиянием лесного населения на лесостепное. Облик кремня и керамики верхнего горизонта стоянки однозначно свидетельствует о проникновении далеко на юг по долине реки Свияга небольшой группой охотничье-рыболовецкого населения, связанного своим происхождением с лесными районами Вятки и Прикамья.

Литература:

Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. МИА №99, М., 1961.

Вискалин А.В. Елшанка XI – новая стоянка средневолжской неолитической культуры на верхней Свияге // Исторические исследования. Вып. 5. Самара, 2004.

Моргунова Н.Л. Энеолитические комплексы ивановской стоянки // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989.

Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995.

Наговицин Л.А. Периодизация энеолитических памятников Вятского края // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск, 1984.

Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.

В.В. Ставицкий (Пенза)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГАРИНСКО-БОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

О.Н. Бадер, выделивший гаринско-борскую культуру, придерживался точки зрения об ее автохтонном происхождении, в пользу чего им было высказано ряд аргументов. По его мнению, преемственность данной культуры с местным неолитическим населением подчеркивалась расположением гаринских поселений на тех же самых местах, что и поселения камской культуры. Им также было отмечено близкое сходство: в полуяйцевидной форме посуды, в использовании зонального гребенчатого орнамента, в том числе оттисков «шагающей гребенки», в наличие иволистных наконечников стрел и шлифованных ножей

из твердого сланца, в широком распространении плитчатых кремневых ножей и резачков (*Бадер, 1961, с.182*). Как видим, отмеченное О.Н. Бадером сходство, по большинству параметров имеет самый общий характер. Поскольку все нео-энеолитические поселения лесной зоны тяготеют к расположению в сходных топографических условиях, стандартной для них является полуяйцевидная форма сосудов с зональной гребенчатой орнаментацией, достаточно широкое распространение в лесных культурах имеют иволистные наконечники стрел. Использование плитчатых кремневых ножей можно найти объяснение в особенностях местного кремневого сырья. Таким образом, к разряду общих специфических признаков относятся: «шагающая гребенка» и шлифованные ножи из сланца. Их как мы видим немного.

В той же работе О.Н. Бадером был приведен достаточно весомый список различий между камской и гаринской культурами. Это сравнительно многочисленные находки металлических предметов на гаринских поселениях, своеобразные формы наконечников стрел с усеченным и выемчатым основанием, ножи саблевидной формы с «пуговкой» на черешке, короткие шлифованные тесла, плоские каменные шлифованные кольца, тяжелые утюгообразные молоты, использование растительных примесей при лепке сосудов, обязательная зубчатая обработка внутренней, а иногда и внешней поверхности сосудов, наличие утолщенных (Т-образных) в верхней части венчиков, своеобразная архитектура гаринских жилищ – коротких прямоугольных землянок, нередко соединенных между собой переходами (*Бадер, 1961, с.183*).

Столь обширный список различий, при самом общем характере сходства, побудили Л.А. Наговицына поставить вопрос об отсутствии между данными культурами прямой преемственности. По его мнению, между ними должно быть соединительное звено (*Наговицын, 1990, с.94-95*). Несколько позже вывод о неместных корнях гаринских древностей был сделан Е.Л. Лычагиной в научно-популярном очерке по энеолиту Прикамья (*2002, с.87*).

На наш взгляд, роль подобного соединительного звена могли сыграть раннеэнеолитические культуры лесостепной зоны. Только в результате интенсивного влияния со стороны южных культур на гаринских памятниках, уже на раннем этапе их развития могли получить распространение изделия из металла. Как известно, наиболее ранней металлоносной культурой лесостепной зоны является хвалынская. Вероятно, именно под её влиянием большая часть костяных изделий на Ивановской стоянке изготовлена с помощью медных режущих орудий. Воротничковую керамику данной стоянки Н.Л. Моргунова относит ко второму этапу развития самарской культуры, но на наш взгляд (более

подробно, о чем будет описано в отдельной статье), эта керамика является синкретической хвалынско-сьезжинской. Вероятно, именно носители подобной керамики впервые познакомили автохтонное население Прикамья с металлом. Из этой же энеолитической среды, видимо, в гаринскую культуру попали домашние животные.

Не имеют генетических истоков в камской культуре и небольшие гаринские жилища подквадратной формы. Между тем, именно такие жилища характерны для хвалынского поселения Русское Труево 1 и поселения с воротничковой керамикой Софьино 1 в Верхнем Посурье (*Ставицкий, 2001; 2006*). Аналогичные формы жилищ зафиксированы на энеолитическом поселении Среднего Посурья Ховрино 5, в материалах которого присутствует выразительная коллекция металлических изделий и часть керамики которого близка гаринской (*Вискалин и др., 2002*).

К разряду хвалынского культурного наследия, по всей видимости, также относятся находки каменных шлифованных браслетов, известные на ряде гаринских памятников. Именно результатом хвалынского влияния склонны были объяснять появление на гаринских памятниках приустьевого Прикамья Т- и Г-образных венчиков И.Б. Васильев и Р.С. Габышев (*1982*).

Однако в целом, хвалынские памятники имеют более раннюю хронологию и все хвалынские признаки в гаринской культуре можно рассматривать только в качестве реминисценций, которые гаринские древности впитали из лесостепных энеолитических культур.

На наш взгляд, ответ на вопрос о генезисе гаринской культуры следует связывать с материалами тоцкого типа, которые были выделены Н.Л. Моргуновой при раскопках Ивановской и Турганинской стоянок (*Моргунова, 1984, с.65*). Первоначально ближайшие аналоги керамики тоцкого типа были найдены Н.Л. Моргуновой (*1980, с.112; 1984*) в волосовских древностях, но впоследствии она выделила их в самостоятельную культурную группу, происхождение которой ею было связано с развитием безворотничковой керамики Съезженского могильника. Ею же была высказана гипотеза о влиянии тоцких древностей на формирование керамических традиций северных энеолитических культур, и отмечен хронологический приоритет тоцких памятников по отношению к гаринским и волосовским (*Моргунова, 1995, с.64,80*). Иную точку зрения отстаивал И.Б. Васильев, полагая, что древности тоцкого типа представляют собой локальную юго-восточную группу памятников волосовско-гаринской области и их происхождение объясняется миграциями в лесостепь лесных энеолитических племен, которые испытали на себе определенное воздействие со стороны своих южных соседей (*Васильев, 1981, с.47; 1990, с.57-58*).

Точка зрения Н.Л. Моргуновой на происхождение керамики токского типа нам представляется более близкой к истине. Во-первых, нельзя сбрасывать со счетов типологическую близость керамики токского и ивановского типов, которую вряд ли можно объяснить только результатами контактов между представителями лесного и лесостепного населения. Во-вторых, токские керамические традиции в значительной степени наследуются турганикским населением, материальная культура которого сохраняет лесостепной облик, что вряд ли было бы возможно, если бы токские племена были связаны своим происхождением с лесными культурами. Кроме того, на Турганикском поселении Н.Л. Моргуновой фиксируется гибридная группа керамики, в которой сочетаются признаки посуды воротничкового и токского типа (*Моргунова, 1984, рис.14, 1-11*), и которая, видимо, иллюстрирует процесс формирования токских древностей на основе «воротничковых», при определенном участии местного населения.

Причем, судя по всему, сходные процессы наблюдаются и на ряде других памятников лесостепной зоны. Так, А.А. Выборновым выделяется два этапа в развитии раннеэнеолитических древностей нижнего течения р. Белой, которые имеют синкретический облик и представляют собой результат взаимодействия носителей камской и «воротничковой» керамики. В керамике раннего этапа наблюдается преобладание признаков, характерных для камской культуры (примесь шамота, округлые днища, узоры в виде плетенки, сетки, рядов наклонных оттисков зубчатого штампа), при наличии «воротничкового» влияния (воротнички, уплощенные днища, ямки под венчиком). На керамике второго этапа явственно проступают признаки, характерные для токской керамической традиции: примесь органики и ракушки, заглаживание внутренней поверхности штампом, сильная профилированность, плоские днища (*Выборнов, 1984, с.10-11*).

Не исключено, что именно в данном районе происходит сложение гаринских древностей. На поселении Сауз 2 А.А. Выборновым зафиксирован случай, когда выходом из жилища с гаринской керамикой было прорезано жилищное сооружение с новоильинской и гаринской посудой (*Выборнов и др., 1981*). С позиции автохтонного происхождения гаринских древностей подобная стратиграфия представлялась немислимой, поскольку новоильинская керамика по своему облику значительно ближе к камской, чем гаринская, так как имеет неолитоидный облик. В отличие от гаринских крайне редки на новоильинских памятниках случаи находок металлических изделий. Не случайно, один из ведущих исследователей энеолитических древностей Прикамья Л.А. Наговицын не желал признавать данного факта, и всячески пытался

его опровергнуть (*Наговицын, 1988*). Однако подобная стратиграфия как раз свидетельствует о том, что сложение гаринских древностей происходит в результате взаимодействия камского и лесостепного энеолитического населения. В бассейне р. Белой гаринские древности появляются раньше новоильинских и только потом вступают с ними в контакт.

Однако происхождение гаринских древностей нельзя свести только к взаимодействию носителей камской и «воротничковой» керамики. Для «воротничковых» древностей характерна крупнопластинчатая индустрия изготовления каменных орудий, и подобные орудия достаточно широко распространены на памятниках с «воротничковой» керамикой камского типа. Вероятно, именно в результате их влияния подобные орудия получают распространение на поселениях новоильинской культуры. Для гаринских памятников характерна отщеповая индустрия, в которой ведущее место занимают разнообразные наконечники стрел, в том числе с усеченным, нередко выемчатым основанием, имеющие подтреугольную и пятиугольную форму. Следовательно, процессы взаимодействия носителей камских и «воротничковых» древностей можно отнести только лишь к предыстории сложения гаринской культуры.

В материалах токского типа фиксируется присутствие еще одного компонента, связанного своими корнями с древностями алексеевского типа. К ним следует отнести рыхлую фактуру керамического теста, приемы обработки поверхности стенок штриховыми расчесами, преобладание несложных мотивов, состоящих из горизонтальных поясков наклонных оттисков зубчатого штампа, редкое использование, а в ряде случаев и полное отсутствие шагающей гребенки, применение веревочных элементов орнамента, Т-образные формы венчиков, профилированные формы сосудов с сильно отогнутым наружу венчиками и др. Все перечисленные признаки не характерны для «воротничковой» керамики самарской культуры, но относятся к числу культуруопределяющих признаков древностей алексеевского типа.

Следует отметить, что после раскопок поселения Пшеничное, где были получены материалы близкие к артефактам Алтатинской стоянки, левобережные памятники степной зоны, отнесенные И.Б. Васильевым к алексеевскому типу памятников, были выделены А.И. Юдиным в особый алтатинский тип (*Юдин, 1989; 1995*). Впоследствии, к алтатинскому типу памятников автором были причислены стоянки, расположенные в лесостепном Посурье: Старая Яксарка и Русское Труево 2, с чем А.И. Юдин, в принципе согласился, хотя и с определенными оговорками (*Юдин, 2006*).

Необходимо отметить, что в отличие от А.И. Юдина, материалы алтатинского и алексеевского типов автором никогда не противопоставлялись, и процесс появления алексеевских древностей рассматривался как результат развития алтатинских (*Ставицкий, 2002*). При этом вывод о более поздней хронологической позиции алексеевских древностей был сделан на основе сравнительного анализа керамики. Среди керамики Алексеевской стоянки представительную серию составляют сосуды с Т – образными венчиками, сопоставимые с токсской керамикой, в которой, по нашему мнению, находят продолжение своего развития керамические традиции алексеевского типа. Следовательно, должна была иметь место хронологическая цепочка: алтатинские – алексеевские – токсские древности. Однако предложенной схеме развития противоречит ранний облик каменного инвентаря Алексеевской стоянки, среди которого представительную серию составляют орудия, изготовленные на крупных ножевидных пластинах, что свидетельствует о сохранении реминисценций, восходящих своими корнями к древностям мариупольского и раннестогговского круга. Подобные орудия на ножевидных пластинах занимают весьма скромное место на памятниках алтатинского типа, орудийный набор которых по данным показателям аналогичен позднестогговской индустрии Константиновского поселения (*Кияшко, 1994*). Следовательно, материалы Алексеевской стоянки относятся к самому раннему этапу существования алтатинских древностей, вероятно, ко времени их формирования.

Подобное предположение подтверждается стратиграфическими данными 1-го Раздорского поселения, в 4-ом слое которого присутствует керамика близкая к алексеевской. Это массивные слабопрофилированные сосуды с утолщенными, иногда желобчатыми венчиками, содержащие в тесте примесь раковины, покрытые густыми расчесами зубчатого штампа. Для каменного инвентаря данного слоя характерны орудия, изготовленные как на пластинах, так и на отщепях. Причем в следующем слое, керамика которого по своему облику уже значительно ближе к алтатинской, орудия на пластинах полностью выходят из употребления (*Кияшко, 1994, с.29*).

Ряд близких аналогов керамика Алексеевки находит и в посуде поселений с островов Похильный и Виноградный, которые относятся к самому раннему этапу среднестогговской культуры по периодизации Д.Я. Телегина. Для керамики данных памятников также характерны сосуды со слабо профилированными венчиками Т-образной формы (*Даниленко, 1974, рис.14; 38*).

Таким образом, традиции изготовления слабопрофилированных сосудов, имеющих Т-образные венчики зарождаются на раннем этапе

существования среднестоговской культуры, после чего они получают развитие на памятниках алексеевского, а затем и токского типа. На территории распространения памятников алтатинского типа, которые тяготеют к восточной степной окраине ареала памятников алексеевского типа, наблюдается затухание подобных традиций.

К материалам переходного облика, иллюстрирующих процесс перерастания алексеевско-алтатинских древностей в токские, относятся артефакты стоянки Большая Раковка 2, исследователи которой находили ближайшие аналогии для ее керамики в посуде алтатинского поселения Пшеничное (*Барынкин, Козин, 1991, с.115*). В материалах алексеевско-алтатинских памятников весьма близкие аналогии находит и каменный инвентарь Большой Раковки. Наиболее многочисленной категорией орудий здесь представлены наконечники стрел листовидной формы, часть которых имеет усеченное основание. На втором месте скребки и на третьем ножи. Остальные изделия, как и на большинстве алексеевско-алтатинских памятников, не образуют устойчивых серий.

Указанное сходство между каменным инвентарем Большой Раковки и орудиями алексеевско-алтатинских памятников, относится и к кремневым комплексам гаринской культуры. Это единственные в Европейской России культуры эпохи энеолита, на памятниках которых ведущими категориями орудий являются наконечники стрел и дротиков. Причем именно для алексеевско-алтатинских древностей характерны наконечники стрел с усеченным и выемчатым основанием. Подобные наконечники в большинстве случаев имеют треугольную форму, но встречаются и пятиугольные. Для неолитических памятников лесной зоны подобные наконечники не характерны, и в гаринской культуре они могли появиться только от южных культур. Сюда же следует отнести и асимметричные наконечники флажкового типа, которые зафиксированы на ряде гаринских поселений (*Выборнов*). Эпицентром распространения таких наконечников является Нижнее Подонье (*Кияшко, Поплевко, 2000*), входящее в ареал формирования алексеевско-алтатинских памятников. В алексеевско-алтатинских древностях находят аналогии и другие формы гаринских наконечников, которые также отличаются крайним разнообразием. К общим чертам указанных индустрий относится и широкое распространение ножей с двусторонней обработкой лезвия, которые в предшествующих неолитических древностях известны в единичных экземплярах (*Габяшев, 2003, с.88, 107*). Для алексеевско-алтатинских памятников весьма характерны находки каменных рыболовных грузил, которые на гаринских поселениях встречаются сотнями (*Бадер, 1964*).

Таким образом, происхождение гаринских древностей следует связывать с процессами взаимодействия населения камской культуры с представителями южных энеолитических культур, при определяющем влиянии последних. Данные процессы протекали на лесостепных территориях Поволжья и Прикамья, и только позднее в уже сформировавшемся виде носители данных древностей проникают на Среднюю и Верхнюю Каму, где они вступают в контакты с населением новоильинской культуры. Возможность вышеназванных миграций подтверждается наличием в лесном Прикамье ряда степных и лесостепных флористических реликтов (*Аникина, 1961*), появление которых может быть связано с засушливым климатическим периодом, имевшим место в Поволжье в конце эпохи существования хвалынской энеолитической культуры (*Барынкин, Козин, 1998, с.80-81*).

Литература:

Аникина Э.Э. 1961. Степные и лесостепные реликтовые элементы флоры в лесном Прикамье // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. М., Вып. 2.

Бадер О. Н. 1961. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА, №99. М.

Бадер О.Н. 1964. Древнейшие металлурги Приуралья. М.

Барынкин П.П., Козин Е.В. 1991. Некоторые результаты исследований 2 Большераковской стоянки // Древности Восточно-европейской лесостепи. Самара: СамГПУ.

Барынкин П.П., Козин Е.В. 1998. Природно-климатические и культурно-демографические процессы в Северном Прикаспии в раннем и среднем голоцене // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара: СамГПУ.

Васильев И.Б. 1990. Поздний энеолит юга лесостепного Поволжья // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск.

Васильев И.Б. Энеолит Поволжья. 1981. Степь и лесостепь. Куйбышев: КГПИ.

Васильев И.Б., Габяшев Р.С. 1982. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: КГПИ.

Вискалин А.В., Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. 2002. Энеолитическое поселение Ховрино в Посурье // Вопросы археологии Поволжья. Самара: СамГПУ. Вып.2.

Выборнов А.А. 1984. Неолит и эпоха раннего металла правобережья Нижней Белой. Автореферат диссертации канд. ист. наук. Л.

Выборнов А.А., Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. 1984. Поселение Сауз 1 в устье р. Белой // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев.

Выборнов А.А., Овчинникова Н.В. 1981. Итоги изучения поселения Сауз 2 // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев.

Габяшев Р.С. 2003. Население Нижнего Прикамья в V-III тысячелетиях до нашей эры. Казань.

Даниленко В.Н. 1974. Энеолит Украины. Киев: Наукова думка.

Кияшко В.Я. 1994. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V — III тысячелетиях до н. э.) // Донские древности. Азов. Вып. 3.

Кияшко В.Я., Поплевко Г.Н. 2000. Кремневые наконечники стрел Константиновского поселения // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Азов. Вып. 16.

Кременецкий К.В. 1997. Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // Степь и Кавказ (культурные традиции). Труды ГИМ. М. Вып. 97.

Лычагина Е..Л. 2002. Энеолит Пермского Предуралья // Очерки археологии Пермского Предуралья. Пермь.

Моргунова Н.Л. 1984. Турганикская стоянка и некоторые проблемы самарской культуры // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев: КГПИ.

Моргунова Н.Л. 1980. Ивановская стоянка эпохи неолита – энеолита в Оренбургской области // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев.

Моргунова Н.Л. 1995. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург.

Наговицын Л.А. 1988. Дискуссионные проблемы в изучении новоильинской культуры // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург.

Наговицын Л.А. 1990. Культурно-хронологическое соотношение гаринских и борских памятников Прикамья // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск.

Ставицкий В.В. 2006. Неолит, энеолит и ранний бронзовый век Сурско-Окского междуречья и Верхнего Прихоперья: динамика взаимодействия культур севера и юга в лесостепной зоне. Автореферат диссертации докт. ист. наук. Ижевск.

Ставицкий В.В. 2001. Энеолитическое поселение Русское Труево 1 на Верхней Суре // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: ОГПУ. Вып. 5.

Ставицкий В.В. 2002. Энеолитическое поселение Русское Труево 2 на Верхней Суре и происхождение древностей алтатинского типа // Археологические записки. Ростов-на-Дону, Вып. 2.

Юдин А.И. 1995. Неолит и энеолит степного Заволжья. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 16с.

Юдин А.И. 2006. Памятники алтатинского типа и проблема взаимодействия населения лесостепи и степи. Самара.

Юдин А.И. 1989. Энеолитическое поселение Пшеничное на р. Торгун // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев.

В.В. Ставицкий (Пенза)

О НЕКОТОРЫХ ДИСКУССИОННЫХ ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

Поводом для данной статьи послужил выход в свет монографии С.В. Большова «Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тыс. до н.э.)» (Йошкар-Ола, 2006). Актуальность данной работы состоит в том, что первая половина II тыс. до н.э. для населения лесной зоны было одной из переломных эпох. В это время в результате масштабных миграций степных и лесостепных племен происходит коренное изменение этнокультурной карты Среднего Поволжья, осуществляется многократное ускорение процессов культурогенеза. Это время сложения ряда синкретических культур: примокшанской, чирковской, вольско-лбищенской, судьбы населения которых оказались тесно переплетены.

Монография С.В. Большова открывается описанием физико-географической характеристики региона, изложением методологии исследования, после чего следует анализ основных проблем культурогенеза. При этом главное внимание уделяется определению вектора развития региональных культур, изучению их связей, как внутри культурно-исторической общности, так и с сопредельными регионами.

Далее автором рассматривается история изучения памятников волосовской, балановской, сейминской и абашевской культур на территории лесной зоны Среднего Поволжья, дается анализ основных научных концепций, относящихся к теме исследования. С.В. Большовым отмечается, что наиболее дискуссионными являются следующие проблемы: финал волосовской культуры и культурологическое определение поздневолосовских памятников, хронологическое соотношение балановской, абашевской и сейминской культур, культурная интерпретация памятников типа Атликасы, происхождение абашевской культуры. При этом наиболее подробно им рассматривается историография абашевской культуры, производится критический разбор ряда гипотез. С.В. Большов поддерживает точку зрения о синхронности сейминско-турбинских и позднеабашевских средневожских могильников, отмечая, что материалы данных могильников фиксируют момент вторже-

ния сейминско-турбинских племен на территорию Среднего Поволжья. Он не соглашается с мнением Б.С. Соловьева о хронологическом приоритете чирковских древностей относительно средневожских абашевских могильников, исходя из того, что в формирование чирковской культуры принимают участие племена с «валиковой» керамикой, появление которых на Волге совпадает с сейминским временем. Совместное залегание в жилищах Юринской стоянки чирковской, абашевской и «валиковой» керамики, конечно, свидетельствует в пользу их одновременного существования. Однако не стоит преувеличивать того вклада, который внесли носители «валиковой» посуды в формирование чирковской культуры. Воздействие «валиковых» древностей на чирковские памятники, это всего лишь эпизод, который не оказал особенного влияния на их последующий облик, поскольку в собственно чирковской посуде, от «валиковых» традиций нет ничего: ни прямостенных баночных форм сосудов, ни специфических орнаментальных мотивов в виде тесной шагающей гребенки, ни наlepных валиков. Валики есть, но они другие волнистые, сформированные при помощи вдавлений или угловых нажимов зубчатого штампа. Это типичные вольско-лбищенские валики (Ставицкий, 2006). Не случайно, что «валиковой» керамики практически нет на территории Волго-Окского междуречья, а чирковские древности этого региона не менее специфичны, чем средневожские.

Таким образом, на поселениях Нижняя Стрелка и Удельный Шумец фиксируются только следы контактов, между населением трех различных групп, но здесь не происходит сложения чирковских древностей, поскольку контакты между названными группами есть, а гибридной керамики нет. Подобная керамика появляется только на Юринской стоянке, и появляется в уже сложившемся виде.

С.В. Большов категорически не соглашается с предположением В.И. Беседина о том, что средневожские абашевские памятники оставлены крайне немногочисленной группой населения, которая на непродолжительный период заняла небольшой район на территории Среднего Поволжья, и приводит ряд веских доказательств о несостоятельности данной гипотезы.

Вполне справедливым представляется тезис С.В. Большова о неправомерности отнесения памятников выжумского типа к эпохе ранней бронзы, предложенного В.С. Соловьевым, поскольку данные памятники не отвечают критериям эпохи бронзы ни по одному из параметров. Прежде всего, на данных памятниках весьма широко представлены находки кремневых орудий и это свидетельствует о том, что изделия из металла не играли существенной роли в их хозяйстве, несмотря на

представительные выборки артефактов, связанные с выплавкой металла, которые присутствуют на поселениях данного типа.

Руководствуясь методом синхронизации культур различных ландшафтных зон, автор монографии определяет вторую половину II тыс. до н.э. эпохой средней бронзы, и с этой позиции подобное утверждение представляется справедливым. Однако в контексте затрагиваемых в работе проблем использование термина «средний бронзовый век», наталкивается на определенные противоречия, поскольку для автохтонного населения лесной зоны первая четверть II тыс. до н.э. это эпоха первого знакомства с выплавкой меди, т.е. век раннего, а не развитого (среднего) металла. Причем находки металла отсутствуют и на ранних фатьяновских памятниках, при достаточно частой встречаемости каменных орудий, что свидетельствует об отсутствии у данных племен развитой металлообработки.

Указанные противоречия могло бы снять использование не трехчленной, а двучленной периодизации, как это сделано в академическом издании «Эпоха бронзы лесной полосы СССР», и которая в большей степени применима для культур лесной зоны, поскольку здесь пока не выявлено надежных критериев для более дробного деления на эпохи. Впрочем, С.В. Большов и сам присоединяется к мнению А.В. Кияшко о том, что применение трехступенчатой периодизации в качестве универсальной не позволяет учесть всю сложность культурных взаимодействий в эпоху бронзы, но сам, почему-то продолжает ею пользоваться. Из-за трехчленной периодизации у С.В. Большова возникают разногласия с Б.С. Соловьевым, который относит чирковские древности к ранней бронзе, поскольку при двучленной периодизации эпоха поздней бронзы открывается распространением достижений сейминско-турбинского металлургии, следовательно, памятники, населению которых данные новации не были известны относятся к раннему бронзовому веку.

С.В. Большовым поднимается вопрос о таксономическом статусе чирковских памятников и выдвигается утверждение о том, что чирковская культура это только типологическая категория. При этом он склоняется к мнению, что памятники чирковского типа всего лишь отражают процесс взаимодействия местных племен волосовской культуры с мигрантами. Подобная постановка вопроса вполне справедлива по отношению к памятникам, выделяемых Б.С. Соловьевым в ранний этап, в материалах которых мы видим только процесс взаимодействия, но не видим каких-либо новых культурных типов. Однако на Юринской стоянке появляется керамика нового типа, обладающая рядом признаков отсутствующих как в местной волосовской, так и в пришедших

культурах: балановской и сейминско-турбинской. К тому же впоследствии данный тип керамики существует вполне самостоятельно уже вне связи с указанными древностями и это уже не типологическая категория, а реальная археологическая культура.

Плодотворной является мысль С.В. Большова о выделении для территории Среднего Поволжья абашевско-сейминского хронологического горизонта, соответствующему эпохе раннего металла и включающего в себя время существования поздневолосовских поселений, а также памятников балановской, абашевской, вольско-лбищенской культур и комплексов «валиковой» керамики.

Особое место в работе занимает анализ памятников средневожской абашевской культуры, многие из которых исследованы автором работы самостоятельно. На основе детального анализа материалов 349 абашевских погребений, происходящих из 191 раскопанного кургана, С.В. Большов выделяет ряд устойчивых признаков и закономерностей в развитии погребального обряда и инвентаря. Им делается вывод, что абашевские древности Среднего Поволжья представляют собой единую линию развития и не делятся на локальные варианты. При сравнении с волго-сурскими древностями часть волго-вятских могильников относятся к более позднему времени.

Касаясь вопросов хронологии С.В. Большов справедливо указывает на значительные трудности по датировке памятников лесной зоны. Решение данной проблемы предлагается им за счет выхода на более разработанную линию хронологии лесостепных культур, через синхронизацию местных абашевских памятников с древностями Подонья. Опираясь на разработанную периодизацию Подклетненского могильника С.В. Большов выделяет ранний период средневожской абашевской культуры, к которому им относится часть погребений II Виловатовского, Пикшикского, Таушкасинского, Малокуртурского, Тапшерского и Туруновского могильников. Обоснованность подобного выделения подтверждается исследованиями О.В. Кузьминой, которая, основываясь на анализе керамики, также включает в число ранних памятников материалы II Виловатовского, Таушкасинского, Тапшерского и Пикшикского могильников (*Кузьмина, 1999. С.154-155. Рис.1-2*).

Ко второму этапу С.В. Большовым отнесены абашевские погребения, содержащие сосуды с геометрическим орнаментом. Данный этап синхронизируется им со временем появления геометрического орнамента на атлказинской посуде, причем отдельные мотивы подобного орнамента, по его мнению, были заимствованы у абашевского населения. Однако последнее предположение вряд ли может быть принято. Поскольку геометрическая орнаментация характерна и для баланов-

ских памятников тех территорий, которые расположены западнее: на Мокше и в среднем течение р. Оки, куда влияние средневожской абашевской культуры явно не достигало. К тому же непонятно, из какого источника геометрическая орнаментация появляется на керамике второго этапа абашевской культуры? На наш взгляд, наиболее вероятным источником данной орнаментации являются керамические традиции балановской (атликасинской) культуры.

К третьему этапу отнесена группа погребений с коллективными захоронениями и сейминскими наконечниками стрел, которые синхронизируются с покровско-абашевскими памятниками Подонья. Появление данного горизонта связывается с движением сейминских племен на Среднюю Волгу, где они вступают в противостояние с абашевскими племена. Именно результатом этого противостояния объясняется появление ряда коллективных захоронений, содержащих сейминские наконечники стрел. Подобная интерпретация коллективных погребений Пепкинского кургана и ряда других могильников органично вписывается в предложенную С.В. Большовым периодизацию, снимая ряд противоречий, которые имелись в концепции балановско-абашевского противостояния, разработанной А.Х. Халиковым.

Также С.В. Большовым рассматриваются основные проблемы изучения абашевской культурно-исторической общности. При этом им отмечается наличие целого комплекса общих черт характерных для всех региональных культур абашевской общности. Имеющиеся отличия, по его мнению, следует объяснять не столько их разной хронологией, сколько различной субстратной основой, на фоне которой проходило сложение региональных культур. Так на Средней Волге прослеживается заметное балановское влияние, а на Дону – катакомбное. Кроме того, на территории Среднего Поволжья имело место консервация некоторых архаичных традиций, связанная с обособленным положением данных памятников, которые находились в окружении чуждого вологовского населения, относящегося к иному хозяйственно-культурному типу. Анализируя данные по хронологии донских и средневожских могильников, С.В. Большов приходит к выводу, что наиболее ранние погребальные памятники обеих территорий практически синхронны, что, по его мнению, оставляет открытым вопрос, на какой именно территории происходит сложение абашевского погребального обряда. Автор работы отвергает концепции В.С. Горбунова и О.В. Кузьминой, о местном происхождении средневожского абашева, на основе культур фатьяновско-балановской общности, и вслед за А.Д. Пряхиным и Ю.Г. Екимовым относит к древнейшим абашевским памятникам протоабашевские поселения Подонья.

В новом ключе автор подходит к решению вопросов хронологии региональных культур абашевской культурно-исторической общности. Им приводится ряд убедительных аргументов в пользу синхронизации наиболее ранних абашевских могильников Подонья и Среднего Поволжья, что позволяет наполнить новым содержанием теорию А.Д. Пряхина о проникновении абашевцев в Среднее Поволжье на их раннем этапе развития. Очень важным, на наш взгляд, является вывод автора об отсутствии на ранней абашевской керамике Среднего Поволжья геометрического орнамента. Выделения данного этапа дает ключ к решению проблем сложения средневожской абашевской культуры, поскольку позволяет устранить противоречия между концепцией А.Д. Пряхина и О.В. Кузьминой. Теперь становится ясно, что на Среднюю Волгу абашевские племена проникают из Подонья и только после этого испытывают сильное воздействие со стороны балановско-атликасинского населения, что приводит к появлению керамики с геометрическим орнаментом и новых форм сосудов.

Достаточно убедительными и хорошо аргументированными представляются выводы С.В. Большова о поздней хронологии абашевских памятников Волго-Окского междуречья. Но их появление на указанной территории могло иметь место не только в результате их вытеснения со Средней Волги. Не исключено, что абашевцы были вовлечены в движение на запад группами сейминско-турбинских племен.

Вслед за П.М. Кожиним и Б.С. Соловьевым автор монографии ставит вопрос о выделении особой атликасинской культуры. Своеобразный характер атликасинских памятников не вызывает возражений ни у кого у исследователей. Однако выделение памятников данного типа из балановских древностей приводит к тому, что в последних практически не остается каких-либо существенных признаков, которые бы отличали их от памятников фатьяновской культуры. Следовательно, нет и особой балановской культуры, а есть только позднефатьяновские памятники Среднего Поволжья и памятники атликасинской культуры. Тогда получается, что материалы эпонимного Балановского могильника всего лишь иллюстрируют контакты населения двух названных групп. Однако сказав «А» ни Б.С. Соловьев, ни С.В. Большов почему-то не говорят «Б», оставляя данный вопрос открытым.

Далее С.В. Большовым рассматриваются основные проблемы культурогенеза лесной полосы Среднего Поволжья. На основе анализа памятников волосовской культуры развитого и позднего этапа им выделяется типолого-хронологический горизонт волосовских поселений начала эпохи раннего металла, основными признаками которого, по мнению С.В. Большова, являются: свидетельства металлообработки,

присутствие в жилищах волосовских стоянок балановской, атликасинской, абашевской и валиковой керамики, а также находки треугольно-черешковых наконечников стрел сейминского типа. При этом автор справедливо отмечает, что в целом в приемах домостроительства, в каменном инвентаре, в форме и орнаментации керамики имеет место развитие прежних волосовских традиций. Вместе с тем появляются новые формы горшковидной и острореберной посуды, на отдельных волосовских сосудах фиксируются геометрические мотивы, характерные для балановских керамических традиций, входят в употребление каменные орудия, связанные с металлообработкой, наконец, фиксируются следы плавки металла. Перечисленные новации С.В. Большов справедливо связывает с влиянием лесостепных культур: балановской и абашевской. Особого внимания заслуживает вывод автора об аналогичности керамики с валиком и «змейкой», присутствующих на ряде волосовских поселений Средней Волги, посуде вольско-лбищенского типа.

Менее обоснован тезис о наличии волосовского влияния на керамические традиции полтавкинской культуры, которое С.В. Большов вслед за И.Б. Васильевым видит в распространении орнаментации «шагающей гребенки» на полтавкинской посуде, поскольку для волосовской культуры Среднего Поволжья подобная орнаментация достаточно редкое явление. По своим композициям и приемам нанесения полтавкинская «шагающая гребенка» гораздо ближе к орнаментации валиковой керамики Марийского Поволжья, откуда она и могла быть заимствована.

Только самые общие аналогии с волосовскими сосудами имеют и Г-образные венчики, зафиксированные Ю.Г. Екимовым на верхнедонском поселении Мельгуново 3, хотя автор раскопок и находит им ближайшие аналоги в волосовской культуре. Однако вопреки мнению А.Т. Синюка достоверных находок волосовской керамики на Дону до сих пор не зафиксировано, и неслучайно, что не один из исследователей волосовской культуры (Д.А. Крайнов, И.К. Цветкова, Е.Л. Костылева, В.В. Сидоров, А.И. Королев и др.) не включают Донской бассейн в ареал распространения волосовских древностей. Поэтому тезис о синхронизации волосовских и протоабашевских комплексов нуждается в дополнительной аргументации.

Опираясь на точку зрения А.Т. Синюка о сосуществовании на Среднем Дону культур с разным типом хозяйства, С.В. Большов применяет подобную концепцию культуругенеза и к памятникам Среднего Поволжья. Однако схема сосуществования подобных культур в бассейне Среднего Дона далеко не бесспорна, поскольку опирается на нестратифицированные материалы донских поселений, стратифицированность которых достигается путем статистического подсчета фрагментов керамики, залегающих на разных глубинах. Присутствие материалов че-

тырех разных культур на полу одного жилища на памятниках Марийского Поволжья, вряд ли может свидетельствовать о длительном сосуществовании носителей разных культурных традиций. Скорее всего, это означает контакты, сопровождающиеся инкорпорацией женской субкультуры с последующей ассимиляцией, а не сосуществование в четырех разных экологических нишах. По всей видимости, на Средней Волге балановцы ассимилируют волосово, на этот процесс накладываются контакты с носителями «валиковой керамики» и вольско-лбищенцами, а затем все это поглощает абашево.

Литература:

Кузьмина О.В. 1999. Керамика абашевской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Самара. Вып.1.

Ставицкий В.В. 2006. Неолит, энеолит и ранний бронзовый век Сурско-Окского междуречья и Верхнего Прихоперья: динамика взаимодействия культур севера и юга в лесостепной зоне. Автореферат диссертации док. ист. наук. Ижевск.

Т.В. Сарапулкина (Белгород)

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ГОРОДЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ДОНУ (дополнения к предыдущей публикации)

Ранее в I томе 2 выпуска сборника материалов II Международной научной конференции «Археология восточноевропейской лесостепи» опубликована статья с одноименным названием. Однако в данный сборник не вошли иллюстрации, без которых восприятие информации по керамическому комплексу не может быть полным.

Керамический комплекс городецкой культуры лесостепного Подонья на данный момент можно разделить на четыре стадии (Рис. 4).

Первая стадия представлена материалами Пекшевского городища. Данная стадия характеризуется сетчатой и гладкостенной тычковой керамикой. Сетчатая керамика подразделяется на веревочную и бороздчатую. Характерной для данного поселения сетчатой поверхностью сосудов являются оттиски веревочки с довольно крупным диаметром – 3-5 мм. Большинство сосудов сетчатые отпечатки покрывают полностью. Большинство гладкостенных сосудов имеет ровную поверхность иногда со следами заглаживания. Морфологически сосуды представлены банками и слабопрофилированными горшками либо горшками с прямой или короткой шейкой и профилированным туловом. Большинство венчиков имеет уплощенный срез и орнаментировано сетча-

тыми отпечатками и наколами по обрезу венчика, а также проколами под венчиком, позднее появляются пальцевые вдавления. Некоторые сосуды украшены по тулову вдавлениями, наколами или в исключительных случаях прочерченным зигзагом и прорезанными кружками. Большинство гладкостенных венчиков имеет т.н. тычковый орнамент.

Следующую стадию представляют сосуды, характеризующиеся слабой профилировкой, Т- и Г-образными венчиками, уплощением венчиков. Керамический комплекс данного времени характеризуется абсолютным преобладанием рогожной и сетчатой керамики, причем со значительной долей именно сетчатых оттисков. Это банки и сосуды с прямой или чуть прогнутой шейкой и слабопрофилированным туловом. Среди сетки преобладают веревочные и мелкобороздчатые оттиски. Нередко обрез венчика украшен рогожкой, сеткой, наколами и вдавлениями. В качестве примеси в тесте присутствуют дресва либо песок.

Для третьей стадии характерно значительное количество сосудов, форма которых, традиционно связывается со скифским влиянием. Поэтому считаем справедливым обратиться к разработанным А.П. Медведевым признакам ранней скифской керамики. Базируясь на четкой стратиграфии Пекшевского городища, им был сделан вывод о характерности проколов и наколов для раннескифской керамики; кроме того, отмечено, что на среднедонских городищах с более высоким процентом керамики с проколами обнаружен античный керамический импорт конца VI-V вв. до н.э. (*Медведев А.П., 1999. С. 70, 73-75*). Для более точного анализа мы применили также процентные показатели наличия в керамических комплексах памятников рогожной керамики, крупной рогожки и упорядоченной рогожки. Керамический комплекс этой поры характеризуется преобладанием профилированных форм сосудов с S-образным скифоидным профилем, однако рогожная и сетчатая керамика превалируют над гладкостенной, оттиски покрывают практически всю поверхность сосудов. Большинство венчиков орнаментировано пальцевыми и ногтевыми вдавлениями, и достаточно большой процент имеет проколы под венчиком. В тесте появляется наряду с дресвой и примесь шамота. Среди сетчатых оттисков растет число крупнобороздчатых и «коры».

Гораздо меньшее количество керамики с наколами и проколами характерно для четвертой стадии. Средний показатель по проколам среди всех видов поверхности здесь не превышает 10%. Керамический комплекс памятников характеризуется средней либо незначительной долей рогожной посуды, покрытой мелкими и беспорядочными оттисками. Здесь также преобладают профилированные формы сосудов, растет число гладкостенной керамики (более 50%), исчезают проколы под венчиком, значительно падает процент сетчатой керамики.

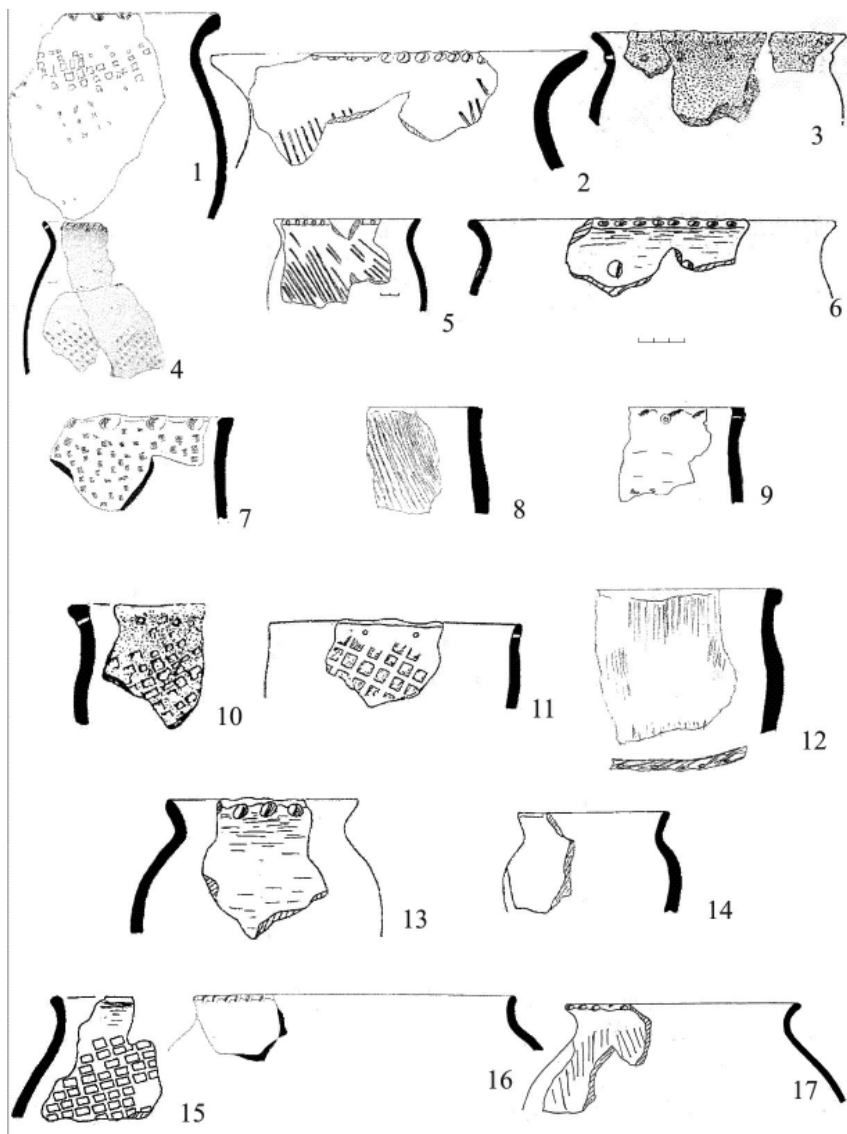

Рис. 1. Керамический комплекс городецкой культуры на Дону.
 1-3 - горшки тип I, 4-6 - горшки тип II, 7-9 - горшки тип III,
 10-12 - горшки тип IV, 13-14 - горшки тип V, 15-17 - горшки тип VI
 (1 - Ксизово 17, 2,5,14,17 - Сырское городище, 3 - Дубики, 4 - городище
 Малый Липяг, 6,13,15 - Курино 1, 7,16 - Замятино 10, 8,12 - Пекшево,
 9,11 - Перехваль 2, 10 - городище Воргол.

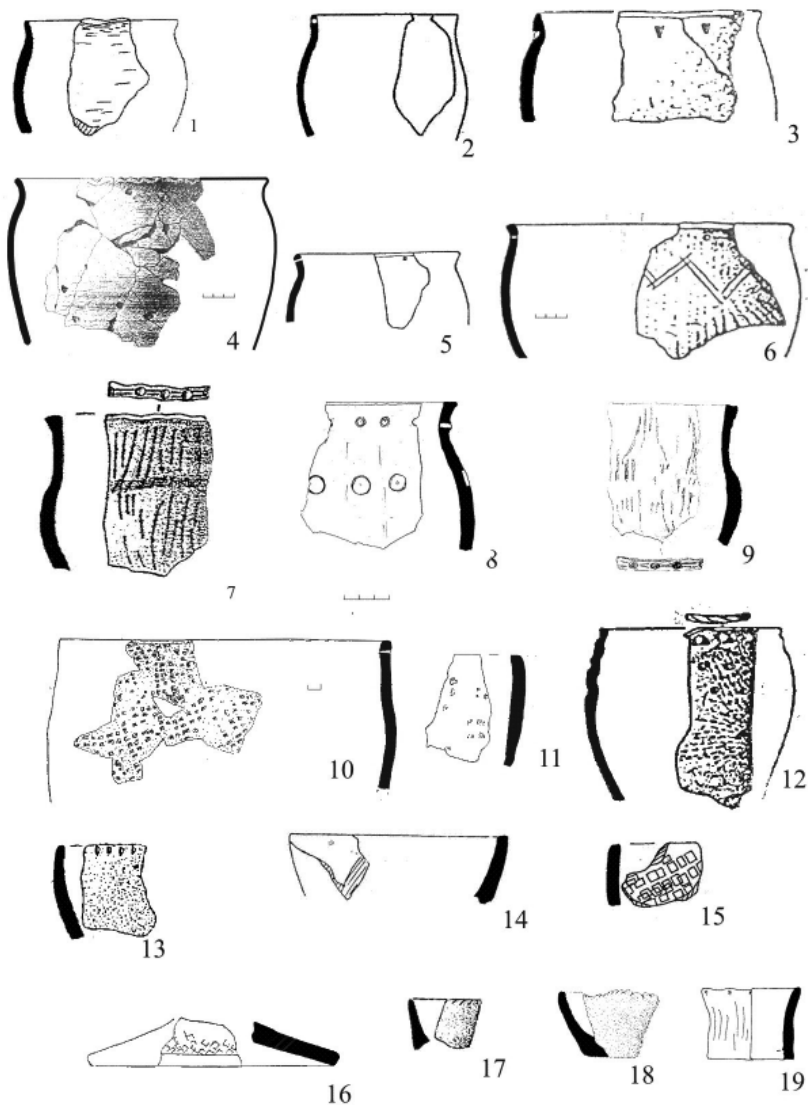

Рис. 2. Керамический комплекс городецкой культуры на Дону.
 1-3 - горшки тип VII, 4-6 - горшки тип VIII, 7-9 - горшки тип IX,
 10-12 - банки, 13-15 - миски, 16 - крышки, 17-19 - чашки,
 (1,15 - Курино 1, 2,4 - Студеновка 3, 3,6-9,12 - Пекшево, 5 - Дубики,
 10 - Сселки 11, 11 - Перехваль 2, 13 - Рябинки, 14,16,19 - Сырское
 городище, 17 - Александровское, 18 - Малый Липяг.

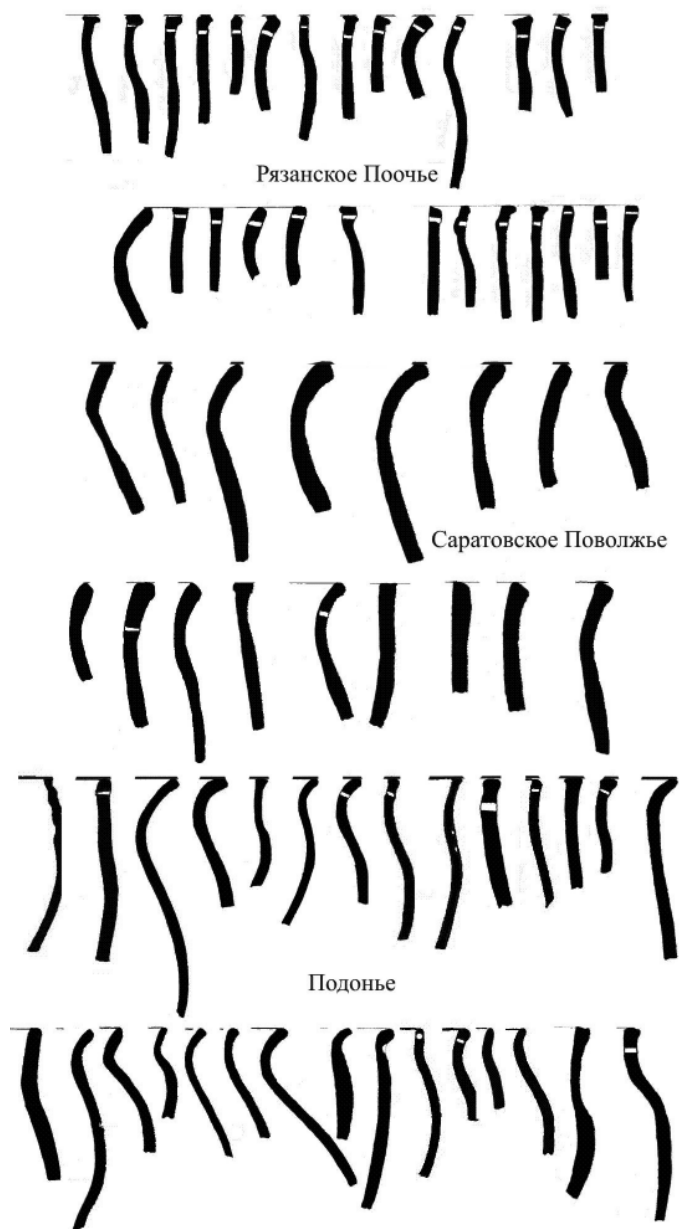
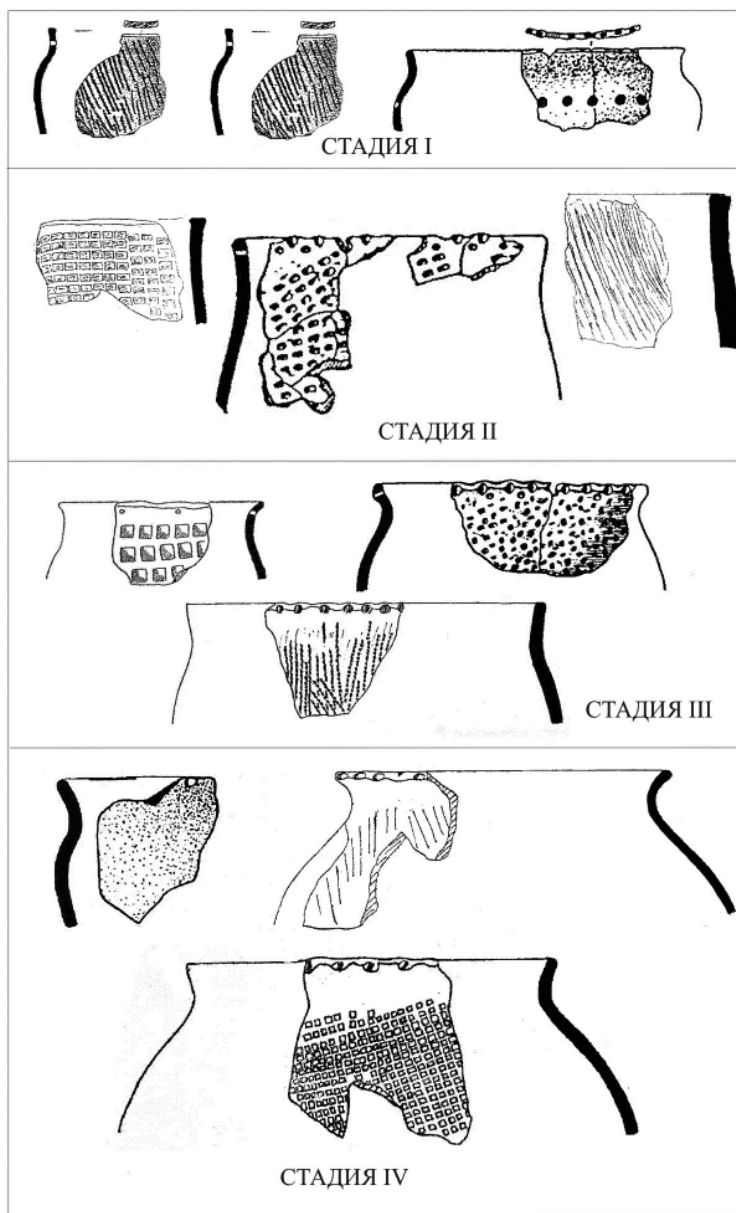

Рис. 3. Профили сосудов Рязанского Поочья, Саратовского Поволжья и Подонья.

**Рис. 4. Стадии развития керамического комплекса
городецкой культуры Подонья.**

ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГОРОДЕЦКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ*

Среди укрепленных поселений городецкой культуры, каких в бассейне Дона на сегодняшний день известно четырнадцать (рис.1), абсолютно преобладают городища с одной визуально просматриваемой оборонительной линией, состоящей, как правило, из вала и рва (имеющийся иногда внешний вал представляет собой просто отвал земли). Это городища у д. Дубики (Разуваев, 1987), с. Перехваль (Бирюков И.Е., 1993), ур. Плющань (Матвеева, 1984), с. Рябинки (Матвеева, 1982), с. Нижний Воргол (Пряхин, Разуваев, Цыбин, 1996), с. Ксизово (Тропин, 2002), с. Дегтевое (Тропин, 2002), с. Сырское (Бирюков, 1997), с. Крутогорье (Козмирчук, Разуваев, 2001), с. Вербилово (Медведев, 1979), пос. Правда (Березуцкий, 2003), с. Никольевка (Хреков, 2000). Две линии валов и рвов имеются на городищах у с. Александровка (Пряхин, Разуваев, Цыбин, 1996) и с. Скородное (Тропин, 1989).

Почти все укрепленные поселения занимают мысовые участки берегов рек или балок (рис.1,1,2,4). Только городище Рябинки находится на береговом плато, примыкая к скальному обрыву (рис.1,3).

Раскопки ряда городищ дали определенную информацию о характере и этапах возведения их фортификационных сооружений.

На II Перехвальском городище VI-V вв. до н.э. исследованы ров и вал, на вершине которого встречались угли и зола, оставшиеся, надо полагать, от сгоревшей стены (Бирюков, 1993. С.52). Общая высота вала от уровня погребенной почвы не превышала 0,7 м. Ров первоначально имел плоское дно и крутые стенки, его ширина на указанном уровне составила более 1 м, а глубина – 0,45 м.

На городище у д. Дубики (рис.1,1; 2,1), по археологическим материалам также датирующимся VI-V вв. до н.э., под насыпью внутреннего вала выявлена расположенная поперек мыса и уничтоженная впоследствии пожаром деревоземляная конструкция (Разуваев, 2004). Это была длинная постройка, контуры которой просматривались по двум углубленным в материк канавкам, отстоявшим друг от друга более чем на 4 м. По-видимому, в канавки были углублены основания двойных стен плетневой конструкции, забутованных почвой. Внешняя, более широкая и прочная, стена являлась оборонительной. Конструктивно со

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 07-01-00471а

стенами, или с перекрытием описываемого сооружения, были связаны выявленные в раскопе столбовые ямки 2-5. Судя по находкам, ограниченное стенами пространство использовалось в качестве жилого помещения. После пожара на городище были созданы более основательные укрепления: отрыт ров и насыпан вал. Максимальная высота вала от уровня погребенной почвы составила 1,2 м. Ров на этом уровне имел ширину 8,8-10,6 м, глубину 1,80-2,10 м. Его стенки полого спускаются к вогнутому дну.

Выбранная из рва глина частично перекрыла оставшуюся от первоначальных деревоземляных сооружений часть насыпи вала, состоящую преимущественно из глины красного цвета и обожженной до кирпично-красного цвета почвы. По верху новой насыпи стояла стена, с которой следует соотносить выявленную в насыпи столбовую ямку 1 с остатками сгоревшего дерева.

На Александровском городище (рис.1,4; 2,2), предварительно датированном рубежом н.э., исследована на значительном участке сгоревшая наземная постройка, располагавшаяся вдоль вала таким образом, что ее внешняя стена составляла часть укреплений городища (*Разуваев, 2001*). Судя по сгоревшим остаткам стены, это был плетень. Основание второй стены жилища, отстоявшей на 3,2-4 м, в некоторых местах, видимо, укреплялось известняковыми камнями. Перед постройкой на расстоянии чуть больше 4 м располагался ров шириной по верху 2,8 м, по дну — 1,2-1,8 м и глубиной около 1,2 м от уровня древней дневной поверхности. Земля из рва была подсыпана к оборонительной стене на высоту не менее 0,8 м.

Деревянные конструкции были полностью уничтожены пожаром, в результате чего глина в насыпи вала оказалась частично обожженной. Обгоревшая оборонительная изгородь под давлением присыпанной снаружи почвы завалилась. Наиболее вероятно, что пожар произошел вскоре после возникновения городища. На это указывает тот факт, что линза обожженной почвы лежит практически на материковом дне рва, который, таким образом, еще не успел заплыть, хотя, впрочем, мог быть и очищен незадолго до пожара.

Земляная насыпь после того, как подпиравшая ее деревянная конструкция сгорела, частично осела. В дальнейшем она была досыпана. Новый вал имел высоту более 1,2 м и ширину 10 м. Не вызывает сомнений, что на его вершине были возведены деревянные укрепления. Для более надежной защиты поселка был отрыт второй ров – внешний, находившийся в 5 м от внутреннего. Ширина его около 4 м, глубина 1,2 м от уровня древней дневной поверхности. Выбранная из рва почва пошла на сооружение второго вала, имевшего высоту не менее 0,4 м.

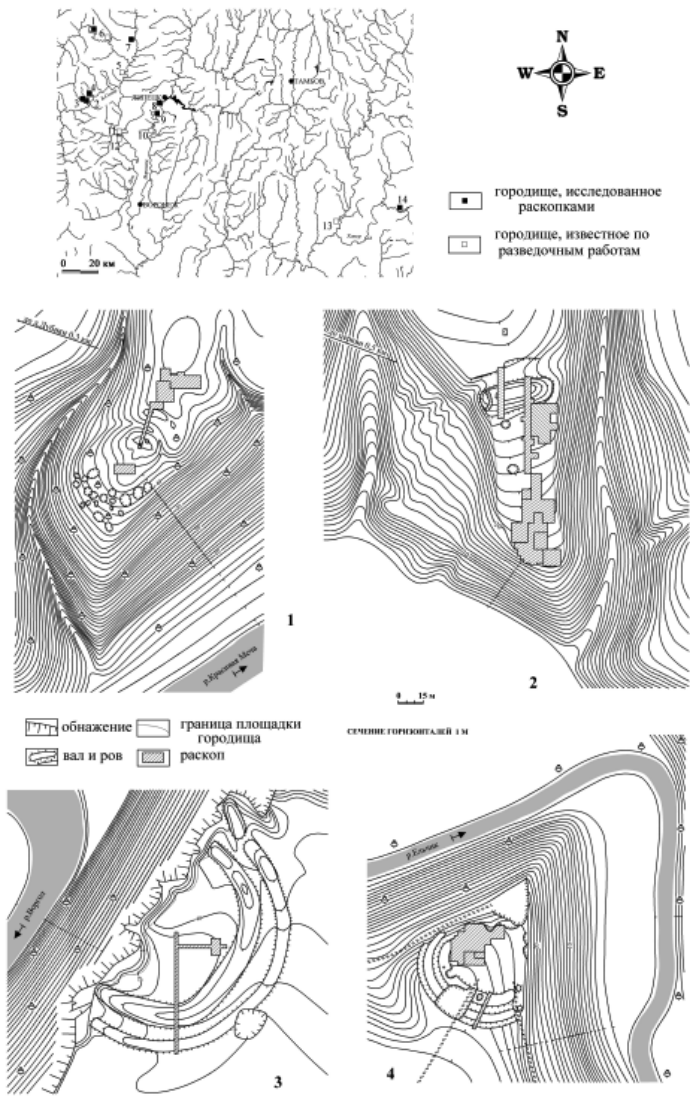

Рис. 1. Карта и планы городецких городищ лесостепного Подонья
 1 – Дубики, 2 – Нижний Воргол, 3 – Рябинки, 4 – Александровка,
 5 – Плющань, 6 – Скородное, 7 – Перехваль-2, 8 – Сырское,
 9 – Крутогорье-2, 10 – Вербилково, 11 – Ксизово-2, 12 – Дегтевое,
 13 – Правда, 14 — Никольевка

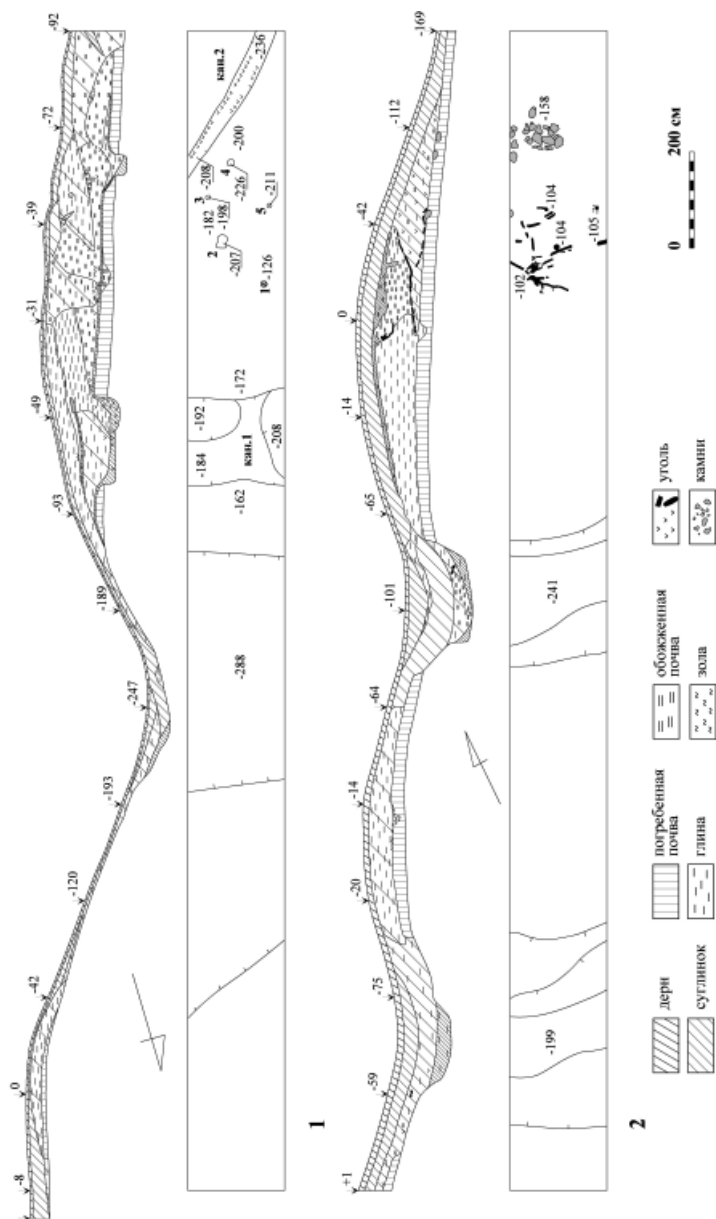

Рис. 2. Планы и профили разрезов городищенских укреплений
1 – Дубики, 2 – Александровка

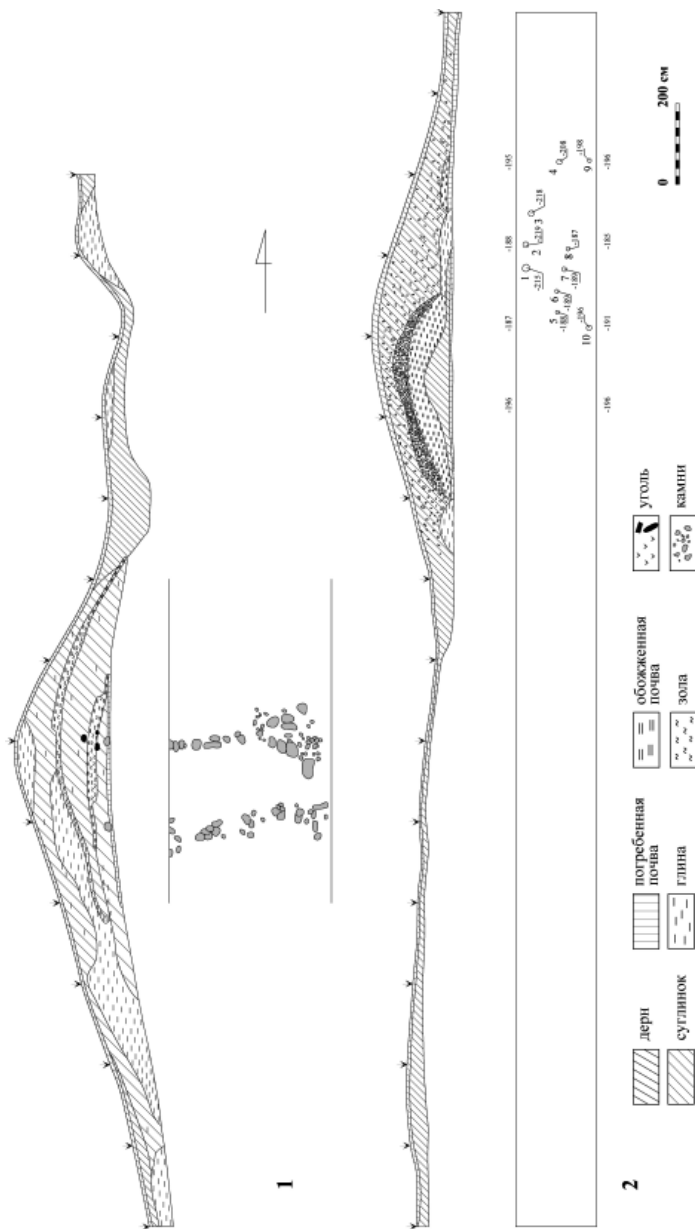

Рис. 3. Планы и профили разрезов городищенских укреплений
 1 – Нижний Воргол (по А.Д.Пряхину); 2 – Рябинки (по В.И.Матвеевой)

Городище у с. Нижний Воргол, датирующееся IV-III вв. до н.э., защищено линией укреплений, состоящей из рва и вала (рис.1,2; 3,1), основная часть которого, правда, была сооружена в период раннего средневековья (Пряхин, 1964). Оборонительная система городецкого поселка состояла из вала и, очевидно, рва, в значительной степени разрушенного позднейшей перестройкой. Ров мог иметь, по-видимому, ширину 2,5 м, глубину до 1 м. На некотором расстоянии от него (около 1,5 м) был сооружен вал, максимальная ширина которого 9 м, высота 0,6 м. В земляной насыпи вала имелась конструкция из необработанных известняковых камней, сложенных в один-два слоя в две параллельные линии, отстоящие друг от друга на 1,8-2 м (рис.3,1). Скорее всего, камни служили для укрепления основания деревянной стены, или стен. Можно предположить, что именно от сгоревших деревянных укреплений и осталась тонкая золисто-углистая прослойка, перекрывавшая насыпь вала городецкого времени.

Система укреплений городища последних вв. до н.э. у с.Рябинки состоит из двух валов (рис.1,3; 3,2). Ров практически отсутствовал – между валами имеется неглубокая ложбина шириной до 10 м (Мамеева, 1982). По-видимому, первоначально укрепления состояли из деревянной стены и расположенной перед ней насыпи, высота которой достигала в месте раскопок 1 м, ширина – 5 м. К поле насыпи, видимо, с целью укрепления была подсыпана глина. С внутренней стороны к стене примыкала постройка, ширина которой составляла около 3 м.

Деревянные конструкции были уничтожены пожаром. От них остались углубленные в материк столбовые ямки, обгоревшее дерево, уголь и зола. После пожара внутренний вал был досыпан до высоты около 1,8 м. Сначала насыпалась земля, сильно насыщенная известняковыми камнями (отдельные большие камни укладывались плашмя на поверхность первоначальной насыпи), затем почва с небольшим количеством камней. Относительно времени сооружения внешнего вала информации нет, можно лишь предположительно связывать его возведение со вторым строительным периодом. Судя по более значительным размерам валов в северной части городища, перестройка укреплений по какой-то причине не была доведена до конца.

Исследованные на городецких поселениях Подонья укрепления довольно просты по конструкции, в чем и заключается их существенное отличие от фортификационных систем скифоидных городищ донской лесостепи. Основу оборонительных сооружений городецких поселков составляли ров, вал и деревянная стена, скорее всего, плетень или легкий частокол. Нужно отметить, что плетневые конструкции применялись на многих скифоидных и городецких поселениях (Моруженко, 1985. С.169-170; Смирнов, Трубникова, 1965. С.11,25).

На городищах у сс.Александровка, Нижний Воргол, Рябинки при сооружении укреплений использовался камень, поскольку в их округе имеются выходы девонских известняков. Так, на городище у с.Рябинки известняковыми плитками был частично облицован внешний склон вала. Такой прием зафиксирован на некоторых памятниках лесостепи и леса (*Моруженко, 1985.С.170; Иванов, 1984.С.49*). На Воргольском городище каменная кладка укрепляла основание оборонительной стены, как, например, на скифоидном Немировском (*Моруженко, 1985.С.170*) и городищем Хвалынском (*Миронов, 1970.С.68*) городищах. По-видимому, на Воргольском городище была возведена оборонительная стена из двух параллельных плетней, пространство между которыми заполняла земля, – конструкция, известная на ранних городищеских поселениях (*Миронов, 1970.С.68; Смирнов, Трубникова, 1965. С.11*).

Характерной особенностью большинства исследованных раскопками городищ (Дубики, Рябинки, Александровка) является наличие на них построек, имевших одновременно оборонительное и бытовое назначение. Такого рода сооружения, получившие наименование «жилые стены», известны на многих поселениях I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. разных регионов (*см., например: Алихова, 1958; Розенфельдт, 1970.С.138-139; Смирнов, 1992*).

В Верхнем Подонье подобные конструкции встречены и на некоторых скифоидных городищах раннего времени. Так, на Пекшевском городище была выявлена длинная наземная постройка, расположенная по периметру раннескифского поселка (*Медведев, 1999.С.83*). На Губаревском городище VI-V вв. до н.э. существовала примыкавшая к оборонительной стене жилая постройка (*Разуваев, 2002.С.141-142*). Однако, по-видимому, у городищеского населения традиция сооружать «жилые стены» сохранялась более длительное время.

Примечательно, что постройки оборонительного или, может, правильнее будет сказать, оградительного назначения возникали на первой стадии существования поселков. Они были уничтожены пожарами, явившимися, скорее всего, следствием военных столкновений. После этого укрепления городищеских поселков существенно усиливались путем сооружения рвов и валов.

Литература:

Алихова А.Е., 1958. Особый тип сооружений на городище Кузина Гора // СА. № 3.

Березуцкий В.Д., 2003. Очерки по археологии и древней истории Подонья. Грибановский край (с древнейших времен до XVII в.). Воронеж.

Бирюков И.Е., 1993. Городище Перехвальское II // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань. Вып.3.

Бирюков И.Е., 1997. Новое городище городецкой культуры в бассейне Верхнего Дона // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Мат-лы межд. науч. конф. Саратов.

Иванов В.А., 1984. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. — первая половина I тыс. н.э.). М.

Козмирчук И.А., Разуваев Ю.Д., 2001. Городище «Малый Липяг» у с. Крутогорье на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. Липецк. Вып.2.

Матвеева В.И., 1982. Отчет о работе Верхнедонской экспедиции в 1982 г. // Архив ИА РАН.

Матвеева В.И., 1984. Отчет о работе Верхнедонской экспедиции в Липецкой области в 1984 году // Архив ИА РАН.

Медведев А.П., 1979. Отчет отряда археологической экспедиции Воронежского университета по исследованию памятников раннего железного века за 1979 г. // Архив ИА РАН.

Медведев А.П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.

Миронов В.Г., 1970. Хвалынские городища и их роль в истории городецких племен Поволжья // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 39.

Моруженко А.А., 1985. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII-III вв. до н.э. // СА. № 1.

Пряхин А.Д., 1964. Отчет археологической экспедиции Воронежского университета за 1964 г. // Архив ИА РАН.

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В., 1996. Елец и его округа — уникальная историческая территория России (археологические памятники эпохи железа) // Археологические памятники лесостепного Придонья. — Липецк. Вып.1.

Разуваев Ю.Д., 1987. Городище у д. Дубики // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

Разуваев Ю.Д., 2001. Отчет о раскопках в Липецкой и Воронежской областях в 2001 г. // Архив ИА РАН.

Разуваев Ю.Д., 2002. Городище скифского времени у с. Губарево на Верхнем Дону // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж.

Разуваев Ю.Д., 2004. Отчет о раскопках городища у д. Дубики в Тульской области в 2004 г. // Архив ИА РАН.

Розенфельдт Р.Л., 1970. К вопросу об оборонительных сооружениях Троицкого городища // МИА. № 156.

Смирнов К.А., 1992. Жилище на городище у д. Лесничино на р. Вазузе // СА. № 1.

Смирнов А.П., Трубникова Н.В., 1965. Городецкая культура // САИ. Вып. Д1-14.

Тропин Н.А., 1989. Отчет об исследованиях Верхнедонского отряда археологической экспедиции Воронежского государственного университета в 1989 г. на территории Липецкой области // Архив ИА РАН.

Тропин Н.А., 2002. Отчет о разведках на территории Липецкой области в 2002 г. (Лебединский, Измалковский, Задонский районы) // Архив ИА РАН.

Хреков А.А., 2000. Городецкие поселения лесостепного Прихопёрья // Поволжский край. Саратов. Вып. 11.

И.Н. Карев (Пенза)

ВКЛАД М.Р. ПОЛЕССКИХ В ИЗУЧЕНИЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Вещи, относящиеся к раннему железному веку начали собирать лишь во II половине XIX века, о чем свидетельствуют сообщения «Пензенских губернских ведомостях». Это, прежде всего скифское оружие и римские монеты.

Основным исследователем памятников городецкой культуры на территории края можно назвать М.Р. Полесских. В 1956 г. им было открыто Ахунское городище, которое находится в лесу, на высоком приовражном мысе. В 1963–64, 1974 гг. на городище велись раскопки, которые позволили датировать памятник первыми веками нашей эры. Городище представляло собой своеобразную земляную крепость, стенами которой являлись мощные валы и рвы, растянувшиеся с «напольной» стороны и по периметру замкнутой площадки. Нетронутый, но пронизанный корнями деревьев культурный слой с гумусированным песком залегал на глубине 30–40 см. Сыпучая песчаная почва предопределила полное смешение жилых остатков.

Однако тщательный анализ находок показывает, что здесь три разновременных вещевых комплекса. Керамике эпохи бронзы присуща пышная орнаментация из сочетаний оттисков штампа и углублений разной формы. Это керамика редкой для местного края чирковско-сейминской культуры, впервые обнаруженной на Екатерининском городище. Городецкая керамика украшена отпечатками штампа под рогожу, есть сетчатая и штриховая, а также немало гладкостенной того же времени. Венчики с Т-образным профилем, мелкими ямками подле бортика и текстильным орнаментом. Третий комплекс (более 80 % всей найденной керамики) относится к мордовскому поселению

середины I тысячелетия н.э. и несколько более позднего времени. Сосуды гладкостенные, часто остросребенные, край отогнут, иногда, как бы отчеркнут. Обнаружены очажные и хозяйственные ямы, серп, ручные жернова, пряслица, сарматский наконечник стрелы.

Городище было обитаемо в первые века н.э. — на это указывает сарматский наконечник стрелы. Обнаруженные кости животных принадлежат крупному рогатому скоту и лошадям в соотношении: десять к одному. В раскопках обнаружены кострища, следы очагов, хозяйственные ямы, а в работах археологической группы Пензенского пединститута им. В.Г. Белинского выявлены признаки разрушенного жилья, остатки частокола на валах и яма, для обжига керамической посуды (*Полесских, 1977, с. 30*).

Жилища Ахунского городища имели четырехугольную форму, внутри них находилось несколько очагов для приготовления пищи. Сооружались такие жилища из бревен в виде сруба, перекрытого односкатной кровлей. Нижние венцы сруба дополнительно укреплялись двумя параллельными рядами плах. Рядом с жилищами находились хозяйственные ямы для хранения продуктов. Участок земли вокруг жилища был огорожен. Сами жилища на Ахунском городище располагались поблизости от валов. В центре площадки городища существовало свободное пространство, видимо для содержания скота, которое также было огорожено.

В 1974 г. М.Р. Полесских открыто и начато исследование II Ахунского городища, имеющее слабые укрепления и небольшую площадь обитания. Здесь встречены сетчатая керамика и точильный брус. Велись работы на Чертеимском городище с довольно мощными валами и рвами. Здесь найдена рогожная, слабо обожженная керамика и большая зернотерочная плита (*Полесских, 1975, с. 172*). Прошло довольно длительное время, и это городище стало местом поселения древней мордвы. Городецкая культура являлась одним из важнейших компонентов в сложении ныне живущих мордвы мокши, эрзи и некоторых других финно-язычных народов (*Полесских, 1977, с. 31*).

Наиболее ранним памятником городецкой культуры в Пензенской области, исследованным в 1969-1971 гг. М.Р. Полесских, является полуразрушенное осыпью Екатерининское городище. Земляные валы — характерная деталь устройства, они сохранились здесь в виде останцев. В разрезе восточного вала прослеживается два культурных напластования: нижний — древний и верхний — городецкий. На вскрытой площади в 1200 квадратных метров был обнаружен обильный археологический материал, в том числе керамика, рыболовные грузила и пряслица, кости животных, железные шлаки, кострища,

остатки летнего жилища. Обнаружены массовые находки керамики. Ей характерны отпечатки, как бы воспроизводящие следы сетки, рогожи; они получались то при помощи особого клеточного штампа, то, как отпечаток грубой ткани или коры дерева. Есть черепки со следами мелких ямок; немало черепков и от гладкостенных сосудов.

Городецкая культура существовала около тысячи лет. Полесских М.Р. делает вывод, что где-то с первых веков н.э. узорчатая керамика исчезла полностью, уступив место гладкостенной. Поэтому, чем выше процент орнаментированной под «рогожку» узорчатой керамики, тем древнее памятник.

На Екатериновском городище получены следующие данные: «рогожной» керамики 58,2 процента, сетчатой — 15,9, гладкой — 25,2 процента. Очень характерны Т-образные профили некоторых черепков — венчиков. Было найдено множество грузиков из обожженной глины. Характерны грузики блоковидной формы, некоторые из них орнаментированы. Считается, что они служили подвесками к нитям примитивного ткацкого станка. Есть пряслица, глиняная бусина, железные шлаки, осколки мелких железных вещей, точильные бруски.

Встретилась в раскопе стеклянная бусина, поступившая сюда откуда-то с юга. На ней орнамент — черно-белые глазки по голубому полю. Подобные бусины относятся исследователями к V-III векам до н.э. Полесских М.Р. датирует этими веками и Екатериновское городище.

Полесских М.Р. был сделан вывод, что люди жили на этом поселении лишь в летнее время. Они ловили рыбу, охотились на зверей, чаще — на кабанов, если судить по множеству найденных клыков; разводили коров и овец, пользуясь широкими угодьями пойменных лугов; знали лошадей. Укрепляли городища валами на случай нападения соседних племен или для укрытия скота от хищников (*Полесских, 1977, с. 31*).

Весьма подробно эпоха раннего железного века была рассмотрена М.Р. Полесских в ряде его книг и статей. Давая характеристику данной эпохе, М.Р. Полесских отмечает, что за тысячу лет до начала нашей эры люди открыли железо. Это открытие способствовало более быстрому развитию человечества. У железа были большие преимущества перед бронзой, во-первых, оно было тверже и прочнее, а во-вторых, встречалось почти повсеместно. Медные и оловянные руды, служившие в качестве сырья для изготовления бронзы, залегали только в некоторых районах, а железную руду добывали также во многих реках и озерах (болотная руда). Освоение железа стало возможным лишь благодаря достижениям предыдущей эпохи, когда

научились достигать больших температур, что позволило перейти к выплавке железа. Для того чтобы выплавить из руды слиток, а из него изготовить какие-нибудь орудия, требовалась довольно высокая температура — 1530°, достичь чего, при тогдашнем состоянии техники было весьма трудно. Древние металлурги сумели это препятствие при помощи изобретенного ими сыродутного способа. Железо при таком процессе получали непосредственно из руды, помещенной в размельченном виде вперемешку с древесным углем в сыродутный горн или в каменную печь. При горении угля, осуществлявшемся с помощью поддевания мехами или даже ветровой тяги, происходил процесс отнятия от железной руды кислорода, в результате чего восстанавливалось металлическое железо. Литья, в современном понимании слова, не происходило, и температуры в 900 градусов было достаточно, чтобы из руды выделились тестообразные частицы железа, которые затем сваривались и собирались на полу горна в виде так называемой крицы (твёрдое губчатое железо со шлаковыми включениями, заполняющими поры и полости). Куски такого кричного металла шли на изготовления такого или иного изделия.

Открытие железа резко подняло уровень развития производительных сил, особенно в области земледелия. С введением железного плуга открылись широкие возможности для расширения земледелия, а с помощью железного топора стало возможно расчистка под пашню больших лесных пространств. При этом скотоводство продолжало оставаться одним из ведущих занятий людей (*Полесских, 1977, с. 25-26*).

Наряду с этим шло интенсивное развитие ремесла, в первую очередь, металлообработки и ткачества. Всё это привело ко второму крупному общественному разделению труда: отделению ремесла от земледелия. Во всяком случае, этот процесс, начавшийся в эпоху бронзы, в раннем железном веке значительно ускорился. Люди стали селиться в укрепленных поселениях-городищах. Почти все городища имели крутые склоны оврагов, а с напольной стороны укреплялись рвом и валом. Воинственная верхушка начала руководить племенем. На собрании племени из наиболее достойных членов племени избирались вожди. Но наследственная их власть ещё не утвердилась. Значительное повышение роли мужчин привело к окончательному утверждению в эпоху раннего железного века патриархата, затем парных семей, ведущих своё хозяйство самостоятельно и независимо от рода. Социальное неравенство всё прочнее закрепляло этот процесс.

Полесских М.Р. в книге «В недрах времён» приводит пример городищевой культуры — Чардымское городище. Оно находилось на речке

Чардым, правом притоке Волги, выше Саратова. Городище защищал большой земляной вал, который был усилен бревенчатым частоколом. Люди жили в небольших четырехугольных хижинах-мазанках, обнаружены следы загона для скота.

Находки костей домашних животных, главным образом, лошадей, коров, овец и свиней, показывают, что скотоводство было основной отраслью хозяйства Городецких племён, но охота и ловля рыбы тоже имела важное значение.

Среди находок на Чардымском городище сказались многочисленные костяные поделки, например, наконечники стрел, острия и шилья. Очень скудно представлены железные орудия, много останков керамических изделий, особенно черпаков глиняной посуды.

Очень интересна посуда с Чардымского городища. Она была украшена отпечатками крупной плетёнки, напоминающей работу или плетение из лыка, отчего и получила в науке название «рогожной керамики». Такая керамика встречается на всех ранних городищах этой культуры, что служит одним из ее существенных признаков. В большем количестве на городище присутствовали черепки гладкостенных лепных горшков и мисок, часть которых примечательна насечками на крае венчика. Оригинальны некоторые найденные здесь глиняные ткацкие грузила и пряслицы: они имели блоковидную форму и были покрыты точечным узором. «Чардымцам» было известно прядение, а стало быть, и ткачество.

Много городищ, похожих на Чардымское, рассеяно по правобережью Волги между городами Саратовом и Хвалынском, на Самарской Луке, по рекам Цне и Оке. В Мордовии известны городища Рогожской керамики — на горе Казна-Пандо, Пургасово, Итяковское, Теньгушевское, Наровчатское и другие (*Полесских, 1956, с. 41*).

М.Р. Полесских впервые делает вывод о том, что на территории нашей области кроме городищ имеются и другие места обитания племен раннего железного века. Люди предпочитали очень часто селиться на издревле обжитых местах. Так, например, на дюнном возвышении, в 2 км к западу от села Выша, на берегу озера Инерки, где некогда располагалось неолитическое поселение. Стоянка обследована экспедицией Пензенского музея. Выявлена керамика городецкой культуры: черепки лепной посуды со штампованными отпечатками из прямоугольников, с косыми насечками по отогнутому краю венчиков, с ямчатым орнаментом.

Такие же находки присутствуют на дюнах Калашного Затона в окрестностях Пензы, на территории Кададинского городища Горо-

дищенского района, Чертеимского городища Лунинского района и в других местах.

Таким образом, наш край в эпоху раннего железа не пустовал, жизнь не замирала. О жизни и деятельности людей той поры в здешних местах свидетельствуют также находки разных вещей не местного происхождения.

У села Засечного бывшего Мокшанского уезда были найдены бронзовый топор — кельт с ушками и бронзовая боевая секира — клевец, попавшие из Прикамья от племен ананьинской культуры. Оригинальна костяная бляха с резным сильно стилизованным изображением свернувшейся пантеры; бляха, предположительно, тоже ананьинскую принадлежность.

Большой интерес представляют скифские и сарматские вещи — случайные находки в нашей области. Так, в окрестностях села Варварино Тамалинского района найдены железный скифский меч, длина которого 54 см. Верх рукоятки оформлен противостоящими когтями птицы, а переключина, отделяющая рукоятку от полосы, — в виде сердца. Варваринский меч относится к середине I тысячелетия до н.э. Совершенную конструкцию для своей эпохи, а в некоторых случаях и художественную отделку имеют найденные в разных местах области скифские акинаки-кинжалы. Меч и кинжал выпажаны в поле села Каргалей Шемышейского района и меч найденный в Большой Елани. Это оружие датируется исследователями Полесских М.Р. VI веком до н.э. Все эти находки показательны в том смысле, что жизнь людей, населявших край в первом тысячелетии до нашей эры, протекала, не изолировано, а во взаимных отношениях с соседними и даже с более далекими племенами (*Полесских, 1956, с. 44*)

Подводя итог изучению раннего железного века, М.Р. Полесских сделал вывод о том, что во второй половине I тысячелетия до н.э. — первые века н.э. на территории Пензенского края господствовал ранний железный век. Характерными чертами, которого стали укрепленные городища, возникновение социального неравенства, окончательное утверждение патриархальных родовых общин, появление парных семей.

Литература:

Полесских М.Р., 1956. В недрах времен. Пенза.

Полесских М.Р., 1975 Исследование городецких городищ. //Археологические открытия 1974 года. М.

Полесских М.Р., 1977 Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. Пенза.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ АБРАМОВСКОГО МОГИЛЬНИКА*

Абрамовский могильник расположен у с. Абрамово Арзамасского р-на Нижегородской области на первой надпойменной террасе левого берега реки Теша. Памятник был открыт и обследован в 1962 году экспедицией Горьковского историко-архитектурного музея под руководством В. Ф. Черникова. В разведочном раскопе были выявлено одно погребение, совершенное по обряду трупоположения на спине, головой на север, правая рука согнута в локте и положена на грудь, а левая — вытянута вдоль туловища. В погребении были обнаружены бронзовые украшения — две круглопроволочные гривны (одна с круглым пластинчатым щитком в центральной части гривны), бронзовый пластинчатый браслет, круглая пластинчатая нагрудная бляха, ожерелье из красных пастовых бус, бронзовая трубчатая подвеска и небольшой ритуальный сосуд (Жиганов, 1976а, с. 45).

В 1970 году экспедицией Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева под руководством М.Ф. Жиганова были начаты систематические раскопки могильника. В этом году было вскрыто два погребения, совершенных по обряду — трупосожжение на спине, головой на северо-запад. В женском погребении были обнаружены: две круглопроволочные бронзовые гривны, одна из которых имеет плоский округлый щиток, пластинчатая круглая бляха с перекрестьем из двух бронзовых пластинок, пластинчатый браслет с расширенными концами, трубчатые подвески. В мужском погребении, кроме двух округлых застежек, были найдены втульчатый железный топор архаичной формы, наконечник железного копья с листовидным пером, нож. Аналоги собранным артефактам были найдены М.Ф. Жигановым в инвентаре наиболее древних погребений мордовских могильников типа Старшекужендеевского (VI—VII вв. н. э.) (Жиганов, 1971, с. 171).

В 1971 г исследования могильника М.Ф. Жигановым были продолжены (вскрыто 97 погребений). При подведении итогов раскопок этого года М.Ф. Жигановым было отмечено: «Погребения совершены в грунтовых ямах подчетыреугольной формы. Погребальные ямы, за исключением детских, имеют длину от 200 до 330 см, ширину от 70 до 100 см и глубину до 215 см. Господствующим является обряд трупопо-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Древняя мордва в эпоху Великого переселения народов (по материалам раскопок Абрамовского могильника)», проект № 07-01-23114а/В.

ложения; следы трупосожжений обнаружены лишь в 12 погребениях. Судя по ряду погребений, покойника заворачивали в древесную кору и клали на спину лицом вверх, со сложенными на груди руками. В большинстве погребений встречены остатки древесного угля, которым обсыпали умершего, а в погребениях 53, 61, 88 четко прослежены остатки костров, разведенных во время тризны. 70 погребений ориентировано головой на север, 3 — на северо-восток, 1 — на северо-запад, 4 — на юг. Выявлено одно ритуальное захоронение коня. Раскопки могильника дали обилие различных украшений, орудий труда, оружия, бытовых вещей. Нарядный головной убор обнаружен в погребении 33. На матерчатую основу прикреплялся венчик, состоящий из рядов бронзовых спиралей и колечек с петельками для подвесок. В затылочной части венчик застегивался пряжкой. К венчику прикреплялся богатый наконик из рядов бронзовых спиралей, крупных и мелких пластинчатых полусферических блях с хорошо отполированной поверхностью. Нагрудные и шейные украшения представлены многочисленными ожерельями из бус, бронзовыми гривнами различных типов, кольцевыми застежками, прорезными бляхами, подвесками. Все эти украшения имеют самые ближайшие аналогии в Кошибесвском, Сергачском, Польноялтуновском и других памятниках начала I тысячелетия н. э. В числе нагрудных украшений — две бляшки с эмалью красноватого цвета, фибула с пластинчатым корпусом (по А. К. Амброзу, время не позднее III—IV вв. н. э.), литые крупные ажурные бляхи с изображениями коня и т. д. В коллекциях могильника имеются богатые поясные наборы из бронзовых бляшек, накладок, пряжек, а также украшения рук и ног. Временем не позднее III—IV вв. н. э. датируются и многочисленные изделия из железа — наконечники копий, стрел, втульчатые топоры-кельты, ножи с горбатой спинкой, двулезвийный меч со следами деревянных ножен. В женских погребениях, как правило, в головах стоят лепные глиняные сосуды (по одному или по два)» (*Жиганов, 1972, с.224-225*).

Еще 72 погребения (101-172) было вскрыто М.Ф. Жигановым в 1973 г. При этом были прослежены важные детали обряда захоронения: дно могилы покрывалось грубо отесанными плашками или древесной корой, на которые клали покойника на спине в вытянутом положении; руки погребенного были согнуты в локтях и положены кистями на верхнюю часть груди. Покойника сверху накрывали полотном, а затем уже древесной корой. Вне пределов могил были выявлены формы ритуальные ямки округлой, в которые ставились глиняные сосуды. В погребальном инвентаре широко представлены женские украшения. Бусы в основном трех типов: крупные стеклянные золоченые; четковидные

стеклянные посеребренные; красные настовые округлые боченковидные. Реже встречаются стеклянные рубленые бусины синего цвета. Имеется одна крупная боченковидная бронзовая бусина. Среди застежек — фибула прогнутая подвязная с пластинчатой спинкой. Имеется ряд сравнительно хорошо сохранившихся наконечников из крупных полусферических бронзовых пластин, спиралей, подвесок, нашитых на кожу или ткань. Почти каждое мужское погребение сопровождали железный втульчатый топор и наконечник копья. Широко представлены также железные ножи, поясные пряжки, удила.

Исследователями могильника был сделан вывод, что инвентарь погребений датируется в основном IV в. н. э., хотя в нем имеются и более древние предметы (головные венчики типа стадии А Рязанских могильников, круглые пластинчатые бляхи с концентрическими кругами, некоторые ажурные бляхи). Головные венчики, привески, бляхи прорезные и ажурные, браслеты и другие украшения имеют широкие аналогии в памятниках кошибеевского типа (*Жиганов, Зеленева, Сурков. 1973, с.150*).

Краткие итоги трех лет исследования могильника были подведены М.Ф. Жигановым в книге «Память веков», где говорится, что материалы Абрамовского могильника относящиеся к IV—V вв. н. э. иллюстрируют второй этап развития северных (кошибеевских) памятников: «...Могильник сравнительно хорошо сохранился, здесь в отличие от Кошибеевского могильника четко прослежены важнейшие детали обряда погребения, выделены характерные погребальные комплексы, получен массовый документальный материал для хронологии памятников этого времени. Особый интерес представляют типичные для мордовских женщин височные привески с грузиком и спиралью на концах. Они встречены фактически во всех женских погребениях могильника. Эти привески относятся к числу наиболее ранних украшений этого типа. Они близки к привескам из ранних могильников мордвы пензенской группы. В дальнейшем их совершенствование шло по линии удлинения стержня и грузика, широко встречаясь в могильниках мордвы — эрзи и мокши второй половины I тыс. и начала II тыс. н. э. (могильники Волчихинский, Старший Кужендеевский, «Красный Восток», Крюковско-Кужновский и т. д.). В отдельных случаях в Абрамовском могильнике встречены височные привески в виде небольшого колечка. В числе шейных и нагрудных украшений в Абрамовском могильнике найдено большое число гривен. По конструкции застежек-замков и сечению ободка гривны разделяются на несколько типов: тонкие, изготовленные из круглого в сечении бронзового дрота с крючком на одном конце и петлей на другом; толстые, изготовленные из проволоки

круглого сечения с круглым замком для застегивания; ромбические в сечении, перекрученные в виде спирали и т. д. В отдельных случаях встречены бронзовые гривны со спиралью из проволоки с напускными бронзовыми бусинами, а также железные гривны с бронзовыми напускными бусинами. Ярким и характерным украшением женщин были бронзовые нагрудные бляхи. Они встречаются почти во всех женских погребениях. По форме, конструкции верхней крышечки и орнаменту, нанесенному на лицевую сторону, их можно разделить на ряд типов. Встречены круглые пластинчатые бляхи, орнаментированные крупными округлыми выпуклинами и укрепленные перекрестьем из пластинок, покрытых насечкой и оканчивающихся петлями, в которые вложены колечки. Чаще всего встречались так называемые прорезные пластинчатые бляхи с круглым отверстием в центре, с пластинчатым округлым в центре язычком или же обычным язычком в виде стержня. В состав нагрудных украшений входит большое число бронзовых застежек-сюлгам, составных бронзовых украшений в виде рядов круглых бляшек, спиралек с бубенчиками, плоских пластинчатых блях с концентрическими насечками, бронзовых фибул. Имеется ряд сохранившихся наконечников и крупных полусферических бронзовых пластин, к которым прикреплялись нашитые на кожу или ткань спиральки, подвески. Браслеты представлены рядом типов. Большинство из них изготовлено из широких бронзовых пластинок, концы которых украшены орнаментом в виде геометрических фигурок. Имеются составные браслеты из бронзовых спиралек, перемежающихся с крупными красными пастовыми бусинами. Украшениями ног и обуви служили пряжки с длинными накладками и привесками» (Жиганов, 1976, с.45-46).

В 1974 г. раскопки Абрамовского могильника М. Ф. Жигановым были продолжены. В раскопе (172 x 230 м) было вскрыто 58 погребений. По застежкам с чуть выступающими «усами», бляхам с круглой крышечкой и некоторым другим вещам большинство погребений этого года были датированы V—VI вв. Исследователями было отмечено отсутствие позолоченного бисера, который встречался в ранее изученных погребениях, и это позволило предположить, что могильник функционировал довольно долгое время, начиная с IV в. н.э. (Авдеев, Богачев, Жиганов, Зеленева, 1975, с.132).

В 1974 г. экспедицией Мордовского государственного университета под руководством М.Ф. Жиганова было вскрыто еще 42 погребения (№231—272). Исследованные погребения, как и захоронения прошлого года, были отнесены к позднему этапу могильника и датированы временем не ранее V в. н. э. Было отмечено, что в могилах редко встречаются стеклянные позолоченные бусы (преобладают красные пастовые),

несколько изменяются височные привески с грузиком — увеличивается длина стержня, более массивным становится многогранный грузик на его конце. В целом, вещевой материал богат и разнообразен. Почти нет мужского погребения, где не был бы найден железный топор. В отличие от втульчатых топоров раннего комплекса могильника (конец III—IV вв. н. э.), топоры из рассматриваемых погребений более массивны; лезвие их шире и несколько более наклонно от оси втулки. Характерно наличие в мужских погребениях женских украшений, которые чаще всего клались в погребение отдельной кучкой (*Авдеев, Богачев, Бояркин, Жиганов, Елисеев, Казакин, 1976, с.151-152*).

В 1988 г. В.В. Гришаковым (1988) была проведена классификация керамики Абрамовского могильника, на основе которой была предпринята попытка выяснить некоторые аспекты происхождения и генезиса культуры населения, оставившего этот памятник. Керамический массив могильника был разделен на три категории: горшки, миски и чаши, хронология которых была установлена на основании датировок вещевых комплексов в пределах IV—VII вв. Наиболее характерной формой посуды ранних погребений могильника (IV—V вв.) были признаны мисковидные сосуды открытых форм, с тщательно обработанной поверхностью и негрубыми примесями шамота и песка в тесте. Лишь одно захоронение конца IV — первой половины V в. содержит посуду горшковидных форм, что, по мнению В.В. Гришакова, имеет принципиальное значение для решения вопросов формирования культуры местного населения. Поскольку ранние захоронения селиксенского типа, как правило, содержат посуду баночных форм, а горшковидные формы сосудов характерны для могильников Нижнего Примокшанья и Средней Оки, что позволяет поставить вопрос о различных путях формирования культур населения, оставивших данные группы могильников, хотя их единая генетическая основа — позднегородецкая — не вызывает сомнений (*Гришаков, 1988, с.53-54*).

Рассматривая вопрос о формировании культуры населения, оставившего Абрамовский могильник, В.В. Гришаков счел необходимым выделить еще один этнокультурный компонент этого памятника. В погребениях 86 и 128 им были отмечены мисковидные сосуды специфичной формы (тип 5 и 6), с грубым черным лощением в верхней части. Височные украшения этих погребений изготовлены в подражание древнемордовским подвескам с грузиком. На них грузик заменен коротким стерженьком с крючком на конце. В погребении 128 головной убор погребенной был дополнен налобным венчиком из бронзовых пронизок, разделенных пластинчатыми обоями с трехлопастными подвесками. Оба погребения были датированы В.В. Гришаковым

в пределах IV — начала V в. Также был отмечен ряд захоронений (№№101, 156, 163, 168), крайне невыразительных по инвентарю, содержащих лощеные и подлощенные сосуды. Данные захоронения были интерпретированы в качестве погребений ассимилированного населения, носителей лощеной керамики, перенявших древнемордовский головной убор и, в свою очередь, наложивших определенные отпечатки на керамические традиции местной культуры. Своеобразная глиняная посуда, оригинальные украшения, в том числе инкрустированные эмалью, позволили В.В. Гришакову предположить их западное, вероятно, балтское происхождение (*Гришаков, 1988, с.54-55*).

По наблюдениям В.В. Гришакова, в захоронениях VI—VII вв. происходят принципиальные изменения в составе и характере керамического материала Абрамовского могильника. В них присутствуют горшки 3-го и 5-го типов с профилированным усеченно-коническим туловом и высоко приподнятыми выраженными. Поверхность сосудов обработана небрежно, в составе глиняного теста — шамотные примеси, в двух сосудах — дресва. По мнению В.В. Гришакова, аналогичные горшки широко известны в рязанско-окских древностях. В погребении №11 горшок располагался в ногах покойника, что является необычным для погребального обряда Абрамовского могильника и весьма характерно для рязанско-окских захоронений. Данные факты позволили выдвинуть предположение о том, что не позднее VI века в среду абрамовского населения влилась группа носителей культуры рязанско-окских могильников. По времени эта инфильтрация совпадает с постепенным исчезновением на Средней Оке могильников данного типа, что свидетельствует о еще одном пути миграции рязанско-окских племен (*Гришаков, 1988, с.55*).

В итоге В.В. Гришаков приходит к выводу, что: «Смешение абрамовских и рязанско-окских черт привело, к появлению новых разновидностей горшков — 4-й, 6-й типы и мисок — 1-й, 2-й типы. По совокупности признаков (тесто, форма, пропорции) эти сосуды впитали в себя керамические традиции изготовления, как мисок, так и горшков. С другой стороны, в ряде захоронений VI—VII вв. обнаружены мисковидные сосуды 3-го и горшок 2-го типов, в которых легко узнаются формы, сложившиеся в предшествующий период, что свидетельствует об определенной устойчивости и даже их стандартизации. По сравнению с ранними типами эти миски выделяют более высокие пропорции, типологически близкие к низким горшковидным формам. Эти изменения, произошли в силу поступательного развития на основе традиционных черт. То есть керамика VI-VII вв., в основном продолжает традиции абрамовских, а не пришлых рязано-окских племен» (*Гришаков, 1988, с.55-56*).

В 1990 г. в совместной статье Н.А. Акимова и В.В. Гришакова были проанализированы бусы Абрамовского могильника (*Акимов, Гришаков, 1990*). На основе анализа качественного состава выделенных групп ожерелий и с учетом корреляции разновидностей бус авторами статьи была построена относительная хронологическая шкала, согласно которой группы ожерелий разделились на два массива. Для первого массива характерно наличие золоченых бус при широком разнообразии бус других разновидностей, второй массив объединяет группы ожерелий, содержащие долгобытующие типы. Исходя из того, что золоченые бусы в финских могильниках I тыс. н. э. не встречаются позднее второй половины V в., а ожерелья без золоченых бус, содержащие краснопастовые бусы, получили широкое распространение со второй половины V в., авторы статьи пришли к выводу, что группы ожерелий первого массива древнее второго. Также ими был сделан ряд наблюдений, касающихся абсолютной хронологии групп ожерелий. Так по составу долгобытующих разновидностей ожерелья II группы, отличающиеся высоким содержанием золоченых многочастных бус, стабильнее ожерелий IV группы, поскольку большинство первых содержат многочастные золоченые бусы, краснопастовые и синие. В ожерельях IV группы многочастные бусы этих типов встречаются уже значительно реже. При этом псевдозолоченые бусы, не входящие во II группу, присутствуют в составе ожерелий IV группы. Эти наблюдения позволили Н.А. Акимову и В.В. Гришакову предположить, что последние моложе ожерелий II группы, и что их хронологическая граница приходится, на последнюю четверть IV в. когда гуннское нашествие нарушило традиционные поставки южного импорта на территории Окско-Сурского междуречья. Нижняя дата ожерелий II группы была определена ими рубежом III—IV вв. и. э., поскольку именно к этому времени Е. М. Алексеева (1978, с.29) относит резкое сокращение разнообразия золоченых бус (*Акимов, Гришаков, 1990, с.11-12*).

По мнению авторов статьи, ранним группам ожерелий близки по времени III группа, в которой преобладают бусы синего цвета и, возможно, немассовая VI группа, основу которой составляют краснопастовые резаные бусы среднего размера. На последнюю четверть V в., по их предположению, приходится наибольшее распространение ожерелий I и VIII групп, в которых начинает преобладать краснопастовый бисер, получивший широкое применение в VI в. Значительно реже встречаются многочастные синие и краснопастовые резаные бусы. Заметно сокращается и разнообразие бусинных наборов. Во второй половине V—VI в. выходят из употребления краснопастовые многочастные и псевдозолоченые бусы. К этому времени относятся ожерелья X груп-

пы, в которых ведущее положение занимает краснопастовый бисер. В VII в. в украшение костюма входят ожерелья, объединенные в VII и XI группы, в которых преобладают небольшие свернутые краснопастовые бусы. Постепенно исчезают краснопастовый бисер, крупные краснопастовые свернутые бусы и практически не встречаются крупные краснопастовые резаные, четырнадцатигранные голубые и синие резаные бусы. В конце VII — начале VIII в. значительно возрастает количество продольно-полосатых бус, такое ожерелье (XIII группа) обнаружено в одном из самых поздних захоронений Абрамовского могильника. Бусы, изготовленные в этой технике, известные еще в ранних ожерельях (IV группа), стали более широко употребляться в последующее время (*Акимов, Гришаков, 1990, с.12-13*).

В 1993 г. керамика Абрамовского могильника была повторно проанализирована В.В. Гришаковым в его монографии (*Гришаков, 1993*). Керамический комплекс могильника был разделен на три периода: 1) IV — начало V в., 2) V — начало VI, 3) VI — VII вв. Подавляющее большинство керамики первого периода — мисковидные сосуды (92 %), которые объединяются в 9 типов и среди них преобладают миски низких пропорций. На 2 этапе в комплексе появляются первые горшковидные сосуды и миски высоких пропорций. На 3 этапе горшковидная посуда уже количественно преобладает (62 %). Одновременно происходит сокращение разнообразия мисковидных сосудов, представленных только 2 типами (*Гришаков, 1993, с.86-87*).

Параллельно с изменением формы сосудов В.В. Гришаковым были прослежены изменения в составе формовочных масс и декоре посуды. Для первого периода характерна тщательная обработка мисковидной посуды путем заглаживания или даже подлощения поверхности. В качестве добавлений в тесто обычно использовали тонкие примеси шамота, нередко с песком. Посуда не орнаментировалась. На 2 этапе намечаются различия в технологии изготовления сосудов. Если миски продолжают традиции раннего времени, то горшки отличаются несколько небрежной выделкой из теста, насыщенного более грубыми примесями шамота. Появляется и орнаментированная посуда. На 3 этапе наблюдается некоторое смешение технологических традиций, при возобладании последней, что подтверждается отсутствием в это время прекрасно обработанных образцов, известных в первом и отчасти во втором периодах. В VI — VII вв. увеличивается число орнаментированной керамики (*Гришаков, 1993, с.87*).

Своеобразие посуды Абрамовского могильника позволило В.В. Гришакову выделить особый поволжско-тешский керамический очаг, материалы которого характеризуются существенной близостью с посудой

Безводнинского могильника. По наблюдениям автора монографии, они объединяются традициями изготовления мисковидных хорошо профилированных форм типов. Однако в Безводном их появление происходит на этап позднее, чем в поволжско-тешском очаге. Данные изменения были связаны В.В. Гришаковым с процессами инфильтрации в поволжско-тешский очаг носителей рязанско-окских керамических традиций. Первый импульс (первая половины V в.) шел через Нижнее Примокшанье по притокам р.Теша в самый центр поволжско-тешского очага и связан с началом формовки горшковидных сосудов. Здесь он не затухает, а продолжает развиваться в северо-восточном направлении, достигая берегов Волги, и приводит к началу использования могильников безводнинского типа. По мнению В.В. Гришакова, в это движение была вовлечена какая-то часть носителей поволжско-тешского очага, которая привнесла в культуру безводнинского типа свои керамические традиции. Оторванность от эпицентра, располагавшегося приблизительно в среднем течении р.Теша, обусловила определенную консервативность поволжско-тешских керамических черт в безводнинской среде, где устойчиво сохраняются традиции низкой пропорциональности керамики. Пришлые рязанско-окские и поволжско-тешские традиции наложили весьма существенный отпечаток на местную поволжско-финскую культуру, которая предопределила оригинальность и самобытность памятников безводнинского типа (*Гришаков, 1993, с.114-115*).

В 2000 г. материалы Абрамовского могильника были затронуты В. И. Вихляевым в монографии «Происхождение древнемордовской культуры». В ней наиболее ранние захоронения данного могильника были синхронизированы со стадией А армиевского периода и был сделан вывод о том, что время формирования культуры древней мордвы в Окско-Сурском междуречье относится к концу IV – первой половине V в. (*Вихляев, 2000, с.101*).

Анализируя керамику Абрамовского могильника, В.В. Вихляев полемизирует с В.В. Гришаковым, указывая, что им выделено три периода в развитии керамических комплексов памятника, «...но конкретных обоснований выделения в самом материале Абрамовского могильника означенных периодов в его работах не содержится. Имеются лишь ссылки на хронологические системы, разработанные для соседних территорий другими исследователями. Уже в то время, когда В.В. Гришаков публиковал материалы керамических комплексов Абрамовского могильника, абсолютные датировки этих систем нуждались в корректировке» (*Вихляев, 2000, с.105*).

По наблюдениям В.И. Вихляева состав керамики в ранних погребениях могильника несколько иной, нежели у В.В.Гришакова, который

правильно определил специфику раннего керамического комплекса — преобладание сосудов мисковидных форм, однако его вывод о том, что здесь отсутствуют горшки, неверен. По данным В.И. Вихляева, горшки в ранних комплексах составляют почти 1/5 всей керамики Абрамовского могильника: «Так, в хорошо датированном погребении 32 найдены 2 сосуда горшковидной формы. Среди четырех сосудов этого типа в ранних комплексах выделяются один слабопрофилированный горшок приземистой формы, весьма характерной для городецкой культуры, и два профилированных горшка, также не чуждых этой культуре» (*Вихляев, 2000, с.105*).

Автор монографии отмечает близость мисок Абрамовского могильника керамике городецкой культуры, в особенности керамическим комплексам нижеволжского варианта. По его наблюдениям, во всех регионах городецкой культуры миски появляются на позднем этапе. При этом В.И. Вихляев присоединяется к мнению В.Г. Миронова о том, что в конце I тыс. до н. э. наблюдается переселение городецких племен из Нижнего Поволжья на территорию средневолжского локального варианта. По мнению В.И. Вихляева, городецкие традиции керамического производства в посуде Абрамовского могильника проявляются: в профилированных и слабопрофилированных горшков, часть которых содержит примесь дресвы; в сохранившейся орнаментации в виде насечек по венчику; а также в форме днищ с закраинами и без закраин (*Вихляев, 2000, с.105-106*).

На материалах Абрамовского могильника В.И. Вихляевым прослеживаются культурные связи формировавшихся окско-сурских племен с уже функционировавшими культурами цнинско-мокшанских и верхнесурских племен. При сравнительном анализе погребального обряда им выявлено существенное влияние цнинско-мокшанских обычаев на погребальный ритуал населения Окско-Сурского междуречья, под влиянием которых сложился типичный для окско-сурских племен обычай помещать покойников в могильные ямы с ориентировкой головой на север. Данное влияние, по мнению В.И. Вихляева, также прослеживается в устройстве могильных ям большой длины (до 3 — 3,5 м), в обычаях покрывать дно могилы грубоотесанными дубовыми плашками или древесной корой. Им также отмечается, что с верхнесурскими племенами погребальный обряд древнемордовского населения междуречья Оки и Суры сближает обычай размещения сосудов в женских погребениях у головы (*Вихляев, 2000, с.107*).

Согласно наблюдениям В.В. Вихляева, в вещевых комплексах погребений наиболее важными показателями близости данных культур являются головные уборы, керамика и детали костюма. Он обра-

щает внимание на то, что уже в ранних погребениях окско-сурских племен головной убор содержал все три наиболее распространенных его элемента — налобный венчик, височные подвески и накосник (лучше всего сохранился в погребении 33 Абрамовского могильника). По его мнению, подобная конструкция головного убора была характерна в первой половине I тыс. н. э. для цнинско-мокшанских племен, а у верхнесурских налобный венчик отсутствовал. Отмечая, находку в погребении 128 Абрамовского могильника венчика из рядов бронзовых спиралек, перемежающихся бронзовыми обоями с подвешенными к ним трехлопастными подвесками, характерными для могильников на Цне и Мокше, В.И. Вихляев приходит к выводу, что эта часть головного убора ведет свое происхождение отсюда (Вихляев, 2000, с.107). Также В.И. Вихляев отмечает, что под влиянием верхнесурских племен, у населения Абрамовского могильника появляются височные подвески с грузиком, бляхи с крестовидной накладкой, а в поздних погребениях начинают распространяться накосники с бутыльчатymi подвесками. Другой тип блях с подвижным язычком, превращающимся со временем в подвижную крышечку, по его мнению, является результатом внутреннего развития (Вихляев, 2000, с.107-108). С влиянием со стороны именьковской культуры В.И. Вихляев связывает распространение в Абрамовском могильнике обрядов трупосожжения (Вихляев, 2000, с.109).

На основе анализа материалов Абрамовского могильника, В.И. Вихляев приходит к выводу, что во второй половине V — VII в. у окско-сурских племен наряду с изменениями в погребальном обряде наблюдались изменения и в керамическом комплексе и украшениях костюма. При этом у него вызывают возражения выводы В.В. Гришаква, касающиеся той степени влияния, которое оказало рязанско-окское население на развитие окско-сурских керамических традиций. По мнению В.И. Вихляева, не менее важную роль в развитие данных традиций сыграли верхнесурские племена (Вихляев, 2000, с.110-111).

В заключении В.И. Вихляев приходит к выводу, что в VI — VII керамический комплекс всего населения Окско-Сурско-Цнинского междуречья становится более однообразным по сравнению с предшествующим временем, на фоне сближения керамических комплексов окско-сурских и верхнесурских племен. Данный факт, по мнению В.И. Вихляева, отражает важный этнический процесс формирования общемордовской культуры, который шел параллельно с формированием ее вариантов — мокшанского и эрзянского. При этом тенденция сближения черт материальной культуры ранних мокшанских и эрзянских племен в VI — VII вв. прослеживается В.И. Вихляевым и в украшении

ях костюма: «... в этот период височные подвески с бипирамидальным грузиком у окско-сурского населения приобретают такую же классическую форму, как и у верхнесурского. Сложные наконечники украшаются бутылчатými подвесками, как и у мокши. Однако различия в головном уборе все же сохраняются» (Вихляев, 2000, с. 112).

В 2001 г. И.Р. Ахмедовым, в статье «Псалии в начале эпохи великого переселения народов», были проанализированы материалы погребения №206 Абрамовского могильника, содержащие прямые бронзовые стержневидные псалии с сохранившимися фрагментами железных удил, с крупным кольцом ромбического сечения и зонами вертикального рифления на концах, которые были отнесены им к числу самых ранних удил этой эпохи, и к наиболее продолжительным по времени бытования. К типу пластинчатых им были причислены псалии из погребения №141 (Ахмедов, 2001, с. 220, 228).

В 2003 г. В.В. Гришаковым (2003) были опубликованы головные уборы Абрамовского могильника с верхнеокскими элементами. В погребении №140 им были отмечены ложнозерненные бантовидные накладки с напаянными на обратной стороне крестообразными планками и петельками, ближайшие аналоги которым были отмечены. В.В. Гришаковым в материалах городищ: Троицкое, Щербинское, Медведевское, Боровский курган, Луковня. По мнению И.Г. Розенфельдт (1982, с. 112, 116), бантиковидные накладки служили для украшения пояса. Их точное расположение в головном уборе погребения №140 в отчете М.Ф. Жиганова о раскопках Абрамовского могильника указано не было. Однако, опираясь на предложенную М.А. Сабуровой и А.Ф. Дубыниным реконструкцию женского убора по вещам клада Щербинского городища, В.В. Гришаков (2003, с. 20) выдвинул предположение, что данные накладки оформляли верх головного убора. При этом была оспорена и поздняя датировка бантовидных накладок IX веком, предложенная И.Г. Розенфельдт (1982, с. 117), поскольку комплекс древнемордовских украшений погребения №140 относится к V в. (скорее всего, к его первой половине), что подтверждается и находкой подобных накладок в погребениях Кораблинского могильника на Средней Оке (Гришаков, 2003, с. 21-23).

В погребение №218 В.В. Гришаковым были отмечены бронзовые привески восточнобалтского происхождения с ланцетовидной лопастью, орнаментированной крестообразно расположенными полушарными выпуклинами. По наблюдениям В.В. Гришакова, по размеру и форме лопасти они наиболее близки к находкам на Щербинском и Мощинском городищах. Все известные кольца с лопастью из рязанско-окских могильников (Кошибеево, Польно-Ялтуново, Кораблино, Шатрищи)

отличаются большим диаметром кольца (не менее 5,0-6,0 см), а концы лопасти обычно срезаны под углом. При этом они использовались и как браслеты, и в качестве височных украшений. Время их бытования в рязанско-окских древностях определяется рамками второй половины III (или рубежом III-IV вв.) — V вв. (*Гришаков, 2003, с.23*).

В заключение статьи В.В. Гришаков приходит к выводу, что поскольку «...эти нетрадиционные для мордовской среды украшения были использованы согласно своему назначению, т.е. в головных уборах, то можно говорить о непосредственном знакомстве мордвы с их функциональным применением. К тому же, в головном уборе из погребения 218 отсутствовали височные привески с грузиком — этнокультурный индикатор средневековой мордвы, в то время как остальной инвентарь погребения практически не выделяется на фоне древнемордовских захоронений Абрамовского могильника. В контексте рассматриваемой проблемы весьма интересны наблюдения, сделанные И.В. Белоцерковской на основе анализа материалов рязанско-окских могильников. Она пришла к выводу о непосредственном участии групп позднедьяковского населения в формировании их культуры (*Белоцерковская, 1999, с.42*). Так как Потешье входит в Окский бассейн логично предположить, что проводником позднедьяковских импульсов в древнемордовскую среду были рязанско-окские племена. По крайней мере, о непосредственных контактах арзамасской мордвы с поздними дьяковцами по имеющемуся пока материалу говорить не приходится» (*Гришаков, 2003, с.25-26*).

В 2003 г. материалы двух погребений Абрамовского могильника, содержащие ажурные подвески азелинского типа были опубликованы в совместной статье В.В. Гришакова и В.А. Винничка. На основе анализа артефактов, найденных в погребениях №8 и 33 Абрамовского могильника, авторами статьи был сделан вывод о том, что древнемордовские комплексы вещей, содержащие древности азелинского типа, укладываются в узкие рамки первой половины V века (*Гришаков, Винничек, 2003*).

В 2004 г. материалы Абрамовского могильника, содержащие снаряжение коня и всадника были проанализированы в диссертационном исследовании О.В. Седышева. В частности им было отмечено, что удила с железными псалями на территории расселения мордвы известны с первых веков нашей эры по материалам Андреевского кургана. Но появление их собственно у мордвы следует связать с удилами, из погребения IV-V вв. Абрамовского могильника. По своим конструктивным особенностям, они схожи с удилами из могильника Лермонтовская скала 2 на Северном Кавказе. Одной из самых древних находок

у мордвы удил с псалиями, по его мнению, также являются удила из погребения №206 Абрамовского могильника (*Седышев, 2004, с.10-11*).

Литература:

Акимов Н.А., Гришаков В.В. Бусы Абрамовского могильника // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. Саранск, 1990.

Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ.— 1978.—Вып. Г 1—12.

Ахмедов И.Р. Псалии в начале эпохи Великого переселения народов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма): Материалы III Международной археологической конференции. В 2-х т. Т. 2. Самара, 2001. С. 220-251.

Белоцерковская И.В., 1999. Верхнеокские элементы в культуре рязанско-окских могильников // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. Саранск.

Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск. 2000.

Гришаков В.В. Керамика Абрамовского могильника // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тысячелетия н.э. Саранск, 1988.

Гришаков В.В. Керамика финно-угоских племен правобережья Волгив эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола, 1993.

Гришаков В.В., Винничек В.А. Эполетная застежка с Верховьев Суры // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003.

Жиганов М.Ф. Память веков. Изучение археологических памятников мордовского народа за годы советской власти. Саранск. 1976.

Жиганов М.Ф. Работы Мордовской экспедиции в Горьковской области //Археологические открытия 1971 года. М., 1972.

Жиганов М.Ф., Зеленев Ю.А., Сурков А.В. Раскопки Абрамовского могильника //Археологические открытия 1973 года. М., 1974.

Жиганов М.Ф. Исследования древнемордовских памятников в Горьковской области //Археологические открытия 1970 года. М., 1971.

Авдеев А.М., Богачев А.Ф., Жиганов М.Ф., Зеленев Ю.А. Раскопки в Горьковской области //Археологические открытия 1974 года. М., 1975.

Авдеев А.М., Богачев А.Ф., Бояркин А.В., Жиганов М.Ф., Елисеев А.Г., Казакин В.П. Исследования в Горьковской области //Археологические открытия 1975 года. М., 1976.

Розенфельдт И.Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI-IX вв. М.

Седышев О.В. Снаряжение верхового коня у древне мордвы в III –XIII вв. Автореферат диссертации канд. ист. наук. Ижевск, 2004.

УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В ДРЕВНЕМОРДОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Финал раннего железного века на пространствах междуречья Оки и Суры совпал с появлением первых грунтовых могильников древней мордвы, этнокультурным индикатором которых являются височные подвески с грузиком на стержне, обмотанном проволокой и свернутом в спираль на верхнем конце. Вопрос о происхождении древнемордовской культуры сейчас решается достаточно однозначно и дискуссированная в историографии XX в. гипотеза о пришлом (прикамском) компоненте в настоящее время не находит сторонников. Об автохтонном формировании основных этнокультурных признаков свидетельствует в первую очередь керамический материал из ранних древнемордовских комплексов и его несомненная связь с предшествующими традициями андреевского времени (*Гришаков, 1993. С. 101-102*).

В географическом и этнокультурном отношении ареал распространения мордовских древностей распадается на три четко очерченных локальных района: 1) могильники Верхнего Посурья и Примокшанья; 2) памятники арзамасского течения р. Теша; 3) могильники Нижнего Посурья. Все три группы связаны с участками широколиственных лесов, обязательно рядом с границей бывшей луговой степи, что было связано с системой ведения хозяйства, базировавшегося на земледелии и приселищном скотоводстве.

Памятники, сосредоточенные в верхних течениях Суры и Мокши в пределах современной Пензенской области, являются наиболее изученными М. Р. Полесских и позволяют здесь в отличие от других районов проследить перманентное развитие древнемордовской культуры в рамках всего рассматриваемого периода (*Полесских, 1977. С. 33-49; Вихляев, 1977; Вихляев, 2000. С. 76-78*). Изучение нами типологии находок и их корреляция в комплексах позволили распределить древности Верхнего Посурья и Примокшанья на семь групп. Их относительная хронология основана на эволюционных цепочках ряда древнемордовских украшений (пластинчатые и дисковидные бляхи, височные подвески, застежки-сюльгамы и т.д.), а абсолютная – на перекрестной датировке хронологических индикаторов, в первую очередь, на широко представленной в мордовских комплексах ременной гарнитуры (пряжки, накладки, наконечники ремней), позиция которой в европейской археологии сейчас разработана очень подробно.

Предлагаемая хронология групп выглядит следующим образом: 1 группа – первая половина III в. н.э.; 2 группа – вторая половина III в.; 3

группа – первая половина IV в.; 4 группа – вторая половина IV – начало V вв.; 5 группа – V в.; 6 группа – VI – начало VII в.; 7 группа – VII в. Сопоставление выделенных групп погребений с особенностями погребальной обрядности памятников позволило предложить схему этнокультурных процессов в верхнем Посурье и Примокшанье, которая отличается от традиционной.

Совершение первых захоронений на верхнесурских могильниках (Селиксенском, Усть-Узинском, Шемышейском) относится ко времени не позднее начала III в. н.э. (*Гришаков, 2000; Гришаков, 2005. С. 20-22*) Одновременно с ними в Верхнем Примокшанье начинают совершаться погребения в Ражкинском могильнике (*Гришаков, 2005. С. 44-46*). Сопровождающий их погребальный инвентарь убедительно демонстрирует синхронность древнейших комплексов обоих микрорайонов, представленных **1 группой**. Вместе с тем, не вызывает сомнения существование в это время двух локальных традиций. Одна из них проявляется в памятниках Верхнего Посурья, другая – представлена в могильниках верхнего течения Мокши. Так, верхнесурские памятники отличаются рядовой планировкой погребений на площади могильников, в то время как на Ражкинском могильнике наблюдается их групповое расположение. Формирование материальной культуры населения здесь проходило под воздействием западных импульсов (лопастные височные кольца, браслет круга изделий с выемчатой эмалью, шпора), тогда как генезис культуры присурского населения испытывал большее влияние прикамских (позднепьяноборских) импульсов (сапожковидные привески, полуцилиндрические гофрированные пронизи, некоторые типы бляшек). Однако последнее объясняется не различными этнокультурными компонентами, составляющими эти памятники, а традиционными контактами по речным артериям – Мокше, входящей в Окский бассейн, и Суре, связанной с Прикамьем. Утвердившееся ранее мнение на основании северной ориентировки погребенных о том, что древнейшие захоронения Ражкинского могильника были оставлены какой-то группой так называемого «кошибеевского» населения не вполне обосновано. Так, западная ориентировка характерна для Селиксы, южная – Шемышейки, головой на восток – для Усть-Узы. Как видно, определенные группы древнемордовского населения верховьев Мокши и Суры придерживались своих традиций при ориентировке покойных, что говорит о незавершенности консолидационных процессов в данном районе. Их принадлежность к единому древнемордовскому присурскому культурному очагу бесспорна на основании стандартных комплексов женских захоронений обеих групп с височными украшениями в виде подвесок с грузиком и керамической посуды (*Гришаков,*

2005. С. 59-60). Погребения **2 группы** демонстрируют плавную эволюцию комплексов, фиксируемую как смену вариантов украшений ряда типов и керамической посуды.

Погребения **3 группы**, основная масса которых представлена в появившемся рядом с Селиксой Селикса-Трофимовском могильнике первой половины IV в., в предложенных ранее этногенетических схемах связывались с приходом на верхнесурские пространства населения из районов низовьев Мокши и Средней Оки (*Полесских, 1977. С. 40-41; Вихляев, 1977. С. 62-64; Вихляев, 2000. С. 94-96*). Однако, как показывает культурно-типологический анализ, основные признаки, наблюдаемые в 3 группе — восточная ориентировка покойных, тюльпановидная посуда, появление застежек-сюльгам и новых типов гривен, являются не всегда инновационными и имеют в основном местное происхождение. Так, восточная ориентировка еще в III в. была характерна для Усть-Узинского и Алферьевского могильников (*Гришаков, 2005. С. 53-57*). Ряд исследованных в последние годы ранних усть-узинских комплексов содержат тюльпановидные горшки, более близкие к селикса-трофимовским, чем рязанско-окские, которые отличаются более вытянутыми пропорциями. Ареал же распространения новых типов украшений далеко не ограничивается средним течением Оки, а, наоборот, во многих из них просматривается восточное (позднетьяноборско-азелинское) влияние, связанное с интенсификацией торгово-экономических связей между этими регионами и, возможно, отдельными этнокультурными контактами. И, наконец, ряд инноваций генетически связаны с местными традициями, в том числе, и преемственность всех основных типов керамической посуды. Таким образом, появление Селикса-Трофимовского могильника является отражением малой миграции в пределах рассматриваемого района и вполне соотносится с процессами унификации культуры, тенденции к которой все больше намечались.

В **4 группе** погребений, выявленных преимущественно на Тезиковском могильнике, наблюдаются сосуществование двух этнокультурных традиций, наиболее выразительно прослеженных в керамическом комплексе. Первая, автохтонная, продолжает в общих чертах местные традиции, но на новом уровне. Это находит выражение в смене биконического на бипирамидальный грузик височных подвесок, встречающиеся прежние формы можно рассматривать как пережиточные, на основе которых появляются черты новых. Другая традиция демонстрирует проникновение на пространства верхнего Примокшанья нового населения, принесшего характерную чернолощенную керамику в виде цилиндрико-конических и биконических чаш, ребристых мисок, а также проушные клиновидные топоры, ажурные литые украшения,

изделия с эмалью, своеобразные пластинчатые пряжки и т.д. Подобный культурно-хронологический горизонт прослеживается в культуре рязанско-окских могильников, где он связывается исследователями с инфильтрацией в IV-V вв. в финскую среду групп позднедьяковского и мощинского происхождения (*Белоцерковская, 1999. С. 37-43*).

Таким образом, около середины IV в. в древнемордовскую среду Примокшанья влилась группа населения, ядро которого составляли носители западных (восточнобалтских) традиций. Они, судя по наличию некоторых элементов в культуре, или определенное время прожили в рязанской-окской среде и переняли некоторые обычаи и типы украшений, или вовлекли в движение вверх по Мокше каких-то ее носителей. По-видимому, это движение сопровождалось кратковременным, но достаточно мощным импульсом, так как с их приходом перестают использоваться древнемордовские могильники верхнего Посурья (Селиксенский, Шемышейский, Усть-Узинский и др.), активно функционировавшие в III – первой половине IV вв. Это было связано, скорее всего, с каким-то территориальным перераспределением древнемордовского населения в пределах рассматриваемой ойкумены. В дальнейшем традиции пришлого населения проявляются по сути дела только в керамическом комплексе V-VII вв. и связаны с распространением остросеребряных форм керамики (*Гришаков, 1993. С. 105*).

Погребения **5 группы** относятся к ранней поре великого переселения народов и выделяются с началом использования Армиевского могильника с характерной для последующих верхнесурских древностей южной ориентировкой покойных. По-видимому, она выработалась не в результате синтеза местного древнемордовского и пришлого населения, а возобладала в локальном районе течения Узы (левый приток Суры), где, судя по шемышейским комплексам, применялась еще с III н.э., откуда стала распространяться в дальнейшем (*Гришаков, 2005. С. 60*). Материальная культура этой группы в целом генетически связана с предшествующими комплексами.

В погребениях **6 и 7 групп**, когда на фоне стабилизации возобновляются захоронения на Селиксенском могильнике, складывается новый в наибольшей степени, по сравнению с предыдущими группами, унифицированный набор признаков материальной и духовной культуры мордовского населения верховьев Суры и Мокши. С оттоком из этого района основной части населения в конце VII- начале VIII в. они находят непосредственное продолжение в могильниках Цнинско-Вадского междуречья, связанных с культурой мордвы-мокши.

Погребальные памятники арзамасского Потешья, расположенные компактной группой по левому низкому берегу на первых надпоймен-

ных террасах, изучены очень неравномерно. Поэтому при определении хронологии важна их перекрестная датировка с выделенными группами на материале могильников Верхнего Посурья и Примокшанья, так как они уверенно коррелируются основными типами украшений, имеющих древнемордовские происхождение.

Наиболее ранние древности в этом районе выделяются пока только на материалах могильника Стексово II, где погребения 75, 78, 112 (Мартьянов, 2001) могут быть отнесены к **2 группе** и датированы соответственно второй половиной III н.э. Все они совершены по обряду труположения головой на запад, что характерно для ранних погребений Селиксенского могильника в верхнем Посурье. К сожалению, весьма ограниченный объем материала каких-либо выводов этнокультурного характера делать не позволяет, хотя поразительная идентичность комплексов с верхнесурскими позволяет говорить об их чрезвычайной близости.

В отличие от ранних комплексов, здесь прекрасно представлены комплексы, которые коррелируются с **4-7 группами** могильников верхнего Посурья и Примокшанья и датируются соответственно IV-VII вв. н.э. По могильникам они распределяются следующим образом: комплексы 4 и 5 группы представлены в материалах Абрамовского и отчасти Погибловского (Малиновского) могильников, а 6-7 групп кроме вышеуказанных встречаются в Кужендеево, Красном III и Заречное II. Несмотря на чрезвычайно близкий характер верхнесурских находок с потешскими, в последних более четко выделяются комплексы второй половины IV – V вв.. Они обладают устойчивыми сочетаниями признаков, что свидетельствует о плавной эволюции материальной культуры населения арзамасского течения Теши. Это подтверждается и анализом погребальной обрядности, которая стабильна на всем протяжении рассматриваемого времени и характеризуется северной ориентировкой покойных. Имеются отдельные случаи захоронения коней на территории Абрамовского могильника, обряд, неизвестный на верхнесурских памятниках.

Дальнейшая эволюция могильников этого типа прослеживается на местных материалах, выделяемых по древностям типа Перемчалкинского могильника и была связана с генезисом эрзянской культуры.

Могильники Нижнего Посурья включают памятники, расположенные по обоим берегам Суры при ее впадении в Волгу (Таутовский, Ивановский, Волчихинский) и в нижнем течении Пьяны (Сергачские могильники). В этой группе могильников представлены комплексы, которые могут быть датированы ранее рубежа II-III вв. н.э. и, следовательно, постандреевским временем. Таутовское и сергачские «Кожина

Слобода» погребения содержат хронологические маркеры (пластинчатые бляхи с концентрическими валиками, фибула боспорского типа, зеркало, меч с навершием в виде рожек и т.д.) (Смирнов, Трубникова, 1965. Табл. 17; Снежневский, 1984), которые предшествуют верхнесурским древностям 1 группы. В целом, для них характерна северная ориентировка погребенных, сохраняющаяся на всех последующих этапах развития локальной группы.

К сожалению, нижнесурские могильники, как и потешские, изучены в разной степени и не все этапы их развития могут быть освещены на основании имеющегося материала. Не прослежены в них пока материалы 1-3 групп (III-IV вв.). Древности **4 группы** четко представлены в небольших по объему материалах Сергачского могильника «Святой Ключ» (Шитов, 1988) и ранних, но не совсем выразительных комплексах Волчихинского могильника. Погребения **5 группы** представлены только в захоронениях Иванововского могильника (Ефименко, 1975). По-прежнему погребения 4-5 групп совершены по обряду труположения головой в северном направлении.

Особенностью погребального обряда нижнесурских комплексов, которые можно синхронизировать с **6-7 группами**, является значительная доля трупосожжения умерших на стороне в обычных прямоугольных ямах, как и при труположениях. Если в VI-VII вв. содержание трупосожжений в могильниках верхнего Посурья и арзамасского течения Теши не превышает 10%, то в Волчихинском и Иванововском некрополях они составляют более половины погребенных. Анализ погребального инвентаря показывает, что достаточных оснований связывать распространение обряда кремаций с какими-либо инокультурными традициями нет. Как и в арзамасских могильниках, здесь известны единичные погребения коней. В целом, материальная культура нижнесурских погребений этого времени интегрируется с мордовскими древностями первых двух регионов, хотя можно отметить широкое распространение в мужских захоронениях застежек с крылатой иглой, отражавших, по-видимому, социальный статус погребенного.

В Волчихинском и Иванововском могильниках дальнейшее развитие нижнесурского локального варианта прослеживается в комплексах VIII – начала IX вв., которые относятся уже к последующему этапу развития средневековой мордовской культуры.

Таким образом, III — VII вв. стали временем формирования основ древнемордовской культуры, которое происходило не на обширных пространствах Оско-Сурского междуречья, в трех основных эпицентрах. На основании имеющегося на сегодняшний день материала можно констатировать, что в отличие от потешского и нижнесурского, сур-

ско-примокшанский очаг отличался большим динамизмом этнокультурных процессов. Это, скорее всего, объясняется природно-географическим расположением района, который находился, с одной стороны, на стыке со степными пространствами, а, с другой, у истоков важных и удобных для самых различных контактов в пределах правобережья Волги таких водных артерий как Мокша и Сура. В целом, несмотря на определенную унификацию материальной культуры в VI-VII вв., свидетельствующей о параллельном развитии протомокшанской и протоэрязанской общностей, процессы их становления в рассмотренный период еще были не завершены.

Литература:

Белоцерковская И. В. Верхнеокские элементы в культуре рязанско-окских могильников // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию П.Д. Степанова. Саранск, 1999.

Вихляев В. И. Древняя мордва Посурья и Примокшанья (Учебное пособие). Саранск, 1977.

Вихляев В. И. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск, 2000. 131 с.

Гришаков В. В. Население верховьев Мокши и Суры накануне средневековья. Саранск, 2005.

Гришаков В.В. О ранней стадии пензенских могильников // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории). Саранск, 2000.

Гришаков В. В. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола, 1993.

Ефименко П. П. Ивановский и Гавердовский могильники древней мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1975. Вып. 48.

Мартьянов В. Н. Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. Арзамас, 2001.

Полесских М. Р. Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. Пенза, 1977.

Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Городецкая культура // САИ. Вып. Д1-14. 1965.

Снежневский В. И. Отчет о раскопках могильника в Кожинной слободе близ г. Сергач // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Н. Новгород, 1894. Вып. 12.

Шитов В. Н. Сергачский могильник «Святой ключ» // Труды МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1988. Вып. 85.

СНАРЯЖЕНИЕ ВЕРХОВОГО КОНЯ ИЗ МОРДОВСКИХ МОГИЛЬНИКОВ III – VII ВВ.

Деталям убора верхового коня из мордовских могильников III – VII вв. кроме кратких замечаний уделялось мало внимания (1, с.206–207). Цель данной работы привлечение в научный оборот этого вида археологического источника.

О развитии конского убора у мордвы III – первой половины VII в. можно судить, основываясь на археологическом материале, прежде всего, могильников расположенных на территории современной Пензенской области: Армиевского, Селикса-Трофимовского, Селиксенского, Тезиковского, Шемышейского, в изучении которых решающую роль сыграл М.Р. Полесских. К ним примыкает исследующийся в настоящее время Усть-Узинский 2 могильник. Кроме того, богатый и чрезвычайно разнообразный материал предоставляют могильники Нижегородской области: Абрамовский, Волчихинский, Погибловский, Красное III, Старший Кужендеевский, Сергачский «Святой ключ», Стеково II, Лазазей. В данной статье привлекаются материалы и из ранних комплексов II Старобадиковского, Серповского, Пановского, Елизавет-Михайловского, Крюково-Кужновского могильников.

Все удила двусоставные. По виду трензельного обеспечения и материалу изготовления удила делятся на группы, на отделы по способу оформления концов грызла, на типы – по форме трензеля (колец и псалий).

Группа I. Кольчатые. Железные.

Отдел А. С одинарными неподвижными кольцами на концах грызла, с продетыми в них подвижными кольцами.

Тип I (31 экз.). Подвижные кольца в сечении круглые или прямоугольные, диаметром 3 – 5, 5 см (рис.1, 1).

Тип II (14 экз.). Подвижные кольца в сечении круглые или прямоугольные, диаметром 5,5 – 8 см (рис. 1, 2).

Группа II. Кольчатые. Грызло железное, кольца бронзовые.

Отдел А. С одинарными неподвижными кольцами на концах грызла с продетыми в них подвижными кольцами.

Тип I (4 экз.). Подвижные кольца в сечении круглые (рис.1, 4).

Тип II (1 экз.). Подвижные кольца в сечении треугольно-выпуклые (рис.1, 5, 6).

Группа III. С псалиями. Железные.

Отдел А. С замкнутыми одинарными неподвижными округлыми кольцами на концах грызла.

Тип I (1 экз.). Псалии изогнуты, прямоугольные в сечении, с серебряными прямоугольными окончаниями и пластинчатой, скобой для крепления к оголовью. Без поводных колец (рис.1, 16).

Отдел Б. Неподвижные кольца на концах грызла в форме восьмерки, с несомкнутыми боковыми сторонами. Во внешние кольца продеты подвижные кольца для повода, во внутренние – псалии.

Тип I (2 экз.). Псалии Г-образные, с двумя прямоугольными отверстиями в центре. Подвижные кольца восьмерковидной формы, с несомкнутыми боковыми сторонами, в сечении круглые (рис.1, 14).

Отдел В. С расположенными в одной плоскости восьмерковидными неподвижными кольцами на концах грызла. Во внешние кольца продеты подвижные кольца для повода, во внутренние – псалии.

Тип I (1 экз.). Псалии, видимо Г-образные, с двумя прямоугольными отверстиями в центре. Подвижные кольца восьмерковидной формы, с несомкнутыми боковыми сторонами, в сечении круглые (рис.1, 15).

Группа IV. С псалиями. Грызло железное, псалии бронзовые.

Отдел А. С замкнутыми одинарными неподвижными округлыми кольцами на концах грызла.

Тип I (1 экз.). Псалии стержневидные, круглые в сечении, рифленные на концах, со скобой, в виде граненого кольца, для крепления к оголовью. Без поводных колец (рис.2, 1).

Группа V. С псалиями. Грызло железное, псалии деревянные или костяные.

Отдел А. С замкнутыми одинарными неподвижными округлыми кольцами на концах грызла, с продетыми в них подвижными кольцами и псалиями.

Форму псалия редко удастся проследить (рис.1, 7).

Тип I (8 экз.). Подвижные кольца округлой формы, в сечении круглые (рис.1, 3).

Тип II (7 экз.). Подвижные кольца восьмерковидной формы с несомкнутыми боковыми сторонами, в сечении круглые или прямоугольные (рис.1, 8).

Тип III (2 экз.). Подвижные кольца подпрямоугольной формы, в сечении круглые (рис.1, 9).

Тип IV (7 экз.). Подвижные кольца подтреугольной формы, в сечении круглые (рис.1, 10).

Тип V (24 экз.). Без поводных колец (рис. 1, 11).

Отдел Б. С замкнутыми одинарными, неподвижными, ромбовидными, сдавленными в вершине кольцами на концах грызла, с продетыми в них подвижными кольцами и псалиями.

Форму псалия проследить не удалось.

Тип I (4 экз.). Подвижные кольца округлой формы, в сечении круглые (рис.1, 12).

Тип II (7 экз.). Подвижные кольца восьмерковидной формы, с несомкнутыми боковыми сторонами, в сечении круглые или прямоугольные (рис.1, 13).

Отдел В. С расположенными в одной плоскости восьмерковидными неподвижными кольцами на концах грызла. Внешние кольца, с продетыми подвижными поводными кольцами, значительно меньше внутренних колец.

Форму псаля проследить не удалось.

Тип I (3 экз.). Подвижные кольца округлой формы, в сечении круглые (рис.2, 3).

Группа VI. С псалями. Грызло биметаллическое (железо и бронза), псалии костяные.

Отдел А. С расположенными в одной плоскости восьмерковидными неподвижными кольцами на концах грызла.

Тип I (1 экз.). Псалий роговидный с двумя прямоугольными отверстиями (рис.2, 2).

Кольчатые железные удила, известные в Поволжье с сарматского времени (2, с.63), наиболее массовая находка. Определенным хронологическим показателем при рассмотрении удил этой группы может являться изменение диаметра подвижных колец. Для III – IV. вв. более характерны удила IA I. В V – VII вв. диаметр колец достигает своего наибольшего значения (удила IA II). В отличие от кольчатых удил более позднего времени, удила III – VII вв. отличаются легкостью конструкции – тонкими звеньями и кольцами (особенно IA I).

Удила с бронзовыми, круглыми в сечении кольцами, встречались в комплексах IV – V вв. Безводнинского (3, с.77), Гавердовского (4, с.17, рис.11), Кошибеевского (5, с.37, табл VII, 17), Польно-Ялтуновского (6, табл.179, 2) могильников. Удила II A II в мордовских могильниках встречены в двух вариантах, различающихся формой обойм-зажимов для оголовья. Так удила из 36 погребения Усть-Узинского 2 могильника (рис.1, 5) имеют короткие бронзовые обоймы-зажимы и относятся к позднесарматскому времени (7, с.23, рис.1, 4), а удила из могильника Стексово II (рис.1, 6) – длинные орнаментированные зажимы, которые получили свое распространение в южнорусских степях лишь в гуннскую эпоху, где датируются концом IV – первой половиной V в. (8, с.56, рис.13).

В VI – VII вв. количество кольчатых удил сокращается за счет появления удил с псалями. Наиболее древними из них являются удила III A I и IV A I. С первыми из них схожи по своим конструктивным особенностям удила из могильника Лермонтовская скала 2 на Северном Кавказе, кото-

рые имеют изогнутые железные псалии с четырехугольной скобой и бронзовыми окончаниями (9, с.125, рис.73, 18). В целом удила с головками из цветного металла характерны для V в. (10, с.36). Близки к стержневидным бронзовые псалии из прусских могильников (11, с.58, рис.27, 3,1). Бронзовые псалии с круглой скобой и одним изогнутым концом датируются последней четвертью IV в. цебельдинской культуры (12, с.99, табл.27, 20).

Удила ШБИ и ШВИ датируются VII в. и представляют следующий этап развития металлических псалий и окончаний звеньев у грызла. Удила с железными двудырчатыми, Г-образными псалиями известны в могильнике на реке Дюрсо (13, с.214, рис.2, 10), Безводнинском (3, с.217, рис.53, 6), Старо-Кадомском (14, с.93, рис.2, 9), Шокшинском (14, с.93, рис.2, 8). Эволюция появления на концах грызла двух неподвижных колец видимо шла от удил с одним неподвижным кольцом – к удилам с неподвижными кольцами в форме перевитой восьмерки (3, с.217, рис.53, 3; 15, с.57, табл. I, 17, с.65, табл.V, 7–9), или восьмерки с несомкнутыми сторонами (удила ШБИ). Дополнительно этот процесс иллюстрируют удила VIAI, из погребения последней стадии Селиксенского могильника, с бронзовым восьмерковидным окончанием одного звена грызла. Прототипом этих удил могут быть удила с бронзовыми окончаниями звеньев грызла, известные в памятниках гуннского времени (16, табл.4, 12), которые, в отличие от более поздних, выше описанных, имеют только одно неподвижное кольцо.

Удила группы V характерны для комплексов VI – VII вв. мордовских могильников. Наиболее поздними из них из них могут быть удила VAI, VAV и VBI. Так удила VAI появляются во второй половине VII в. и доживают до X в.

Все *стремена* железные и подразделяются на отделы по форме петли для путлища, на типы – по строению подножки и контуру дужки.

Отдел А. Восьмерковидные – петля для путлища является продолжением дужки.

Тип I (10 экз.). Подножка выгнута, с ребром жесткости по центру, в плане овальная. Контур дужки круглый (рис.2, 4).

Тип II (7 экз.). Подножка прямая или вогнутая, с ребром жесткости или одним продольным валиком по центру, в плане прямая. Контур дужки арочный (рис.2, 5,6).

Отдел Б. Петля для путлища в виде прямоугольной пластины, отделенной от дужки перехватом.

Тип I (1 экз.). Подножка выгнута, с продольным валиком по центру, в плане овальная. Контур дужки арочный (рис.2, 8).

Тип II (2 экз.). Без подножки. Прут, из которого сделано стремя, в нижней части не расширяется. Контур дужки круглый или арочный (рис.2, 9,10).

Отдел В. С широкой, выступающей над дужкой петлей для путлища, не отделенной от нее перехватом.

Тип I (2 экз.). Подножка плоская, с тремя продольными валиками, в плане прямая. Контур дужки арочный (рис.2, 11).

Тип II (1 экз.). Подножка плоская, приклепана к дужке, в плане прямая. Контур дужки арочный (рис.2, 7).

Стремена АI и АII одни из самых ранних восточноевропейских стремян, имевших широкое распространение и ведущих свое происхождение от южносибирских форм VI в. (17, с.291), переживают все остальные древние типы, бытуя до начала XI в. (18, с.48). Основная масса восьмерковидных стремян из мордовских могильников происходит из погребений второй половины VII – VIII в. Стремена БI хронологически относятся к выделенному А.К. Амброзом, II аварскому периоду, и датируются рубежом VII – VIII вв. (19, с.84, рис.2, 2б). Стремена БII типологически близки стремянам БI, но не расширяющаяся подножка сближает их с более ранними формами. Видимо они являются наиболее древними из всех известных на сегодня мордовских стремян. Аналогии стремянам ВI имеются в Вознесенском погребальном комплексе конца VII – начала VIII в. (20, рис. 14, 18), схожие со стремянами ВII обнаружены в литовских могильниках IV – VIII вв. (21, с.442, табл.СХХIII, 29).

Интересным является вопрос о времени появления первых стремян у мордвы. Первые стремяна известны, в основной своей массе, по ранним комплексам средне-цнинских и II Старобадиковского могильников. Эти погребения не могут быть датированы уже, чем в пределах второй половины VII – первой половины VIII в. Но 2003 г. В Нижегородской области был обследован мордовский средневековый могильник у с. Лазазей. При раскопках в одном из захоронений было обнаружено восьмерковидное стремя АII (22, с.23, рис.1, 1). Сопутствующий инвентарь содержал костяную подпружную и бронзовые поясные пряжки, достоверно относящиеся к VII в. Таким образом, появление первых стремян у мордвы можно с уверенностью отнести ко времени не позднее второй половины VII в.

В состав *сбруйного набора* входят уздечные и подпружные пряжки, наконечники ремней, накладки, соединители ремней, решмы, подвески-фалары и уздечные бусы.

Пряжки по материалу изготовления делятся на группы, на отделы – по форме приспособления для присоединения пряжки с ремнем, типы выделяются по форме рамки.

Группа I. Железные. **Отдел А.** Без приспособления для соединения ремня с рамкой. Ремень охватывает часть рамки.

Тип I (4 экз.). Рамка трапецевидная (рис.2, 12).

Тип II (2 экз.). Рамка трапециевидная, округлая спереди, сдавленная с боков (рис.2, 13).

Тип III (4 экз.). Рамка круглая (рис.2, 14).

Тип IV (4 экз.). Рамка овальная (рис.2, 15).

Тип V (1 экз.). Рамка овальная, сдавленная с боков (рис.2, 16).

Тип VI (2 экз.). Рамка сегментовидная (рис.3, 1).

Группа II. Из цветного металла. **Отдел А.** Без приспособления для соединения ремня с рамкой. Ремень охватывает часть рамки.

Тип I (2 экз.). Рамка круглая (рис.3, 2).

Тип II (3 экз.). Рамка овальная (рис.3, 3).

Отдел Б. Ремень соединяется с пряжкой при помощи подвижного щитка.

Тип I (1 экз.). Рамка сегментовидная, щиток округлый (рис.3, 4).

Тип I (1 экз.). Рамка сегментовидная, щиток прямоугольный (рис.3, 5).

Отдел В. Ремень соединяется с пряжкой при помощи неподвижного щитка.

Тип I (1 экз.). Рамка трапециевидная, щиток овальный (рис.3, 6).

Селиксенский могильник п. 38.

Группа III. Костяные. **Отдел А.** Ремень соединяется с пряжкой с помощью предназначенного специально для этого отдельного отверстия.

Тип I (2 экз.). Трапециевидная пластина с одним овальным концом и боковыми вырезами. В овальном конце имеется Т-образное, в противоположном – вертикальное отверстие (рис.3, 7).

Пряжки, связанные со снаряжением коня, повторяли форму поясных. Особенно это касается бронзовых и серебряных уздечных пряжек. Пряжки ПА I в основной массе происходят из погребений III – V вв. Северного Кавказа и Поволжья (23, табл. I, 2). Пряжки ПА II распространенные в Крыму, на Кавказе и в Поволжье имеют широкий хронологический диапазон с III до VII вв. (23, табл. III, 2). Пряжки ПБ I и ПБ II являются очень распространенной формой в древнемордовских комплексах III в. Пряжки ПБ I, встреченные в могильниках Прикамья, датируются второй половиной VI – первой половиной VII вв. (24, рис. O, 2). Костяные подпружные пряжки с Т-образным вырезом для язычка известны в VI – VII вв. на Алтае (25, табл. XX, 37) и позднее VII в. не встречаются (10, с.77).

Наконечники украшали свободные концы ремней. Изготовлены из серебра и бронзы, делятся на отделы по способу крепления с ремнем и на типы по форме.

Отдел А. Шарнирные.

Тип I (3 экз.). Круглые с петлей, в которую вставлялся щиток в форме трезубца (рис.3, 10).

Тип II (1 экз.). Круглые с петлей, в которую вставлялся удлиненно-прямоугольный щиток со слегка вогнутыми сторонами, имеющий ребро жесткости по центральной оси (рис.3, 11).

Тип III (2 экз.). Арочные с петлей, в которую вставлялся удлиненно-прямоугольный щиток со слегка вогнутыми сторонами, имеющий ребро жесткости по центральной оси (рис.3, 12).

Тип IV (8 экз.). Прямоугольные с петлей, в которую вставлялся щиток с прямоугольной вершиной и отростком в виде вытянутого кверху ромба (рис. 3, 13).

Тип V (3 экз.). Удлиненно-прямоугольные с петлей, в которую вставлялась прямоугольная рамка (рис.3, 14).

Тип VI (4 экз.). Прямоугольные с петлей, в которую вставлялся круглый щиток (рис. 3, 15).

Отдел Б. Пластинчатые.

Тип I (1 экз.). С одним подтреугольным концом (рис.3, 16).

Тип II (1 экз.). Со скругленной нижней частью и продольным вырезом (рис.3, 17).

Тип III (1 экз.). С квадратной верхней частью и прямоугольной, скругленной на конце нижней (рис.3, 18).

Наконечники АII, АIII и БI из Усть-Узинского 2 могильника датируются позднесарматским временем (7, с.23, рис.1, 2,3, с.26, рис.2, 5). Наконечники АI, АIV, AV, AVI являются отдельными находками, вместе с удилами ПАII, предположительно с территории могильника Стексово II. Округлые и прямоугольные шарнирные наконечники как часть сбруи коня часто встречались в сарматских курганах III – IV вв. (26, с. 129. табл.II, 2,6).

Накладки изготовлены из бронзы или серебра, подразделяются на типы по форме.

Тип I (2 экз.). Квадратные (рис.3, 19).

Тип II (2 экз.). Прямоугольные, в виде коробочек, с валикообразным расширением внизу (рис.3, 20,21).

Тип III (1 экз.). Круглые (рис.3, 22)

Тип IV (4 экз.). Двучастные с округлой верхней частью и щитовидной нижней (рис.3, 23).

Накладки АI, АII и АIII, происходят из погребения 8 Селикса-Трофимовского могильника, которое датируется концом III – первой четвертью IV в. (27, с.29). Накладки АIV относятся к геральдическим, изготовление и распространение которых преобладает во второй половине VI – VII вв. (10, с.53).

Из *узdechных соединителей ремней* известен один, в виде бронзового кольца с четырьмя округлыми обоями-зажимами (рис. 3, 8).

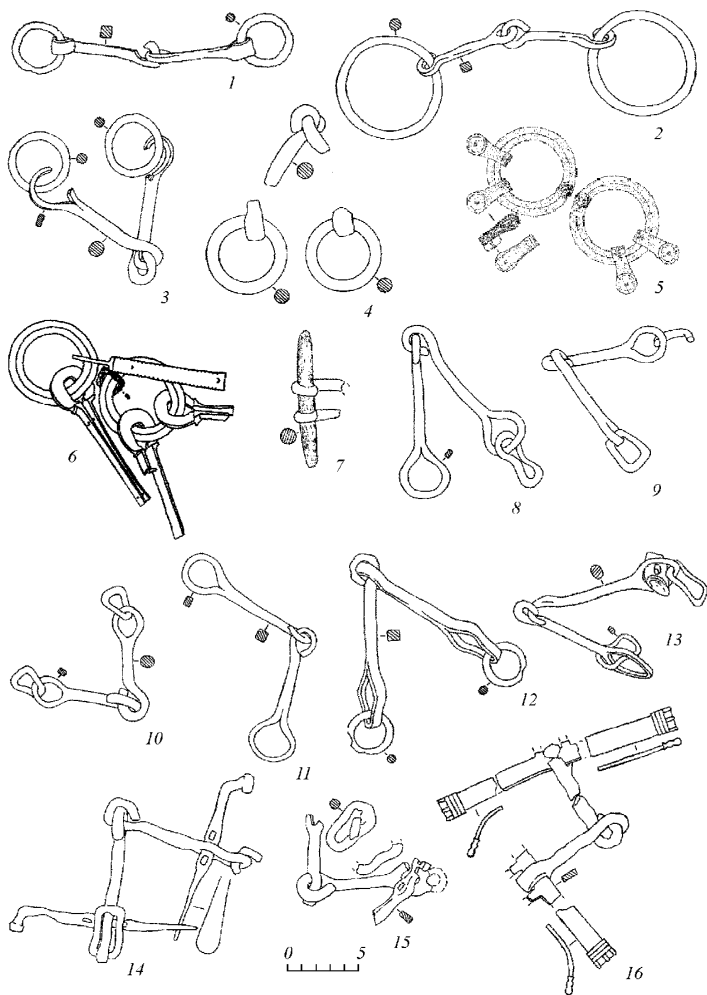

Рис. 1. Удила из мордовских могильников. 1 – Селиксенский, п.85; 2 – Селиксенский, п.99; 3 – Пановский, п.32; 4 – Шемышейский, п.3; 5 – Усть-Узинский 2, п.36; 6 – Стексово II, отдельная находка; 7 – Крюково-Кужновский, п.254; 8 – Волчихинский, п.70; 9 – Абрамовский, п.66; 10 – Абрамовский, п.213; 11 – I Журавкинский, отдельная находка; 12 – Старший Кужендеевский, п.2; 13 – Селиксенский, п.32; 14 – Абрамовский, п.243; 15 – Абрамовский, п.74; 16 – Абрамовский, п.141.

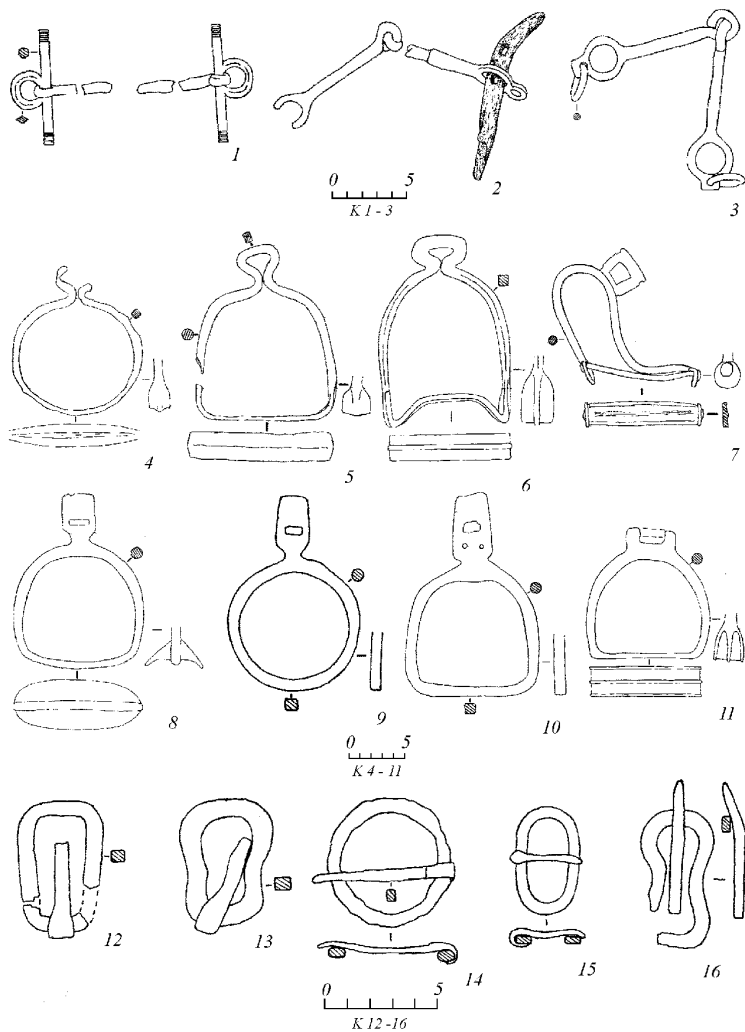

Рис. 2. Удила (1 – 3), стремена (4 – 11) и пряжки (12 – 16) из мордовских могильников. 1 – Абрамовский, п.206; 2 – Селиксенский, п.38; 3 – Старший Кужендеевский, п.4; 4 – Томниковский, п.VII(?); 5 – Заря I, п.16; 6 – Крюково-Кужновский, п.437; 7 – Заря I, отдельная находка; 8 – Серповский, п.?; 9, 10 – II Старобадиковский, п.2; 11 – Крюково-Кужновский, п.364; 12 – Абрамовский, п.33; 13 – II Старобадиковский, п.70; 14 – Селиксенский, п.85; 15 – Армиевский, п.206; 16 – Абрамовский, п.75.

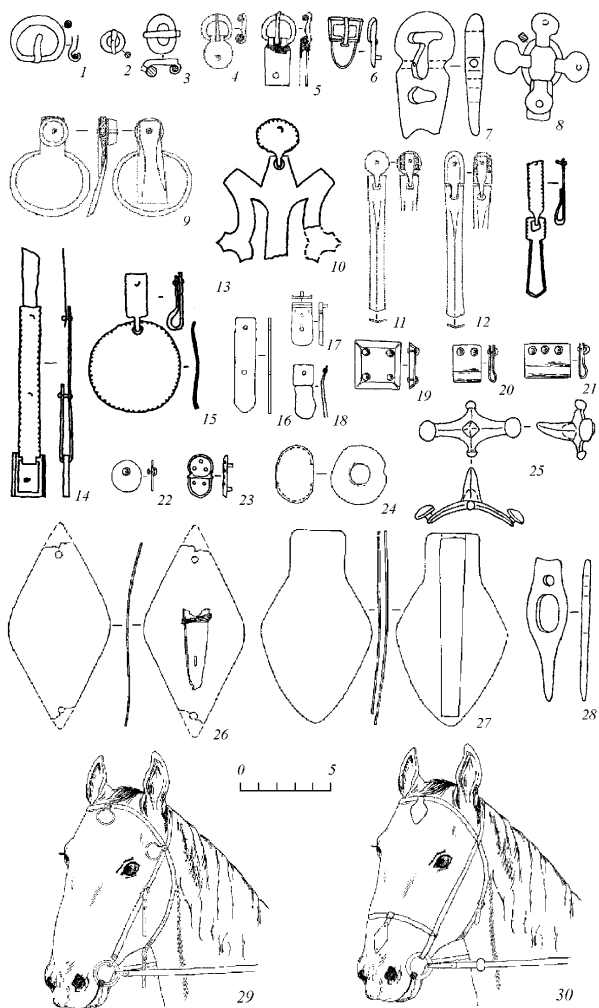

Рис. 3. Пряжки (1 – 7), подвеска-фалар (9), наконечники (10 – 18), накладки (19 – 23), уздечная бусина (24), шпора (25), решмы (26 – 27), блок для повода (28) из мордовских могильников. 1 – Селиксенский, п.91; 2 – Селиксенский, п.149; 3 – Абрамовский, п.71; 4, 9, 11, 12 – Усть-Узинский 2, п.36; 5, 16, 24, 26, 27 – Усть-Узинский 2, п.42; 6, 17 – Селиксенский, п.38; 7 – Селиксенский, п.28; 8 – Тезиковский, отдельная находка; 10, 13-15 – Стексово II (?), отдельные находки; 18, 23 – Селиксенский, п.32; 19-22 – Селикса-Трофимовский, п.8; 25 – Ражкинский, п.6-7, реконструкции оголовий из 2-го Усть-Узинского могильника. 29 – 2, п.36; 30 – п.42.

Решмы в виде свисающих блях как налобных и наносных украшений коня занимали центральное место в декоре оголовья. Для данного периода известно два экземпляра решм, происходящих из 42 погребения Усть-Узинского 2 могильника. Одна серебряная, ромбической формы (рис.3, 26). Вторая – железная подромбическая с прямоугольным выступом, в верхней части перегнутым в узкий пластинчатый зажим (рис.3, 27). Датируются они первой половиной III в. (7, с.28).

Бронзовые *подвески-фалары* найдены в трех экземплярах в погребении 36 Усть-Узинского 2 могильника. Представляют собой овальные бляхи с вальцованным под углом краем, имеют прямоугольный отросток, орнаментированный подцилиндрической бляшкой (рис.3, 9). Судя по останкам ремней, к которым фалары крепились с помощью пластинчатого зажима, они использовались не только в качестве подвесок украшений, но и соединителей ремней.

В погребении 42 Усть-Узинского 2 могильника находились две полые серебряные крупные *бусины* (рис.3, 24), характерные для первой половины III в. позднесарматских древностей (28, с.110).

Судя по всему, мордва в качестве оголовий обычно применяла простые ременные конструкции, лишь иногда украшенные небольшим количеством накладок. Но в то же время, в нашем распоряжении имеются уникальные для мордовских древностей, поддающиеся реконструкции, уздечные наборы из 36 и 42 погребений Усть-Узинского 2 могильника (рис.3, 29,30), относящиеся к III в. (7, с.28).

К другим предметам, связанным с верховым конем, относится костяной *блок для поводка*, в виде вытянутой плоской пластины, с одним заостренным концом и двумя отверстиями, из погребения 48 Селиксенского могильника (рис.3, 28). Такие костяные пластины встречались в алтайских могильниках VI – VII вв. (25, табл. XXII, 11). Кроме того, из погребения 6-7 Ражкинского могильника происходит бронзовая *шпора* (рис.3, 25) с коническим шипом и каплевидными зацепами, которая относится к позднеримскому периоду III – IV вв. (18, с.56, рис.34, 1).

Таким образом, период III – VII вв. отличается многообразием форм деталей конского убора, что, видимо, можно объяснить широкими и, в то же время, часто недолговременными, культурно-экономическими и политическими связями мордвы в бурную эпоху великого переселения народов. Вооруженным всадникам степи мордва была вынуждена противопоставить нечто подобное. Это заставляло приступить к исканию наиболее рациональных форм, прежде всего, удил, что приводит к многообразию их типов, в большинстве своем представлявших уже известные у кочевников конструкции или их улучшения.

Литература:

1. *Полесских М.Р.* Боевое оружие и снаряжение из могильников армиевского типа // СА. 1968. № 1.
2. *Абрамова М.П.* Сарматская культура II в. до н. э. – I в. н. э. // СА. 1959. № 1.
3. *Краснов Ю.А.* Безводнинский могильник: К истории Поволжья в эпоху раннего средневековья. М., 1980.
4. *Ефименко П.П.* Иваньковский и Гавердовский могильники древней мордвы // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1975. Вып. 48.
5. *Шитов В.Н.* Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В. Н. Глазова в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тысячелетия н. э. Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1988. Вып. 93.
6. *Шитов В.Н.* Отчет о работе Шокшинской археологической экспедиции в Мордовской АССР и Рязанской области в 1988 г. // Архив ИА РАН Р-1 № 12631.
7. *Гришаков В.В., Седышев О.В.* Позднесарматские уздечные наборы из Усть-узинского II могильника // Наследие М.Ф. Жиганова и перспективы исторических исследований в Мордовии. Саранск, 2006. Ч.2.
8. *Засецкая И.П.* О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья // СА. 1968. № 2.
9. *Абрамова М.П.* Ранние аланы Северного Кавказа III – V вв. н.э. М., 1997.
10. *Амброз А.К.* Хронология древностей Северного Кавказа, V – VII вв. М., 1989.
11. *Кулаков В.И.* Прусы (V – XIII вв.). М., 1994.
12. *Гей О.А., Бажан И.А.* Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.
13. *Дмитриев А.В.* Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979. №4.
14. *Ахмедов И.Р.* Из истории конского убора и предметов снаряжения всадника рязано-окских могильников // Археологические памятники среднего Поочья. Рязань, 1995. Вып. 4.
15. *Арсланова Ф.Х.* Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.
16. *Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб., 1994.
17. *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири // МИА. 1949. № 9.

18. *Кирпичников А.Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX – XIII вв. // САИ. 1973. Вып. Е 1 — 36.
19. *Амброз А.К.* Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV – VIII вв.) // СА. 1973. № 4.
20. *Амброз А.К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. II. // СА. 1971. №3.
21. Археология СССР в 20-ти томах. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.
22. *Грибов Н.Н.* Могильник в с. Лазазей в Нижегородской области // Историко-культурное развитие народов Среднего Поволжья: традиции и инновации: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. Саранск, 2004.
23. *Ковалевская В.Б.* Поясные наборы Евразии IV – IX вв. Пряжки // САИ. 1979. Вып. Е 1 — 2.
24. *Генинг В.В.* Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА АН СССР. 1979. Вып. 158.
25. *Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л., 1965.
26. *Сальников К.В.* Сарматские курганы близ г. Орска // МИА. 1940. № 1.
27. *Гришаков В.В., Седышев О.В.* Клинковое оружие сарматского типа в древнемордовских могильниках // Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии и права. Саранск, 2007. Вып. 1.
28. *Безуглов С.И.* Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА.1988. №4.

О.В. Мясникова (Пенза)

**ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ОБРЯДА СКОРЧЕННЫХ
ЗАХОРОНЕНИЙ СТАРОДЕВИЧЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА
(по материалам раскопок 1987-1990 гг.)**

Обряд скорченности появился у мордвы в конце I – начале II тысячелетия н. э. Единичные погребения появляются в VIII в., наиболее устойчивым обряд становится в XI – XIV вв., а после XIV в. погребения со скорченными костяками совсем исчезают.

Для этих захоронений характерно положение умерших с подогнутыми ногами, в так называемом «скорченном положении».

В период наибольшего распространения обряда скорченности, т. е. в XI – XIV вв. функционировал Стародевиченский могильник. Он был обнаружен в 1986 г. во время разведочной экспедиции на-

учно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. Могильник расположен в 1,4 км к ЮЮЗ от села Старое Девичье Ельниковского района Мордовии и 0,3 км к западу от Стародевиченского городища. Памятник расположен на берегу большого оврага по обе стороны небольшого ручья. Высота площадки от уровня дна оврага – 12 м. Значительная часть могильника разрушена оползнем, многолетними распашками, хозяйственными постройками, грабительскими ямами и норами грызунов (*Петербургский и др., 1990, с. 64; Петербургский, Первушкин, 1992, с. 69*).

На территории Стародевиченского могильника было обнаружено 14 погребений со скорченными костяками: 13 одиночных и 1 коллективное (в нем были захоронены сразу 3 скорченных костяка) (табл. I-II).

В восьми случаях могильные ямы имели подпрямоугольную форму. О форме остальных погребальных ям ничего сказать нельзя, так как не удалось проследить их очертания. Длина погребений колеблется от 210 до 263 см (погр. 7, 17, 24, 25, 27, 40, 77, 129, 134). Длина погребальных ям погр. 10 и 66 чуть меньше и составляет соответственно 175 и 138 см. Ширина всех ям изменяется от 60 до 80 см. В погр. 7, 10, 17, 24, 25, 27, 40, 66 глубина небольшая и составляет 3 – 28 см, а в погр. 77, 129, 134 она гораздо больше и равна 57 – 61 см.

В пяти случаях погребальные ямы со скорченными костяками были ориентированны по линии ССЗ-ЮЮВ (погр. 7, 10, 17, 40, 129) и С-Ю (погр. 24, 27, 66, 77, 134). И только одна могильная яма была ориентированна по линии ССВ-ЮЮЗ. Ориентировка двух погребений не прослеживается.

Основную массу костяков, захороненных по обряду скорченности, можно отнести к женским. Захоронение 129 является коллективным. В нем было захоронено сразу три костяка. Половую принадлежность и возраст покойного из погр. 25 определить не удалось, так как при нем не обнаружено никаких вещей.

Все погребенные лежали на правом боку. Ни в одном из погребений кости рук не сохранились, поэтому положение их определить не возможно. У трех усопших кости ног были согнуты сильно (угол сгиба в тазобедренном суставе меньше 90°), еще у четырех – нижние конечности были согнуты слабо. В погр. 7 у покойного одна нога была согнута сильнее, а другая слабее. Угол сгиба в тазобедренном суставе в семи случаях установить не удалось. В погр. 27, 31, 76, 129 череп лежал на правом виске. В остальных захоронениях череп не сохранился.

В скорченных захоронениях Стародевиченского могильника восемь погребенных были ориентированны головой на ЮЮВ, шесть – на Ю и один – на ЮЗ. В двух могильных ямах была обнаружена лубяная подстилка. В п. 27, 77 на дне прослежены остатки дерева от гробовины.

Инвентарь в скорченных захоронениях, как правило, располагался в порядке ношения (6 погребений), либо был разбросан в беспорядке по всему дну ямы – 3 погребения. В одном погребении инвентарь был положен кучкой в центре могильной ямы. Два захоронения содержали лишь по одному предмету.

Среди наиболее часто встречаемых вещей в погребениях со скорченными костяками Стародевиченского могильника можно назвать бусы, наконечник, скульгамы, пряслице, кольцо. Чуть реже попадает браслет. Стоит отметить наличие кресала в трех погребениях (погр. 17, 76, 129) и ножа в двух (погр. 7, 31). В погр. 31 была обнаружена пряжка.

В трех погребениях было найдено два горшка и гончарный орнаментированный сосуд, располагавшиеся в ногах. В погр. 77 в головах находился лепной сосуд баночной формы. Также в ССЗ конце погр. 129 был обнаружен сосуд горшковидной формы. Отдельные фрагменты лепной керамики были выявлены на дне в погр. 76 и обломок горшка в погр. 17.

Таким образом, 12 (17,6%) из 68 женских костяков были расположены в скорченном положении. В остальных случаях, там, где костяк сохранился, погребенные лежали вытянуто на спине.

Все погребальные ямы со скорченными костяками, кроме погр. 25, ориентированы по тем же линиям, что и остальные, то есть по линии С-Ю, ССЗ-ЮЮВ. Соответственно и покойные ориентированы головой на Ю, ЮЮВ. Основная форма погребальных ям Стародевиченского могильника – подпрямоугольная.

Инвентарь на Стародевиченском могильнике лежит на дне в основном в порядке ношения. Этот же способ расположения инвентаря преобладает и в погребениях со скорченными костяками. В виду того, что 14 костяков относятся к женским, то при них находятся вещи, свойственные женским захоронениям: пряслице, бусы, кольца, наконечники, браслеты и пр.

Как видно из проведенного исследования, элементы погребального обряда со скорченными костяками не имеют особых отличий от других обрядов погребения. Привнесение этого обряда извне, повлекло бы за собой изменение внешней атрибутики. Видимо, появление обряда скорченности у мордвы обусловлено изменениями внутри общества.

**Таблица I. Распределение ритуальных обрядов
на Стародевиченском могильнике**

Всего погребений	Труположения		Неопределенные
	Вытянуто на спине	Скорченно	
134	116 (86,6%)	13 (9,7)	20 (14,9%)

Таблица II. Распределение погребений с обрядом скорченного захоронения в Стародевиченском могильнике

№ погребения	Одиночные погребения	Коллективные погребения
П. 7, 10, 17, 24, 25, 27, 31, 40, 66, 76, 77, 129, 134	П. 7, 10, 17, 24, 25, 27, 31, 40, 66, 76, 77, 134	П. 129

Таблица III. Ориентировка могильных ям погребений со скорченными захоронениями

С-Ю	ССЗ-ЮЮВ	ССВ-ЮЮЗ	Нет данных
П. 24, 27, 66, 77, 134	П. 7, 10, 17, 40, 129	П. 25	П. 31, 76

Таблица IV. Размеры могильной ямы в погребениях с обрядом скорченного захоронения

№ погр.	7	10	17	24	25	27	31	40	66	76	77	129	134
	Измерения												
Длина (см)	220	175	245	228	210	226	-	263	138	-	235	245	223
Ширина (см)	70	80	85	75	65	70	-	73	68	-	75	65	60
Глубина (см)	8	17	28	9	3	13	-	18	10	-	60	61	57

Таблица V. Расположение погребенных в скорченных захоронениях

Расположение на правом боку						
Положение рук	Положение ног			Положение головы		
Неопред.	Кости ног согнуты сильно	Кости ног согнуты слабо	Одна нога согнута сильнее, а другая слабее	Неопред.	Череп на правом виске	Неопред.
П. 7, 10, 17, 24, 25, 27, 31, 40, 66, 76, 77, 129, 134	П. 25, 31, 129(2)	П. 24, 40, 77, 129(1)	П. 7	П. 10, 17, 27, 66, 76, 129(3), 134	П. 27, 31, 76, 129(1), 129(2), 129(3)	П. 7, 10, 17, 24, 25, 40, 66, 77, 134

**Таблица VI. Ориентировка погребенных в могилах
с обрядом скорченного захоронения**

ЮЮВ	Ю	ЮЮЗ
П. 7, 10, 17, 40, 76, 129(1), 129(2), 129(3)	П. 24, 27, 31, 66, 77, 134	П. 25

**Таблица V. Пол и возраст погребенных
в скорченных захоронениях**

Женское	Неопределенное
П. 7, 10, 17, 24, 27, 31, 40, 66, 76, 77, 129(1), 129(2), 129(3), 134	П. 25

**Таблица VI. Виды подстилок в погребениях
с обрядом скорченного захоронения**

Луб	Грбовище
П. 40, 129	П. 27, 77

**Таблица VII. Способ расположения инвентаря
в скорченных погребениях**

В порядке ношения	Кучкой в центре	Разбросаны в беспорядке	1 предмет	Безинвентар.
П. 7, 24, 27, 76, 77, 129	П. 66	П. 10, 17, 31	П. 40, 134,	П. 25

**Таблица VIII. Наличие инвентаря в женских погребениях
с обрядом скорченного захоронения**

1	2	3	4	5	6	7	8	9
П. 17, 76, 129	П. 7, 31	П. 17, 27, 31, 40, 76, 77, 129	П. 7, 10, 24, 27, 31, 76, 129, 134	П. 10, 17, 27, 31, 76, 129	П. 7, 10, 24, 27, 31, 40, 76, 129	П. 10, 76, 129	П. 31	П. 7, 10, 17, 24, 27, 31, 40, 76, 77, 129

1 – кресало (кремь), 2 – нож, 3 – пряслице, 4 – бусы (бисер), 5 – кольцо (перстень), 6 – наконик, 7 – браслет, 8 – пряжки, 9 – сюльгама

**Таблица IX. Посуда в погребениях
с обрядом скорченного захоронения**

Глиняная		
В голове	В ногах	В ССЗ конце мог. ямы
П. 77	П. 7, 40, 134	П. 129

**Таблица X. Керамика в погребениях
с обрядом скорченного захоронения**

Один фрагмент	Несколько фрагментов
В заполнении	На дне
П. 17	П. 76

Литература:

Петербургский И.М., Аксенова Т.В., Гришаков В.В., Первушкин В.И. Стародевиченский могильник. // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. Саранск, 1990, стр. 64-99.

Петербургский И.М., Первушкин В.И. Стародевиченский могильник (раскопки 1989 – 1990 гг.). // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Саранск, 1992, стр. 69-104.

Е.К. Космарова (Пенза)

**СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ
ФУРНИТУРЫ НАРОДОВ ВЕРХНЕГО ПОСУРЬЯ (VIII – XIII ВВ.)**

При знакомстве с коллекциями древних памятников особое внимание привлекают, прежде всего, ювелирные изделия. Это и изящные, с тончайшими деталями, ажурные привески, и массивные ожерелья, состоящие из множества деталей, и мелкие, но изящные пуговицы. Одной из интереснейших категорий инвентаря, требующих подробного изучения, является металлическая фурнитура.

Фурнитура – вспомогательный материал, приклад, необходимый в производстве, ремесле (например, при шитье обуви – застёжки, пряжки) (*Ожегов, 1990. С. 856*). Исходя из определения фурнитуры, можно говорить о её чисто практической функции. Но нельзя также забывать, что костюм средневекового жителя как в целом, так и в частности, нес определенную смысловую нагрузку, а значит каждая деталь в нем (от браслета до пуговицы) выполняла свою конкретную функцию. Фурнитура являясь дополнительной частью костюма, служила своеобразным оберегом.

В качестве объектов изучения в работе выступают: пряжки, пуговицы, пронизки, бляхи, сюлгамы-застежки, одежные крючки, ременные обоймы.

Пуговицы сделаны из бронзы или оловянисто-свинцового сплава и относятся к разряду пуговиц – привесок. По общей форме можно выделить: каплевидные, шаровидные, грушевидные и биконические. Многие из них имеют орнамент (насечки, «елочка», концентрические круги и др.).

Сюлгамы-застежки являются одной из самых многочисленных категорий инвентаря. Материалом для их изготовления служили бронза, железо, серебро. Сюлгамы представляют собой кольцо с язычком и отходящими от него концами в виде трубочки или лопасти. Сюлгамы имели не только утилитарное значение, т.е. являлись застежками одежды, но и выступали в качестве украшения. Находки сюлгам на груди скелета в погребениях позволяет сделать вывод, что они, вероятно, закалывали полы или ворот одежды. По форме концов можно выделить следующие виды сюлгам: «усатые», лопастные, кольцевые. Их декоративное оформление отличается большим многообразием.

Поясные пряжки служили для застегивания ремня или пояса. По технике изготовления и своим декоративным качествам они не уступали дорогим ювелирным изделиям. Материалом для их изготовления служили железо и бронза. Можно выделить следующие виды пряжек: лировидные, восьмеркообразные, четырехугольные, фигурные и др.

Нашивные бляхи служили, прежде всего, украшением пояса. По форме выделяются такие бляхи как: круглые, квадратные, полукруглые.

Одежные крючки, вероятнее всего, использовались как элементы ременной гарнитуры. Они выполняли, прежде всего, практическую функцию, но благодаря своим декоративным качествам служили и украшением пояса.

К пронизкам относятся предметы, имеющие сквозные отверстия для нанизывания вещи на ремешок. Они являются обычно составным элементом пронизей, на концах которых крепились шумящие подвески. Эти предметы использовались для украшения груди и пояса.

Ременные обоймы имели, прежде всего, функциональное назначение. Они являлись дополнительной деталью пояса и с их помощью к ремню крепились различные украшения (шумящие привески и др.). Обоймы с отверстиями могли служить для привешивания дополнительных ремешков к поясу.

Основываясь на этнографических данных, можно говорить о том, что костном является по своей сути набором разного рода оберегов. Такой факт обычно связывается с мировоззрением средневековых жителей. Постоянная борьба со стихийными бедствиями, необходимость в защите от болезней заставляли людей искать защиту от этих сил. Трудно не согласиться с Н.И. Гаген-Торн, которая отметила, что «возникновение стиля одежды и украшений – это не случайная мода, а творческий акт, имеющий свой закономерный внутренний смысл» (Никитина, 2002. С. 89)

Рассматривая украшения девушек и женщин, вникая в их символику, убеждаешься, что они играли особую роль в жизни средневеко-

вых жителей. Ювелирные изделия не только указывали на социальный статус и положение в обществе, но и, как правило, предназначались тому или иному божеству. Охранительное значение украшений состоит в защите человека от сглаза и порчи. Как правило, в наибольшей опеке нуждались девушки и женщины, что подтверждается обилием декоративных элементов в женском костюме. Известен и такой факт, что женщина и сама связана с нечистой силой и может нанести вред окружающим, а потому украшения являются своеобразной преградой, защищающей остальных людей от ее вредного воздействия (*Крыласова, 2007. С. 275*)

Кроме того, следует отметить, что охранительное значение нес и материал, из которого изготовлялась фурнитура. Большая часть изделий сделана из бронзы. Вероятно, золотистая бронза должна была содействовать восприятию самих украшений как символов солнца. Фурнитура, являясь дополнительной деталью одежды, так же, как и любая другая составная часть костюма служила своеобразным оберегом. Виды фурнитуры подразделяются на три группы в зависимости от их расположения на костюме, функционального назначения и магического значения:

1. Застежки одежды (сюлгамы и пуговицы). На костюме они располагались, как правило, у ворота или полов одежды. Их практическая функция состояла в застегивании одежды.
2. Поясные детали. Располагались на поясе. В эту группу вошли бляхи, пряжки, ременные обоймы, одежные (поясные) крючки. Они служили для застегивания или затягивания ремня.
3. Составные части украшений (пронизки).

Застежки одежды

Сюлгамы-застежки представляют собой кольцо с язычком и отходящими от него концами в виде трубочки или лопасти. Они служили для закалывания ворота или полов одежды. Как указывает Б.А.Рыбаков, обилие символических украшений – оберегов около ворота одежды и на шее объясняется тем, что здесь наименее защищенная часть тела. Само тело покрыто, а значит, охраняется, одеждой, а шея остается открытой, поэтому к ней применялась заклинательная символика (*Рыбаков, 1987. С. 520*).

«Голова, лицо и сердце – пишет Б.А.Рыбаков, являются главной сущностью человека – здесь сосредоточено все важнейшее: и центр жизнедеятельности (сердце) и все средства познания мира человеком: органы зрения, слуха, вкуса, обоняния» (*Рыбаков, 1987. С. 533*).

Сюлгама, таким образом, защищала шею и сердце человека. Сюлгамы имели круглую форму, а любой круглый предмет, по представлени-

ям древних является талисманом, амулетом-оберегом, символом магической защиты. «Окольцованный» таким талисманом находился под его защитой, и сам мог осуществлять защиту (Оятева, 2003. С. 92).

Отдельного внимания заслуживает оформление концов сюлгамы. Лопасты подтреугольной формы могли также нести свой смысл (рис. 1, 2-3). Знак треугольника известен в изобразительном искусстве с эпохи неолита и обозначает вечность (Оятева, 2003. С. 71). Кроме того, ряд сюлгам орнаментирован. Вероятно, декоративное оформление застежек должно было усиливать их магическое значение. Точечный орнамент на одной из сюлгам (рис. 1, 4), по-видимому, символизировал землю, которая была знаком плодovitости и радости (Шейнина, 2006. С. 52-53). В орнаментах земля представлялась разными фигурами, но всегда оплодотворенная зерном (как правило, в виде точек) (Шейнина, 2006. С. 50-51). Встречаются также сюлгамы (рис. 1, 1) украшенные ломаной линией. По всей видимости, подобный орнамент олицетворял дождь. Так, многие древнерусские браслеты имеют рисунок в виде динамических, вертикальных линий (зигзаги, волнообразность и т.д.), которые символизировали одну из самых важных природных сил – дождь, небесную воду.

Таким образом, сюлгамы несли определенное магическое значение. Они служили своеобразным оберегом и были призваны защитить его владельца от влияния нечистой силы.

Пуговицы-привески имели, прежде всего, практическую сторону — служили застежками для одежды. Кроме того, пуговицы должны были нести охранительное значение, так как являлись своеобразной преградой для негативных воздействий извне. Пуговицы-привески в форме капли (рис. 1, 5-6), вероятно, можно олицетворять с дождем, который в те времена был Божьей благодатью (Шейнина, 2006. С. 50-51). Следует отметить, что сам способ ношения застежек в качестве привесок имел, по-видимому, свое значение, так как таким образом создавался определенный звуковой эффект. Это также было направлено на отпугивание нечистой силы. Орнамент в виде насечек в нижней части одной из пуговиц (рис. 1, 8) напоминает лучи, отходящие от центра. По всей видимости, подобный рисунок, который часто присутствует в мотивах древнерусских вышивок, был солярным знаком. Солнце было символом всемогущества и особого покровительства (Шейнина, 2006. С. 56-57). Пуговицы биконической формы (рис. 1, 7) несут в себе идею круга. Такой знак был символом единства и бесконечности, абсолюта и совершенства (Шейнина, 2006. С. 31). Круг, как уже было отмечено, является талисманом, амулетом-оберегом. Пуговицы, таким образом, должны были защищать внутренний мир человека от воздействия внешних сил.

Таким образом, застежки одежды имели важное охранительное значение. Располагаясь возле ворота или полов одежды, то есть в самых уязвимых местах, они призваны были защитить своего владельца от проникновения нечистой силы. Пуговицы и шюлгамы как бы «закрывали» возможность проникновений извне во внутренний мир человека. Магическое значение застежек достигалось, прежде всего, за счет декоративного оформления и самой формы предмета.

Поясные детали

Пряжки отличаются большим разнообразием форм и своим декоративным оформлением. Они служили для застегивания ремня. Следует отметить, что пояс сам по себе должен был нести охранительное значение. Это связано с идеей круга. Ремень, опоясывая живот, который по представлениям древних нуждался в особой защите, являлся магическим талисманом и охранял своего владельца от сглаза и порчи. Владеющий таким талисманом, кроме того, и сам мог нести защиту (Ояева, 2003. С. 92).

Известен также тот факт, что количество различных украшений на ремне мужчины, и, по-видимому, металл, из которого оно изготовлено, указывали на социальное положение его владельца (Богачев, 1998. С. 52). Такое поверье свойственно для кочевых народов, но встречается и у оседлых. Рамчатые круглые пряжки (рис. I, 9) связаны с идеей круга, символа единства и бесконечности. Пряжки квадратной и прямоугольной формы (рис. I, 11-12), по-видимому, связаны с идеей мужского начала. Квадрат был символом мужской силы (Шейнина, 2006. С. 208-209). Подобная форма пряжки является вполне закономерной, так как ее носителем выступал мужчина, который был защитником, отцом и покровителем. Квадрат по древним поверьям также был символом земли. Изделия лировидной формы с трилистником на передней части или лилиевидным завершением (рис. I, 13) несли свое магическое значение. Подобный символ фигурирует как символ благой вести. С проникновением христианских идей тройная лилия представляла Троицу. Существует версия о происхождении этого символа от орнаментального обобщения пчелы (Шейнина, 2006. С. 152-153). Одна из пряжек (рис. I, 14) по своему внешнему виду напоминает голову ящера. Образ ящера или змея в средневековой Восточной Европе является символом подземного мира и предметом поклонения у некоторых народов (Винничек, 2003. С. 25). Фигурные пряжки (рис. I, 15) круглой формы несут в себе идею единства и бесконечности. Кроме того, пряжка с отходящим от нее «лучами» (рис. I, 16) связана с идеей солнца.

Бляхи относятся к разряду нашивных. Они использовались в качестве украшений пояса и также как и пряжки несли в себе идею защи-

ты живота. Круглые бляхи (рис. I, 17) связаны с идеей круга, символа единства. Поверхность подобных блях отполирована до блеска, что по всей вероятности говорит об их олицетворении с солнцем. Бляха, отражающая лучи солнца, несла особое символическое значение. Солнце является символом всемогущества, а потому владелец такого талисмана не только оберегал себя от нечистой силы и сглаза, но и сам являлся защитником. Бляха квадратной формы украшенная по углам полукруглыми полосками из насечек и кругом из точек в центре (рис. I, 18) несет в себе идею земли (квадратная форма). Кроме того, бляшка имеет круг из точек в центре. Как уже было отмечено, точечный орнамент, по-видимому, символизировал землю, которая была знаком плодovitости и радости. В орнаментах земля представлялась разными фигурами, но всегда оплодотворенная зерном (как правило, в виде точек).

Ременные обоймы использовались для привешивания дополнительных деталей на ремень. Наиболее интересной является бронзовая обойма из тонкой пластины, оформленной по краям рядами мелких выпуклин (рис. I, 19). По-видимому, ее символическое значение связано с идеей земли, оплодотворенной зерном. Одна из обойм имеет ромбовидную форму (рис. I, 20). Четырехконечный предмет был символом путеводности – света во мраке ночи (*Шейнина, 2006. С. 10-11*).

Такое значение, по-видимому, должно было защищать своего владельца в дороге, что особенно важно для мужчины – добытчика и воина.

Одежные крючки служили для стягивания ремня, и являлись, таким образом, преградой для проникновения сил извне. Крючок с зигзагообразным орнаментом (рис. I, 21), по всей видимости, связан с идеей дождя. Как уже было отмечено, рисунок в виде динамических, вертикальных линий (зигзаги, волнообразность и т.д.), символизировали одну из самых важных природных сил – дождь, небесную воду.

Таким образом, поясные детали несли важное магическое значение. Ремень, опоясывая живот, который по представлениям древних нуждался в особой защите, являлся магическим талисманом и охранял своего владельца от сглаза и порчи. Владеющий таким талисманом и сам мог нести защиту. Так как пояс был символом мужского достоинства, то и магическое значение его было иным, нежели у застежек одежды. Оно заключалось, прежде всего, в охране мужской силы, способной противостоять внешним факторам. В орнаментальных мотивах это отражалось в наличии особых символов. Кроме того, наличие большого количества дополнительных деталей и украшений на поясе мужчины свидетельствовало о социальном статусе владельца.

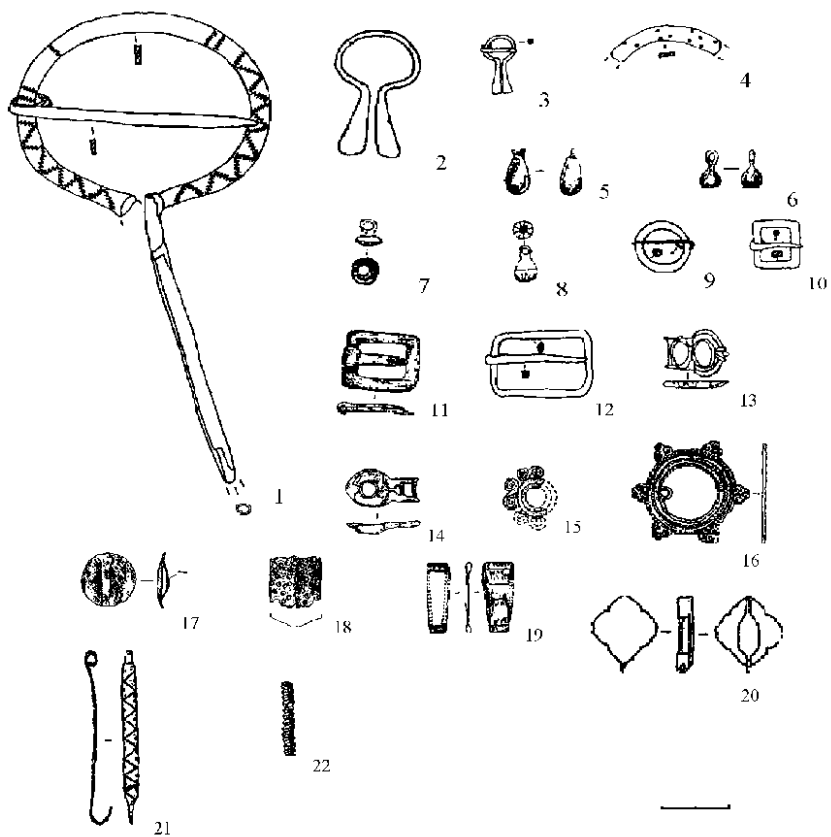

Рис. 1. Металлическая фурнитура VIII-XIII вв.

- 1 - Сундоровское городище,
 2, 3, 5, 6, 15-18, 22 - Золотаревское поселение,
 4 - Степановское I селище, 7, 9, 20 — Мордовско-Ишимское поселение,
 8, 10, 12-14, 19, 21 - Васильевское селище,
 11 - Армянский курганно-грунтовой могильник.

Составные части украшений

В эту группу вошли *пронизки*, которые являются обычно составным элементом пронизей, на концах которых крепились шумящие подвески. Эти предметы использовались для украшения груди и пояса. Живот и грудь являлись особо значимыми местами на теле человека, а значит, нуждались в особой защите. Этим объясняется обилие различных украшений на груди и в области живота. Спиралевидные пронизки (рис. 1, 22) воплощают идею одухотворенности круга (*Шейнина, 2006. С. 36-37*). Следует отметить, что охранительное значение несло украшение в целом, и пронизки, являющиеся его составным элементом, призваны были усилить его магическое значение.

Таким образом, рассматривая символическое значение металлической фурнитуры, убеждаешься в том, что в костюме средневекового жителя не было случайных предметов. Каждая деталь призвана была усилить магическую функцию набора украшений.

Литература:

1. *Богачев А.В.* Кочевники лесостепного Поволжья V-VIII вв. Самара, 1998. С. 52.
2. *Винничек В.А.* Изображения змея (ящера) на предметах домонгольских памятников Верхнего Посурья и Примокшанья // Записки краеведов. Пенза, 2003. Вып. 1. С. 25.
3. *Крыласова Н.Б.* Материальная культура и быт средневекового населения Пермского Предуралья // Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. С-Пб., 2007. С. 275.
4. *Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола, 2002. С. 89.
5. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1990. С. 856.
6. *Оятева Е.И.* Искусство Прикамья. Пермь, 2003. С. 92.
7. *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 520.
8. *Шейнина Е.Я.* Энциклопедия символов. М., 2006. С. 52-53.

С.В. Краснов (Пенза)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА 1-ГО АРМИЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА (по материалам раскопок 1926 и 1927 гг.)

Первый Армиевский могильник находится в бывшем Кузнецком уезде Саратовской губернии, в 5 км к Ю-З от с. Армиева, близ леса, у реки Мозаево. В 2 км от могильника к С-В расположено городище № 1, а между этим городищем и могильником сохранились остатки селища.

Местность, где был открыт профессором П.С. Рыковым, в 1926 году, а в следующем раскопан могильник, носит название Чанджау-латки и представляет собой большой овраг, идущий в направлении, перпендикулярном речке (*Рыков, 1930*). Экспедиция, работавшая под руководством Рыкова за два года исследований вскрыто 128 погребений (рис 1.)

Из 128 погребений нами было рассмотрено 48, в которых отсутствовали костяки, что составляет 37,5. Какие либо наземные сооружения на данном могильнике отсутствуют. Ориентировка могильных ям: все могилы ориентированы по линии С-Ю. Могильные ямы имеют подпрямоугольную форму. Их размеры колеблются от 80 до 260 см в длину, от 40 до 85 см в ширину, и от 10 до 160 см. в глубину. Внутримогильные конструкции отсутствуют.

Поскольку мы рассматриваем только те погребения, где костяки отсутствуют говорить об ориентировке погребенных, нельзя. Тем не менее, основываясь на положении инвентаря можно предположить, как могли находиться погребенные в момент захоронения (в случае наличия таковых).

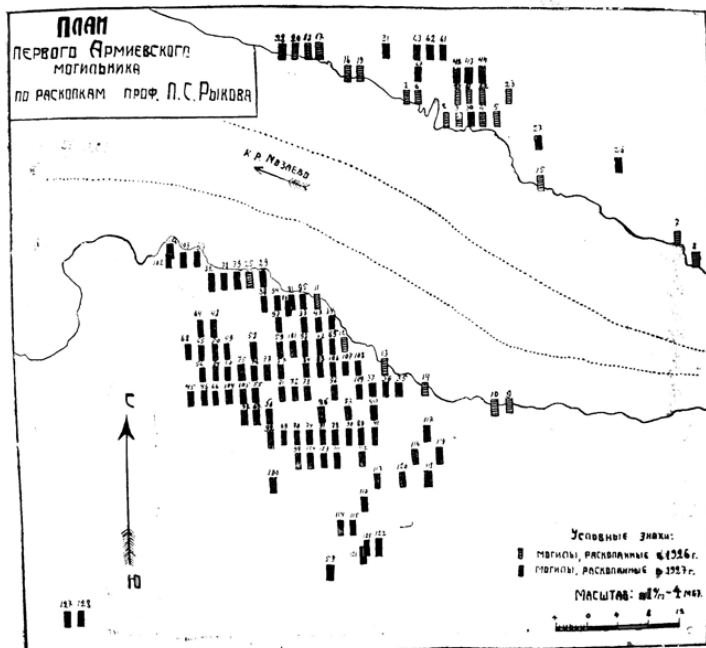
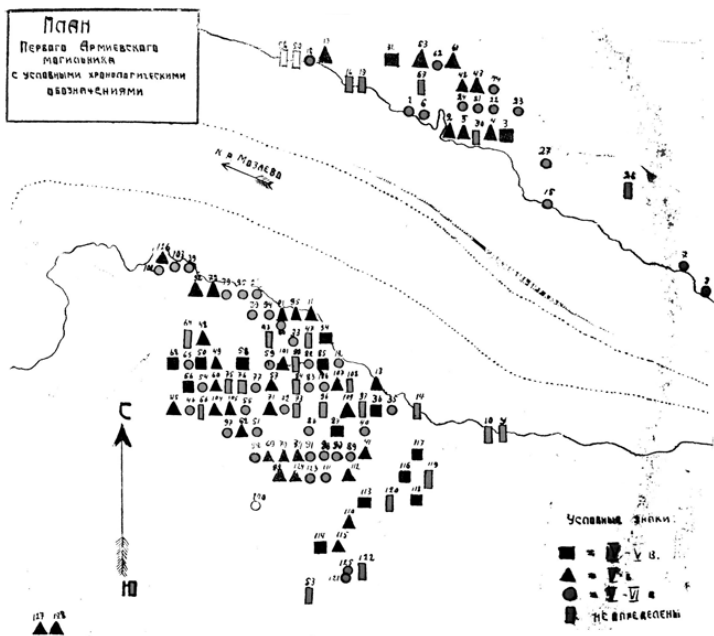
По данным расположения инвентаря можно сказать о том, что все погребенные были ориентированы головой в южном направлении. Это подтверждает единая ориентация погребенных во всех захоронениях могильника, за исключением покойника из могилы 8, где костяк лежит головой к С-В и, по-видимому, детского костяка из могилы 92, где он лежит головой на Ю-З. Преобладание южной ориентировки позволяет предположить, что данный могильник принадлежит мордве-мокше.

На наш взгляд, погребения Армиевского могильника не содержащие костяков являются кенотафами. В пользу этого говорит наличие инвентаря в 26 случаях из 48 расположенного в порядке ношения. Также наличие почти во всех погребениях следов угля, а в некоторых и остатков кострищ, говорящих, по-видимому, о наличии поминальной тризны.

В условно мужских погребениях имеются женские предметы. Аналогичные находки имеются также в Подболотьевском могильнике. Это говорит о наличии так называемых жертв со стороны вдов, отмечавших положением в могилу мужа предметов своего наряда свою печаль о нем. Своего рода пережиток воззрения о том, что вдова должна следовать в загробный мир за умершим супругом.

Могилы без костяков находятся достаточно компактными группами, поэтому версия о том, что кости не сохранились из-за влажности почвы ставится под сомнение. Ведь если почва влажная, то влажная везде, а не небольшими локальными зонами.

Подводя итог выше сказанному, можно сделать предположение, что погребения без костяков — кенотафы. Однако однозначно сделать такой вывод нельзя, поскольку отсутствует точная методология определения погребений-кенотафов.

Литература:

Рыков П. Культура древних финнов в районе р.Узы. Саратов. 1930.

Сводная таблица данных Армиевского могильника

№ могилы	Длина (м)	Ширина (м)	Глубина (м)	Инвентарь	Порядок расположения инвентаря в погребении
7	1,70	0,70	1,15	Глиняный горшок, нож, пряжки.	В порядке ношения
21	2,20	0,60	0,80	Бусы, пряслице, глиняный горшок	В порядке ношения
22	2,10	0,65	0,90	Пряжки, нож, глиняный горшок	В порядке ношения
25	2,40	0,72	1	Наконечник копья, пряжка, нож, глиняный горшок	В порядке ношения
29	-	0,60	1,10	Железная пряжка, глиняный горшок	Разбросано по дну
33	2,20	0,70	1,57	Наконечник копья, ременные обоймы, пряжка, меч, глиняный горшок, удила	В порядке ношения
34	2	0,70	1,30	Глиняный горшок, топор,	Разбросаны по дну
35	2,50	0,55	1,40	Глиняный горшок, кольцо, пряжки, поясные обоймы, удила,	В порядке ношения
36	2,60	0,80	1,40	Бусы, подвеска, височные привески, шейная гривна	В порядке ношения
37	1,70	0,45	1,10	-	-
38	1,50	0,70	1	Нож, ремень,	В порядке ношения
39	1,60	0,60	-	Нож, пряжка, глиняный горшок	
41	1,90	0,85	1,30	Бусы,	В порядке ношения
46	2,25	0,70	1	Шейные гривны, бусы, височные привески, перстень, пряжка,	В порядке ношения
47	1	0,50	0,90	-	-
51	2	0,60	1,30	Пряжка, наконечники копий, браслет, нож, топор, удила.	В порядке ношения
53	1,80	0,60	0,90	Сюльгама, нож,	В порядке ношения

54	2,20	0,70	0,95	Нож, колючко,	Разбросано по дну
55	1,75	0,60	0,80	Пряжка, глиняный горшок, наконечник копья.	В порядке ношения
56	2,30	0,60	1,10	Шейные гривны, бусы, височные привески, пряжка, нож, бронзовая бляха.	В порядке ношения
59	1	0,50	1,10	Железная пряжка с обоймой	Разбросано по дну
60	2,25	0,70	1	Глиняный горшок, гривна, височные привески, бусы, перстни, браслет, кольцевые застежки, нож, пряслице, пряжки.	В порядке ношения
64	1,55	0,65	0,60	-	-
66	-	-	-	Черепки горшка	Разбросаны по дну
67	2	0,60	0,20	Черепок горшка	-
75	0,80	-	0,10	-	-
76	2,25	0,80	0,80	-	-
77	2,20	0,70	1,10	Пряжка, сьюльгама, браслет, глиняный горшок	В порядке ношения
78	2,25	0,55	1	Височные привески, гривны, привески, бусы, сьюльгама, глиняный горшок.	
79	2,15	0,65	1,35	Наконечники стрел, сьюльгама, глиняный горшок, пряжка с обоймой, нож, удила,	В порядке ношения
80	2,50	0,60	0,85	Глиняный горшок, пряжка, нож, наконечник копья,	В порядке ношения
93	2	0,60	1,40	-	-
95	2,10	0,75	1,30	Бронзовая гривна, бусы глиняные, стеклянные, глиняный горшок	В порядке ношения
98	1,70	0,70	1,60	-	-
103	2,35	0,85	1,15	Пряжка с обоймой, наконечники стрел, нож, пинцет, глиняный горшок, удила, пряжки от сбруи.	В порядке ношения
102	1,20	0,40	0,60	Бусы глиняные	-
104	2	0,70	1,10	Пряжки, нож, топор, глиняный горшок.	В порядке ношения
106	2,15	0,65	1	Бусы, глиняный горшок	Разбросаны по дну

107	2	0,50	1	Пряжки, нож, шило, глиняный горшок	В порядке ношения
108	1,10	0,40	0,85	Бусы, глиняный горшок.	В порядке ношения
112	2,10	0,70	1,50	Бусы, пряслице, пряжка, фрагменты глиняного горшка.	В порядке ношения
115	2	0,70	1,50	Бусы, пряслице,	Разбросано по дну
116	1	0,40	0,85	Сюльгама, глиняный горшок,	Разбросаны по дну
119	1,55	0,75	1,30	-	-
122	1,10	0,60	1,40	-	-
126	2,40	0,80	1,10	Наконечники копий, топор, браслеты, пряжка, глиняный горшок	В порядке ношения
128	2,30	0,60	1,50	Наконечник копья, топор, нож, глиняный горшок.	В порядке ношения

- не установлено

С.В. Краснов, Т.В. Осипова (Пенза)

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД МОГИЛЬНИКА II ТАТАРСКАЯ ЛАКА XI-XIII ВВ.

Могильник Татарская Лака II расположен в 3 км к ЮЗ от села Татарская Лака Вадинского района Пензенской области. Памятник был открыт и исследован в 1993 г. А.В.Растороповым. В 2002 году исследованием памятника занималась археологическая экспедиция исторического факультета ПГПУ под руководством Г.Н.Белорыбкина. В результате археологических раскопок 2002 года, было вскрыто 36 погребений (*Белорыбкин, 2007*).

Все погребения были совершены в простых ямах подпрямоугольной или овальной формы с отвесными стенками и ровным дном, ориентированны по линии СЮ с небольшими отклонениями на З и В. Внутримогильные конструкции были зафиксированы в двух погребениях: в одном — это ступенька, в другом — вероятно, был помост, разрушившийся с течением времени. В трех погребениях встречены остатки древесного тлена.

О наличии наземных сооружений на могильнике информации нет, так как культурный слой был полностью уничтожен в результате деятельности черных кладоискателей.

Размеры могильных ям зафиксированы во всех погребениях: основная масса захоронений совершена в неглубоких ямах глубиной до

50 см, шириной до 100 см и длиной 200-250 см. Однако размеры одного погребения, №22, выделяются из общего ряда могильных ям, так как имеет длину 3100 см. с чем это связано установить не удалось.

Погребальный обряд на могильнике несколько отличается от традиционного погребального обряда мордвы XI-XIII вв. так как все погребения были разрушены. Возможно это последствия так называемого обряда обезвреживания, когда родственниками покойного сознательно разрушались отдельные части костяка. Как правило, это кости (ног, рук и ребра.)

По обряду трупоположения было захоронено 23 человека. В остальных обряд не определяется из-за сильного разрушения костяков. Обращает на себя внимание и частичное разрушение погребенных, обряд которых удалось установить. Все костяки были разрушены в области таза, ног и рук. Особый интерес представляют одно погребение: где костяк полностью отсутствует, возможно, это кенотафа, так как имеются остатки тризны.

Все покойные были ориентированы головой на юг с отклонениями на В и З. Лишь в одном случае погребенный был ориентирован головой на С. В тех погребениях, где костяки разрушены сильно, ориентировку установить не удалось.

По полу и возрасту, погребенные распределяются следующим образом: 11 мужских погребений, 8 женских погребений, 1 детское погребение, 3 парных: два погребения женщины и ребенка, одно мужчины и ребенка. В 10 погребениях установить пол и возраст не представляется возможным из-за сильного разрушения костяков.

Инвентарь представляет собой орудия труда (топоры, гвозди, ножи, пряслица), оружие (стрелы, кинжалы, мечи, кольчуги) в мужских погребениях, украшения (бусы, кольца, браслеты) в женских, детали одежды (пряжки, сьюлгамы, поясные накладки, пуговицы). В засыпке погребения встречены керамика и кости животных.

В девяти из тридцати шести погребений инвентарь был разбросан по дну могилы, в семи — инвентарь находился в центре могильной ямы, четыре погребения оказались безинвентарными и только в четырех случаях инвентарь находился в порядке ношения. В шести погребениях в ногах покойного была обнаружена глиняная посуда, в трех погребениях сосуды находились в центре могильной ямы и лишь в одном случае сосуд находился в головах покойного. В остальных погребениях были обнаружены лишь отдельные фрагменты керамики.

Таким образом, обобщая полученные результаты можно сделать вывод о том, что на данном могильнике практиковался так называемый обряд обезвреживания, о чем свидетельствует систематическое

разрушение определенных частей тела (костей рук, ног, грудной клетки, таза).

Особый интерес представляет погребение №1, в котором отсеченный череп находится в ногах покойного. Против ограбления свидетельствует наличие инвентаря в погребениях. Так в погребении №30 остались нетронутыми нож (в ногах) и топор (в области грудной клетки). Также интерес представляет погребение №28, в котором ноги покойного лежат в центре ямы (in situ) так, что верхняя часть костяка все равно бы не поместилась в могилу. Это может говорить о том, что на данном могильнике помимо обрядов труположения, обезвреживания, имитационного погребения (возможно) практиковался еще и обряд вторичного захоронения. Для которого характерно то, что в могилу не попадают отдельные кости, а иногда и большая часть костяка.

Обряд обезвреживания встречается у мордвы в XI-XIII вв. в могильниках (Красное I, Личадеевский, Погибловский и др.) (Осипова, 2003).

Литература:

Белорыбкин Г.Н. Средневековый могильник у с. Татарская Лака II // Пензенский археологический сборник. Пенза, 2007 .

Осипова Т.В. Погребения с разрушенными костяками в окско-сурском междуречье // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003.

В.А. Винничек, К.М. Киреева (Заречный, Пензенская обл.)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ БАЛАБАНОВ РОДНИК

Поселение Балабанов Родник находится в 3 км южнее села Бакшевка Бессоновского района Пензенской области. Впервые исследовано М.Р. Полесских, который ошибочно определил памятник как городище (Полесских, 1970, с. 121-122). В 2005 г. экспедиция клуба «Юный археолог» школы №217 г. Заречного исследовала поселение, где был собран интересный подъемный материал. Вал, отделяющий площадку поселения от napольной стороны, как удалось установить, оказался рвом с выброшенным на обе стороны грунтом. Это позволяет идентифицировать памятник как селище. Ров, очевидно, является более поздним сооружением.

Зачистка обрывистого склона оврага, находящегося на северной стороне площадки поселения, позволила установить мощность культурного слоя, которая составляет 20-30 см.

Наиболее массовой находкой на селище является керамика. Это, в основном, коричнево-красная гончарная (круговая) посуда булгарского типа (47 экз.) (рис. 6, 1-3,5,7-9), которая встречается на всех без исключения домонгольских поселениях Верхнего Посурья. Обжиг этой керамики – равномерный, черепок – твердый, в качестве примеси в тесте использован мелкий песок. Формы венчиков сосудов (рис. 6, 1-3,5,8,9) имеют прямые аналогии в материалах Золотаревского поселения (Белорыбкин, 2001, с. 103, рис. 64). На некоторых фрагментах круговой посуды сохранились следы лощения (8 экз.) (рис. 6, 7), на одном – линейный орнамент (рис. 6, 2).

Кроме этого, найдено несколько фрагментов лепной посуды бурого (6 экз.) (рис. 6, 4) и оранжевого цвета (4 экз.) (рис. 6, 6,10). Бурая характерна для средневековой мордвы, черепок этой посуды – рыхлый, в составе глины – заметное количество дресвы. Оранжевая имеет аналогии среди материалов Армиевского комплекса памятников IX – XI вв., черепок сосудов – плотный, в качестве примесей использован мелкий песок и известняковая крошка.

Основная часть глиняных (круговых и лепных) сосудов обладала горшковидной формой, хотя, судя по толщине некоторых фрагментов керамики, на поселении также применялись, изготовленные на гончарном круге, корчаги.

Находки из металлов представлены орудиями сельского хозяйства, ремесленными инструментами, предметами быта и вооружения, деталями одежды, украшениями и элементами оснащения коня.

Орудиями земледелия являются серпы и коса. Все найденные на селище целые серпы представляют собой единый комплекс (рис. 1), который был сокрыт в грунте без оболочки, обнаружен в северной части площадки поселения в осыпи обрывистого берега оврага. Для крепления рукояти у всех этих орудий имеется черешок с загнутым концом. Среди особенностей серпов можно отметить наличие пяточки при переходе от черешка к клинку, а также продольной выемки (дола) на одной из сторон, что сближает их с орудиями древнего Новгорода (Колчин, 1959, рис. 58). Ранее такие изделия в Верхнем Посурье были отмечены на Золотаревском поселении (Белорыбкин, 2001, с. 95, рис. 58, 1-10, 13-15). Подобные серпы являются обычной находкой на домонгольских памятниках Волжской Булгарии и Древней Руси (Казakov, 1991, с. 64).

Кроме того, на селище был найден фрагмент лезвия серпа (рис. 4, 3), который реконструировать не представляется возможным.

Была также обнаружена маленькая коса, у которой крепление к древку осуществлялось как у косы-горбуши при помощи загнутого

перпендикулярно плоскости орудия заостренного конца. На косе сохранились насечки вдоль лезвия и на «спинке» (рис. 4, 4). В Верхнем Посурье подобные орудия были обнаружены ранее на Золотаревском поселении (*Белорыбкин, 2001, с. 97, рис. 58, 11, 12*).

Единственным предметом, свидетельствующим о животноводстве, является ботало, которое представляет собой согнутую в виде конуса железную пластину с петлей в верхней части (рис. 4, 10) и «язык» в виде железного квадратного в сечении стержня с петлей на зауженном конце (рис. 4, 11).

К инструментам деревообработки относятся следующие предметы: сверла, резец-ложкарь, долото.

По своей конструкции сверла подразделяются на перовидное и спиральное. Перовидное сверло имеет плоский черешок, стержень квадратного сечения и режущую часть ложковидной формы (рис. 2, 9). Спиральное — обладает плоским черешком и стержнем квадратного сечения с перекрученным концом и режущей гранью (рис. 2, 10). Сверла вставлялись перпендикулярно в прорезь деревянной или костяной ручки и использовались для сверления древесины. Перовидное и спиральное сверла появились в Древней Руси в X в. (*Колчин, 1959, с. 38*), имеются в материалах Волжской Булгарии домонгольского времени (*Казаков, 1991, с. 49*).

Резец-ложкарь представляет собой стержень с обоюдоострой крючковидной рабочей частью треугольного сечения, угол резания которой близок к 30° (рис. 2, 11). Эти орудия применялись преимущественно для изготовления ложек и ковшей. Такой инструмент использовался у мордвы уже в VI — VII вв. (*Алихова, 1959, с. 127, табл. 55, 1*). Известны такие орудия из памятников Волжской Булгарии (*Савченкова, 1996, с. 25-26, рис. 8, 3, 4*), Древней Руси (*Колчин, 1959, с. 42-43*) и Прикамья (*Завьялов, 1987, с. 158*).

Для долбления в древесине пазов, гнезд и проушин прямоугольного сечения применялись долота. На тыльной стороне рукояти долота с селища Балабанов Родник имеются следы от ударов, угол заточки лезвия этого орудия составляет около 21° (рис. 2, 16). Появление цельнометаллических долот в Восточной Европе исследователями связывается с X в. (*Колчин, 1959, с. 36*). Наиболее близкими по форме орудиями являются долота, обнаруженные на территории Волжской Булгарии (*Шарифуллин, 1985, с. 52, табл. XIX*).

Железное шило прямоугольного сечения (рис. 2, 13) применялось в основном для изготовления изделий из кожи.

Свидетельством изготовления на селище изделий из цветных металлов является находка обрезка бронзовой пластины (рис. 3, 18).

К предметам быта относятся ножи, цилиндрические замки и ключи к ним, ножницы, а также фрагменты бронзовой посуды, железного хомутка и бронзового зеркала.

Все ножи, найденные на селище Балабанов Родник, имеют лезвия клиновидного сечения и черешки прямоугольного сечения. По конструктивным особенностям и переходу от черешка к лезвию ножи подразделяются на следующие типы.

Тип 1. Со ступенчатым переходом в верхней и нижней части. В рамках данного типа можно выделить две разновидности ножей.

вариант а). Без продольной выемки (рис. 2, 2,6).

вариант б). С продольной выемкой (долом) (рис. 2, 8).

Тип 2. С плавным переходом в верхней и нижней части (рис. 2, 1,3,5).

Тип 3. Со ступенчатым переходом в верхней части и плавным — в нижней (рис. 2, 4).

Тип 4. Без перехода в верхней части и плавным — в нижней, с выгнутой «спинкой». В черешке имеется отверстие с железной заклепкой для крепления деревянных накладок (рис. 2, 7).

Основная часть ножей имеет универсальный характер, лишь один нож является специальным и использовался, по-видимому, для деревообработки (рис. 2, 7). Все ножи имеют широкие хронологические рамки бытования. Ножи с долом известны из материалов ломоватовской культуры, где появились, по-видимому, в V — VI вв. (*Голдина, 1985, табл. 16, 24*), они также довольно часто встречаются на домонгольских поселениях Верхнего Посурья (*Винничек, 2001, с. 120, рис. 8, 1,2; Белорыбкин, 2001, с. 93, рис. 55, 33,34; Винничек, 2001а, с. 403, рис. 2, 7-10*), в Волго-Камье и у мордвы (*Казаков, 1991, с. 77, рис. 30, 36,37*).

По своим конструктивным особенностям цилиндрические замки (рис. 3, 2,3,8,9) и коленчатые ключи к ним (рис. 3, 1,7) датируются началом XII — первой половиной XIV вв. (*Древняя Русь, 1997, с. 14-15*). Замки с напаянными на корпус прямыми поперечными полосками железа (рис. 3, 2,3,9) находят аналогии на памятниках Древней Руси и Волжской Булгарии (*Савченкова, 1996, с. 41-44*). Замок с круглыми отверстиями на промежуточной пластине (рис. 3, 8) имеется в новгородских материалах (*Древняя Русь, 1997, с. 14, табл. 5, 24*).

Пружинные ножницы, найденные на селище Балабанов Родник, представляют собой узкие лезвия на тонких стержнях, которые соединяются широким пружинным кольцом (рис. 4, 12). Подобные изделия известны с домонгольских поселений Верхнего Посурья (*Белорыбкин, 2001, с. 93*), Древней Руси и Волжской Булгарии (*Казаков, 1991, с. 80, рис. 26, 36*).

Фрагменты медной посуды представлены дужкой от котла (рис. 4, 1) и ручкой кружки (рис. 4, 9). Медная посуда в Волжской Булгарии бытует в основном с X до середины XIII в. (*Руденко, 2000, с. 59*).

Назначение железного хомутка (рис. 3, 12) по-прежнему остается неизвестным. Основная масса таких предметов обнаружена на домонгольских поселениях Верхнего Посурья (*Винничек, 2001, с. 104*).

Фрагмент бронзового зеркала (рис. 5, 13) близок по орнаменту изделиям, найденным на Золотаревском поселении (*Белорыбкин, 2001, с. 51, рис. 30, 1-3*).

С домостроением связаны такие находки как дверные пробой (рис. 4, 7,8), гвозди (рис. 2, 22,23) и скобы (рис. 4, 5,6), имеющие широкие хронологические рамки и территории бытования.

К рыболовному промыслу относятся крючки. Рыболовные крючки, найденные на поселении Балабанов Родник, можно разделить на два типа.

Тип 1. С петлей в верхней части (рис. 2, 12,15).

Тип 2. Расплющенный в верхней части, без петли (рис. 2, 14).

Кроме этого, найден крючок, который невозможно отнести ни к одному из названных типов из-за его фрагментарной сохранности (рис. 2, 17). Крючки были распространены в Восточной Европе широко и узких хронологических рамок бытования не имеют.

Предметы вооружения представлены наконечниками стрел и дошпешными пластинами.

Наконечники стрел с селища Балабанов Родник подразделяются на семь типов. Данная классификация построена на основе монографии А.Ф. Медведева «Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII — XIV вв.», поэтому после каждого типа в скобках указаны типы его классификации.

Тип 1. (~97) Данный наконечник (рис. 3, 4) является вариантом типа 97, который был широко распространен в Восточной Европе с IX — X вв. по XIV в. включительно, но особенно использовался в XII — XIV вв. (*Медведев, 1966, с. 85*).

Тип 2. Наконечник ромбического сечения с желобками на гранях боевой головки, между боевой головкой и черешком имеется выраженная шейка (рис. 3, 5). Подобные наконечники стрел известны с Золотаревского поселения, которое было уничтожено монголами в нач. XIII в. (*Яньков, 2001, с. 128*).

Тип 3. (70) Наконечник в виде широкой лопаточки с тупоугольным острием (рис. 3, 6). Наконечники стрел этого типа появились в Восточной Европе вместе с ордами Батгя в XIII в. и распространились, как и все занесенные монголами стрелы, в XIII — XIV вв. (*Медведев, 1966, с.*

77). У кимаков (Приобье, Притомье, Алтай) эти наконечники использовались в IX — X вв. (Худяков, 1986, с. 189, рис. 84, группа VII, тип 1).

Тип 4. (67) Срезень в виде узкой вытянутой лопаточки (рис. 3, 10). Такие наконечники до монгольского нашествия в Восточной Европе также не были известны. В большом количестве найдены на всех русских поселениях южной полосы, разрушенных монголами, и были распространены в XIII — XIV вв. по всей Восточной Европе. Это типичные монгольские наконечники (Медведев, 1966, с. 75). У древних тюрок наконечники стрел этого типа применялись в IX — X вв. (Худяков, 1986, с. 148, рис. 65, группа VI, тип 5).

Тип 5. (41.2) Ромбовидный наконечник стрелы гнездовского типа с выпуклыми сторонами и вогнутыми плечиками, с наибольшим расширением в нижней трети длины пера (рис. 3, 11). Этот тип наконечников употреблялся в XI — XIV вв. (Медведев, 1966, с. 65).

Тип 6. (97.2) Бронебойный в виде кинжалчика ромбического сечения и сплюснутый у черешка с квадратным в сечении перехватом (рис. 3, 16). Этот тип очень характерен для второй половины XI — XII вв. (Медведев, 1966, с. 85).

Тип 7. (17) Арбалетный наконечник стрелы с четырехгранной боевой головкой и круглой в сечении шейкой (фрагмент) (рис. 3, 17). Наконечники стрел этого типа бытовали в XIII — XIV вв. (Медведев, 1966, с. 116).

Доспешные пластины, аналогичные найденным на поселении Балабанов Родник (рис. 3, 13,14,15), ранее были обнаружены в Верхнем Посурье на Золотаревском поселении (Белорыбкин, 2001, с. 136, рис. 80). Основными типами панциря от Кореи до Паннонии во второй половине I тыс. были ламеллярный и кольчатый (Горелик, 2001, с. 173).

К деталям одежды относятся пряжки (рис. 5, 5,21) и поясные накладки (рис. 5, 1-4,6,8,24). Интерес представляют элементы ременной гарнитуры так называемого «аскизского облика» (рис. 5, 1-6,24), которая распространилась, начиная со второй половины XI в., практически по всей Восточной Европе (Белорыбкин, 2000, с. 128-147). Кроме того, была найдена накладка сердцевидной формы с подпрямоугольным выступом в верхней части (рис. 5, 8). Подобные бляшки декора ремней узды встречаются среди древностей кимаков X — XI вв. (Могильников, 2000, с. 36, рис. 7, 12,13). Близкие по форме накладки имеются в материалах венгерского погребения IX в. с юга полтавщины (Супруненко, Кулатова, Приймак, 1999, с. 26, с. 28, рис. 1, 4) и Саровского городища XII — нач. XIII в. (Грибов, 2003, с. 440, рис. 2, 1).

Основная масса украшений является мордовскими этномаркерами. Это, в первую очередь, бронзовые шумящие подвески двух типов.

Тип 1. Прямоугольная ажурная подвеска с округлыми петлями по нижнему краю для крепления привесок (рис. 5, 10). Подобные изделия имеются в материалах Пановского и Елизавет-Михайловского могильников мордвы и датируются VIII — XI вв. (*Материальная культура среднеэципнской мордвы VIII — XI вв., 1969, с. 26, табл. 10, рис. 2; с. 57, табл. 33, рис. 7*). Такие украшения встречаются также в марийских древностях (*Никитина, 1990, с. 106, рис. 4, 1*).

Тип 2. Подвеска арочной формы с ажурным щитком и петлями для привесок (рис. 5, 7). Подобные украшения бытовали у мордвы в XI — XII вв. (*Руденко, 1998, с. 28, рис. 5, 3,4*).

Изделия, близкие по форме сюлгаме, изготовленной из бронзовой проволоки круглого сечения с завернутыми в одной плоскости с круглой рамкой концами (рис. 5, 14), имеются в материалах Паньжинского (мордва, XIII — XIV вв.) (*Степанов, 1959, табл. 79, 12,14*) и Печешурского (удмурты, XII — XIII вв.) (*Иванова, 1992, с. 79, табл. 17, рис. 34, 2*) могильников.

К мордовским этномаркерам следует относить, по-видимому, также свинцово-оловянный пластинчатый браслет с зауженными и завернутыми в кольца концами, украшенный линейным орнаментом в виде насечек (фрагмент) (рис. 5, 16), поскольку такие изделия широко представлены в мордовских древностях (*Беляев, Вихляев, Зеленцова, Шитов, 1998, с. 75, рис. 16, 17; с. 129, рис. 69, 16*). Аналогичные браслеты имеются в материалах Золотаревского поселения (*Белорыбкин, 2001, с. 53, рис. 31, 1*).

Кроме этого, на поселении Балабанов Родник найдена свинцово-оловянная круглая подвеска, орнаментированная треугольниками ложной зерни (рис. 5, 9) и имеющая аналогии на домонгольских памятниках Древней Руси (*Древняя Русь, 1997, табл. 53, 14*) и Волжской Булгарии (*Крыласова, Бочаров, Бочарова, 1997, с. 67, рис. 8, 21-23*).

Свинцово-оловянный перстень-печатка (рис. 5, 17) является подражанием дорогим древнерусским изделиям, получившим широкое распространение в XII — XIII вв. (*Древняя Русь, 1997, с. 78, табл. 43, 33а-35, табл. 46, 14,15*). Следует отметить, что литой свинцово-оловянный перстень с щитком шестигранной формы имеется в материалах верхнесурского Мордовско-Ишимского селища (*Винничек, 2007, с. 287, рис. VII, 25*).

Литой шаровидный бубенец с линейной прорезью и рельефным пояском (рис. 5, 15) имеет аналогии в материалах домонгольских памятников Древней Руси и датируется XII — нач. XIII в. (*Полякова, 1996, с. 201, рис. 65, 32*).

Конское снаряжение представлено удилами (рис. 2, 18,20,21), упряжными кольцами (рис. 2, 19, рис. 5, 19,20,22), распределителями ремней (рис. 5, 11,12,18) и седельным пробоем с кольцом (рис. 5, 23).

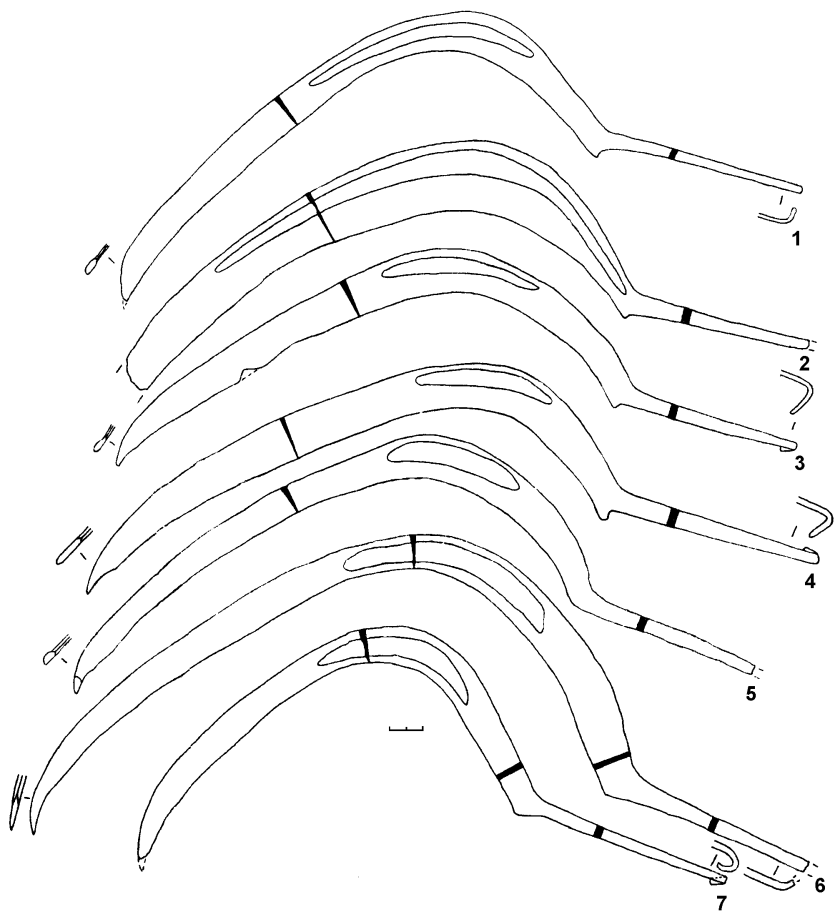

Рис. 1. Селище Балабанов Родник. Серпы. Все – железо.

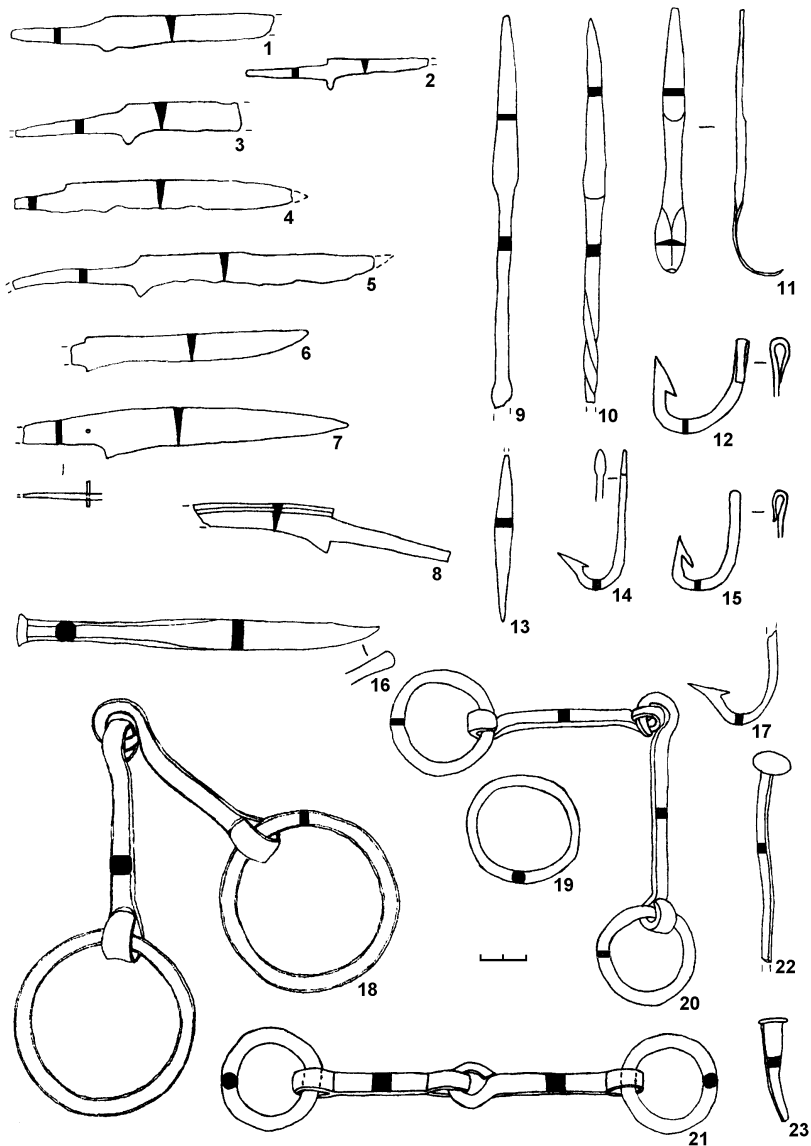

Рис. 2. Селище Балабанов Родник. Ножи (1-8), сверла (9,10), ложкорез (11), долото (16), шило (13), рыболовные крючки (12,14,15), удила (18,20,21), упряжное кольцо (19), гвозди (22,23). Все – железо.

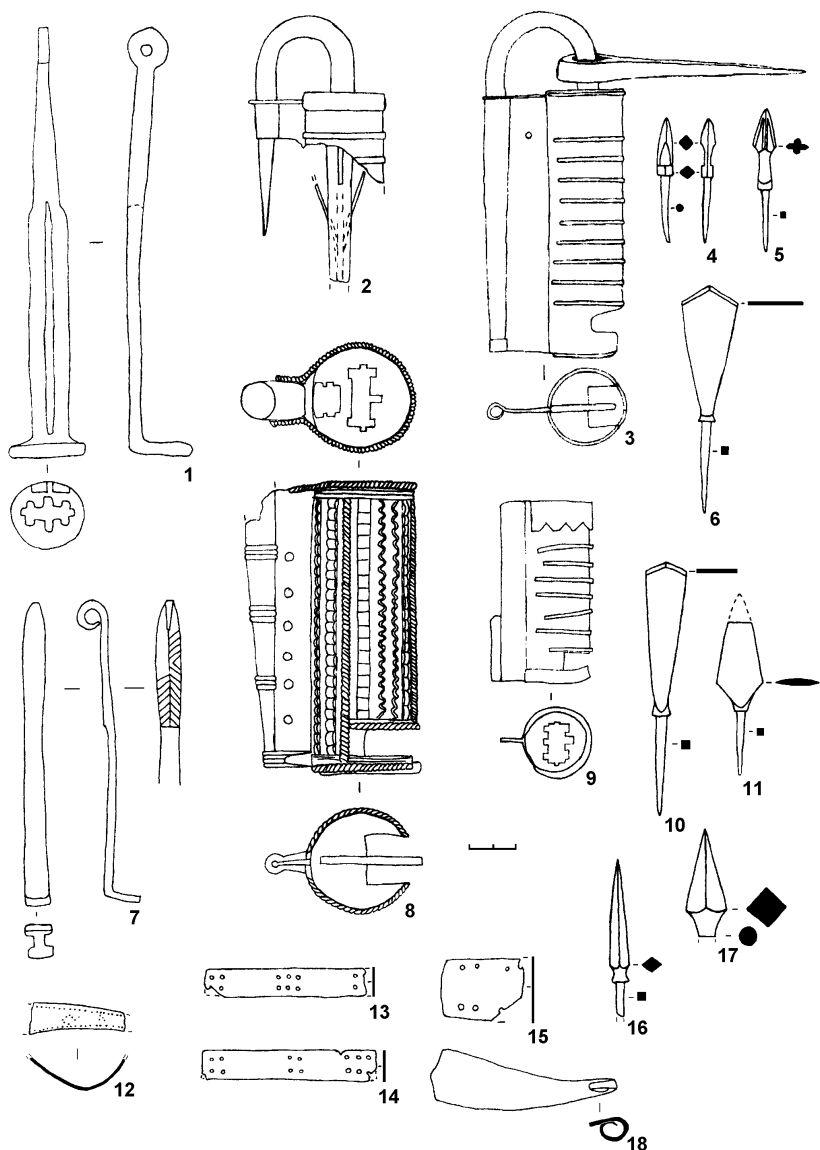

Рис. 3. Селище Балабанов Родник. Замки (2,3,8,9), ключи (1,7), наконечники стрел (4-6, 10,11,16,17), доспешные пластины (13-15), фрагмент хомутка (12), обрезки листового металла (18).
18 – бронза, остальное – железо.

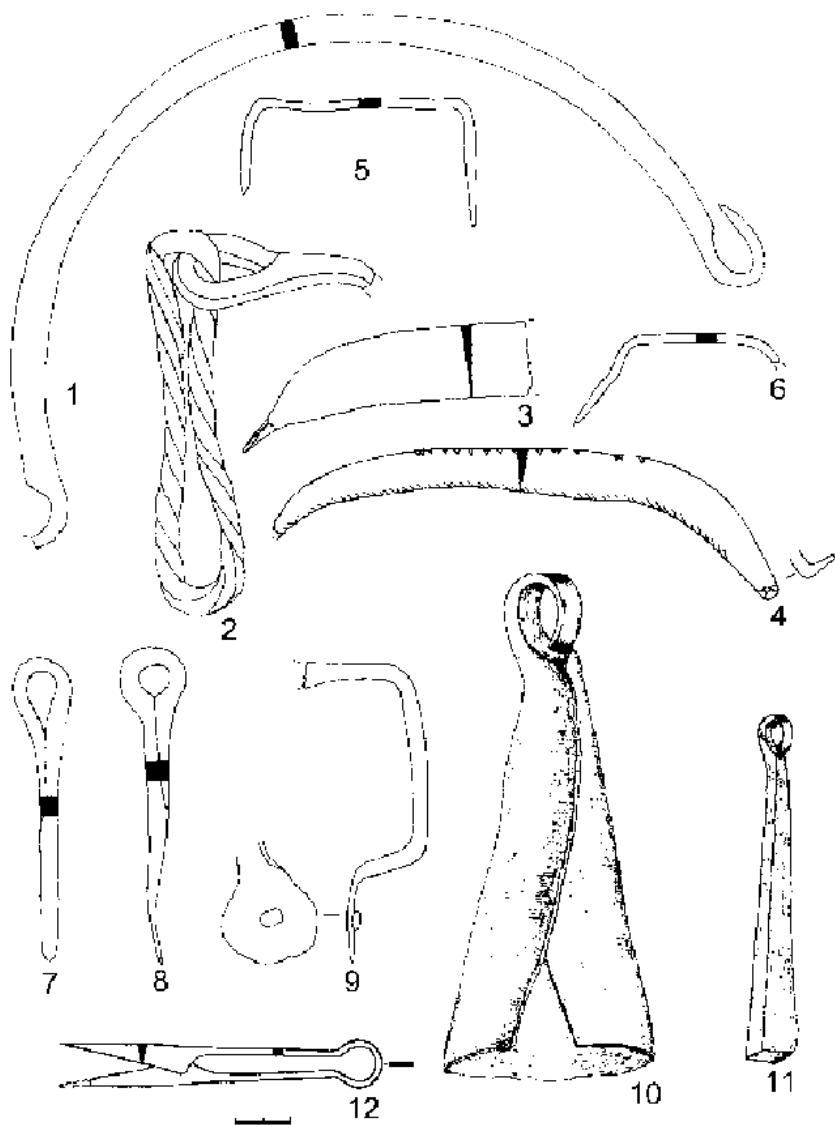

Рис. 4. Селище Балабанов Родник. Ручка от котла (1), дверные пробой (2,7,8), фрагмент серпа (3), коса (4), скобы (5,6), ручка от кружки (9), ботало (10,11), ножницы (12). 9 – бронза, остальное – железо.

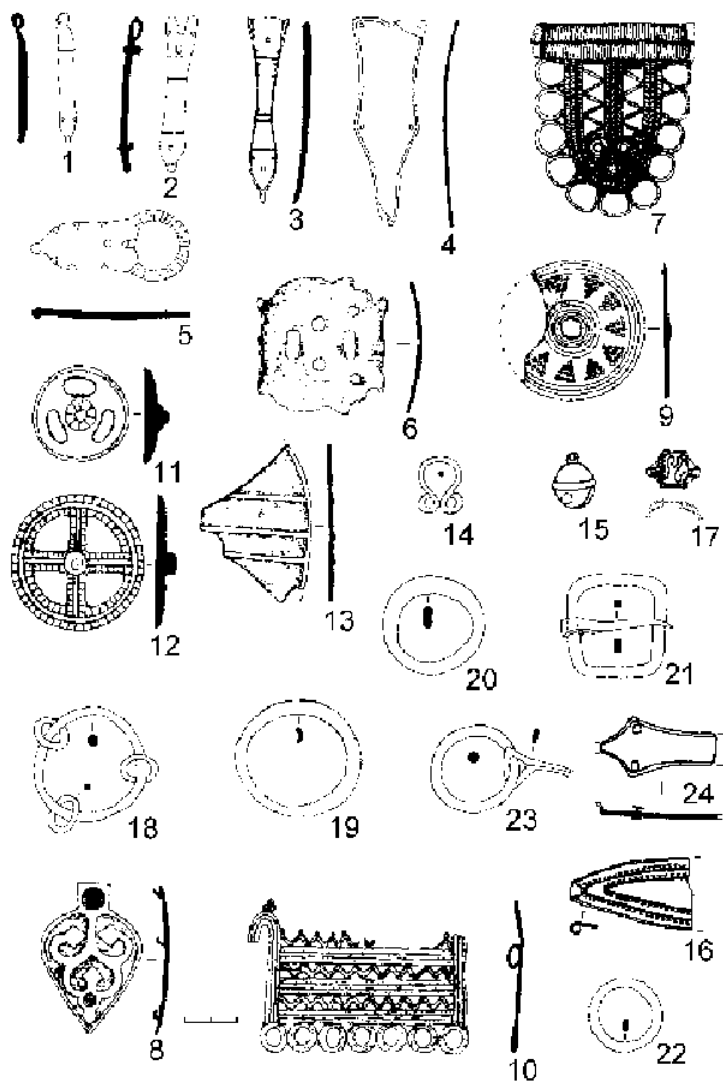

Рис. 5. Селище Балабанов Родник. Ременные накладки (1-4,6,8,24), пряжки (5,21), шумящие подвески (7,10), круглая подвеска (9), распределители ремней (11,12,18), фрагмент зеркала (13), застежка (14), бубенец (15), фрагмент браслета (16), шиток перстня (17), упряжные кольца (19,20,22), пробой с кольцом (23). 1-6, 18, 20-24 – железо, 7, 8, 10-15, 19 – бронза, 9, 16, 17 – свинцово-оловянный сплав.

Бронзовые распределители ремней, близкие по форме находкам с селища Балабанов Родник, встречаются на домонгольских поселениях Волжской Булгарии (Руденко, 2001, с. 104, рис. 18, 12-14).

Упряжные кольца и удила были распространены по всей Восточной Европе и имеют широкие хронологические рамки бытования.

Итак, хронологический анализ материалов свидетельствует о том, что селище Балабанов Родник начинает функционировать, как и большинство других верхнесурских поселений с коричнево-красной гончарной посудой булгарского типа, в начале XI в., когда регион становится юго-западной окраиной Волжской Булгарии.

Судя по материалам селища, местное население занималось выращиванием зерновых культур, животноводством, рыбной ловлей, домостроением, деревообработкой, выделкой кож.

Кроме того, необходимо отметить, что этнический состав населения был довольно пестрым, о чем свидетельствуют находки финно-угорских, булгарских и славянских этномаркеров.

Прекращение функционирования селища Балабанов Родник связано, очевидно, с нашествием монголов в Верхнее Посурье в 1237 году.

Примечания.

Алихова А.Е. 1959. Серповский могильник // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск.

Белорыбкин Г.Н. 2000. Аскизские следы в Сурско-Окском междуречье // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань.

Белорыбкин Г.Н. 2001. Золотаревское поселение. СПб.

Беляев Я.В., Вихляев В.И., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. 1998. Кельгининский могильник. Раскопки 1990-х гг. Саранск.

Винничек В.А. 2001. Материалы средневековых памятников Верхнего Посурья и Примокшанья // Археология Поволжья. Пенза.

Винничек В.А. 2001а. Новые археологические материалы с Садовского селища (X — XIII вв.) // Исторические записки. Вып. 1. Пенза.

Винничек В.А. 2007. Ювелирные инструменты и технологии на поселениях Верхнего Посурья домонгольского периода (нач. XI — нач. XIII вв.) // Пензенский археологический сборник. Вып. 1. Пенза.

Голдина Р.Д. 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.

Горелик М.В. 2001. Образ мужа-воина в Кабарии-Угрии-Руси // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 1. Материалы III Международной археологической конференции. Самара.

Грибов Н.Н. 2003. Цветной метал Саровского городища (ассортимент изделий, химический состав, производство) // Археология восточно-европейской лесостепи. Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Е. Алиховой. Пенза.

Древняя Русь. 1997. Быт и культура // Археология. М.

Завьялов В.И. 1987. Деревообрабатывающий инструментарий прикамских племен // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск.

Иванова М.Г. 1992. Погребальные памятники северных удмуртов XII — XIII вв. Ижевск.

Казаков Е.П. 1991. Булгарское село X — XIII веков низовий Камы. Казань.

Колчин Б.А. 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого: продукция, технология // МИА. №65. М.

Крыласова Н.Б., Бочаров И.В., Бочарова Е.О. 1997. Некрополь Рождественского археологического комплекса // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург.

Материальная культура среднепеченской мордвы VIII — XI вв. 1969. Саранск.

Медведев А.Ф. 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII — XIV вв. // САИ. М.

Могильников В.А. 2000. Гилево VII, курган 4 – памятник кимаков на Верхнем Алтае // Татарская археология. Тюрко-степное средневековье. №1-2(6-7). Казань.

Никитина Т.Б. 1990. Инвентарь могильника «Нижняя стрелка» // Древности Поволжья. Археология и этнография марийского края. Вып. 17. Йошкар-Ола.

Полесских М.Р. 1970. Археологические памятники Пензенской области. Путеводитель. Пенза.

Полякова Г.Ф. 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.

Руденко К.А. 1998. К вопросу о взаимодействии булгар с поволжскими и прикамскими финнами в XII — XIV вв. (по материалам селищ) // Finno-Ugrica. №1(2). Казань.

Руденко К.А. 2000. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в XIII — XIV вв. Казань.

Руденко К.А. 2001. Тюркский мир и Волго-Камье в XI — XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань.

Савченкова Л.Л. 1996. Черный металл Болгар. Типология // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.

Степанов П.Д. 1959. Панъжинский могильник // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск.

Супруненко А.Б., Кулатова И.Н., Приймак В.В. 1999. Венгерское погребение с юга полтавщины // *Finno-Ugrica*. №1 (3). Казань.

Худяков Ю.С. 1986. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.

Шарифуллин Р.Ф. 1985. Инструменты ремесленников // Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие XI — XIII вв. М.

Яньков В.В. 2001. Наконечники стрел // Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб.

Г. Владимиров (Болгария)

БЪЛГАРИТЕ И САРМАТСКИЯТ СВЯТ В СВЕТЛИНАТА НА ЕДНА ХИПОТЕЗА

В историята на всеки народ съществуват периоди на активна рефлексия спрямо собствените историко-културни произход и идентичност. Съгласно старата максима “всяко поколение пише собствената си история, за да я преживее отново”. Резултат на тези процеси бяха преоценките на доскоро съществуващи, установени като аксиоматични тези за корените и ранната история на българския етнос. В условията на интернационализма, когато концепциите в науката често имаха не обективни, а идеологически предпоставени аргументи, българите *a priori* бяха “открити” сред номадо-чергарските общности на Великото преселение, традиционно припознавани като нискоцивилизовани. Те бяха определени като хуни, тюрки, т.е. етнос без собствени, а с вменени откън, културни характеристики. По презумпция родината на българите бе установена някъде в Алтай. Те бяха представени като кентаври, чиято дунавска и волжка предистория бе лишена от исторически първооснования. Така се родиха митологичните “681 г.” и “1300 години България”. Историята на Волжка България пък бе пратена в забвението на идеологически предопределено табу.

Настоящото изследване представя допълнителни доказателства за една интересна хипотеза, лансирана напоследък в историческите среди – тази за „древността на българската държавност в Европа“, датираща към II в. сл. Хр. Извън неакадемичните постановки относно „детството“ на българите, отнасяно в митологични времена откъд Потопа, трябва да кажем, че в тази хипотеза има своите исторически основания. За да я верифицираме ще подходим от привидно далечен на досегашните

изследователски постановки ъгъл, като проследим и анализираме тезите за произхода, прародината и разпространението на любопитната практика на т.нар. *изкуствена деформация на черепа*.

По общоприета дефиниция изкуствената деформация на черепа представлява морфологична промяна на формата му вследствие външни влияния. Бива преднамерена и непреднамерена.¹

Обичаят е познат в твърде широк географски ареал и има различен, културно детерминиран смисъл. Така например в Перу само царят и висшата аристокрация деформирали главите си, подчертавайки по този начин своя елитарен социален статус. Подобно явление се наблюдава и в Египет. Понякога деформацията изтъквала полови различия и се практикувала само у жените (о. Борнео) или само от мъжете (Кавказ, Перу, Патагония).² В други случаи тя вероятно е служела за подчертаване на определена етническа принадлежност.³ Така например през средните векове хорезмийците съзнателно деформирали главите си, за да се отличават от своите северни съседи – тюрките.⁴

Подбудите за деформация може да бъдат и чисто естетически.⁵ Известно е, че германските племена гепиди, алемани, бургунди и лангобарди са практикували този обичай, предимно сред жените.⁶ На тази база А. Шлиц твърди, че подобен род деформация е непреднамерена и е свързана с пристягането на превръзки за коси.⁷

Малцина изследователи са посветили усилията си на търсене архетипните корени на обичая. Прието е да се смята, че той се появява в Средна Азия, където по последни данни се локализира и прародината на древните българи.

Според главно руски специалисти най-старите деформирани черепи на азиатския континент са принадлежали на прототунгуските племена, живели през неолита в Североизточен Китай.⁸ В края на 40-те години на XX в. антрополозите издигат тезата, че обичаят на изкустве-

1 Боев, П. Върху изкуствената деформация на главата. – Известия на Института по морфология. Т. 2, С., 1957, с. 263.

2 Пак там., с. 265.

3 Кондова, Н. и Сл. Чолаков. Антропологични данни за етногенезиса на ранносредновековна популация от Североизточна България. – Българска етнография, 1992, № 2, 61-67

4 Ходжайов, Т. Обычай преднамеренной деформации головы в Средней Азии. – Сб. Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. М., 2000, с. 25.

5 Боев, П. Върху изкуствената деформация..., с. 264.

6 Пак там, с. 276.

7 Schliz, A. Künstlich deformierte Schädel in Germanischen Reichengräbern. – Acta Archaeologica, III, 1905.

8 Боев, П. и др. Изкуствената деформация на главата като етнодиференциращ белег. – Българска етнография, 1987, №1, с. 34.

ната деформация се разпространява от изток на запад и е свързан с движението на хуните.⁹ Натрупването на допълнителен антропологичен материал, обаче, подлага на съмнение тази теория. На територията на Бактрия, в басейна на горното и средното течение на р. Амударя обичаят е познат от II в. пр. Хр., като числото на деформирани черепи сред градското население достига до 70 %. В Ташкентския оазис пък кръговата деформация преобладава сред скотовъдни племена, като достига до 50 % (некрополите Янгиюл, Вревски, Кавардан, Ангрэн и др.).¹⁰ Ето някои конкретни факти от територията на Ферганската долина:

- Некропол Актам (V-III в. пр. Хр.) – Разположен е на 9 км южно от Фергана. Характеризира се с брахикранен антропологически тип. Налице е един случай на кръгова деформация.

- Некропол Суфан (V-III в. пр. Хр.) – Също близо до Актам. Принадлежи на брахикрани. Налице е конусовидна деформация.

- Кунгайски некропол (V-III в. пр. Хр.) – Разкрит близо до Актам. Оставен от земеделско население, брахикрани-европеиди. Следи от деформация.

- Некропол Яздепе (V-IV в. пр. Хр.) – Погребение на долихокран-европеид със следи от кръгова деформация.¹¹

Откъде и как прониква обичаят на деформацията на главата в Средна Азия не е ясно. Сигурно е едно – той е известен в тези територии далеч преди появата на хуните.¹²

Така достигахме до вторият проблемен въпрос, който все още не е намерил своя задоволителен отговор – как се разпространява този обичай на европейска територия? „С придвижването си на запад – твърдят руските учени – прототунгусите и прототюрките пренасят обичая и в Европа“. Според други проучватели това става в резултат на сарматски миграции.¹³ Появата на деформацията на територията на Унгария пък традиционно се свързва и с установяването там на аварите.

За да потърсим прецизно разрешение на създадения казус ще започнем по-отдалеч. Известно е, че през средносарматския период (I-II в. сл. Хр.) в сарматска среда (приблизително териториите на Северен Кавказ, Източното Приазовие и Северното Причерноморие) се появява изкуствената деформация на черепа, която широко се разпространява

9 Гинзбург, В. и Т. Трофимова. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972, с. 329.

10 Ходжайов, Т. Цит. съч., с. 31.

11 Алексеев, В. и др. Историческая антропология Средней Азии (палеолит-эпоха античности). Ташкент, 1990, 164- 173.

12 Гинзбург, В. и Т. Трофимова. Цит. съч., с. 338.

13 Кондова, Н. и Сл. Чолаков. Цит. съч., с. 67.

през късния период в развитието на сарматите, като достига до 80% от погребаните лица.¹⁴ От изследваните 44 черепа от късния период 35 носят следи от кръгова деформация, а 3 – от теменна. 15 от черепите принадлежат на женски индивиди.¹⁵ Деформирани черепи са открити в погребения на Салтовската култура.¹⁶ Обичаят е регистриран и сред аланите от прикавказките степи.¹⁷

Прави впечатление, че в сарматска среда през въпросния хронологичен отрязък се утвърждава и северната ориентация на погребване¹⁸, което заедно с обичая на изкуствената деформация недвусмислено подсказва за вероятно преселване в долноволжките земи на нови племенни групи.¹⁹ Новите етнически инфилтрации идват, както изглежда, от Изток, вероятно от региона на Северна Бактрия.²⁰

Кои са новодошлите – това досега не е установено с положителност. Предполага се, че става дума за сако-масагетски племена.²¹ Дали пък не става дума за авангардни български инфилтрации на европейския континент?²² Основание за подобно хрумване дава един текст, който принадлежи на перото на антиохийския патриарх Михаил Сирийски. В него се описва ранният преход на българите от Азия към Европа. „Три-ма братя – пише патриархът – излезли от Вътрешна Скития [Средна Азия – б. а.], водели със себе си тридесет хиляди Скити [синоним на конни бойци – б. а.] и за 60 дни преминали разстоянието от клисурите на Имеон [Памиро-Хиндукушкия планински масив] до реката Танаис [Дон – б. а.], която се влива в езерото Меотида [Азовско море – б. а.]... Тези хора били наречени от ромеите българи.“ Изхождайки от това сведение можем да допуснем, че появата на изкуствената деформация в Европа и нейното ранно разпространение на континента би могло да бъде свързано и с миграционните вълни на българско население от

14 Фирштейн, Б. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении. – В: Тот, Т. и Б. Фирштейн Антропологические данные к вопросу о Великом переселении народов авары и сарматы. Ленинград, 1970, с. 71.

15 Пак там, с. 95.

16 Боев, П. Върху изкуствената деформация..., с. 277.

17 Гинзбург, В. и Т. Трофимова. Цит. съч., с. 332.

18 Димитров, Д. Прабългарите по Северното и Западното черноморие. Варна, 1987, с. 60; Владимирова, Г. Дунавска България и Волжка България през VII-XI век. С., 2005.

19 Засецкая, И. О хронологии погребений “эпохи переселения народов” Нижнего Поволжья. – Советская археология. 1968, № 2, 52-62; Димитров, Д. Цит. съч., с. 61.

20 Фирштейн, Б. Цит. съч., 145-146.

21 Зайченко, А. Искусственная деформация черепа как форма политической анатомии – <http://www.zaichenko1958.narod.ru/deformation2.htm>

22 Димитров, Д. Цит. съч., с. 98. Авторът предполага, че изкуствената деформация е приоритет на българското племе уногондури.

Средна Азия на запад първоначално към севернокавказките и северно-черноморските райони, а на по-късен етап – и към Долни Дунав, Средна Волга, Македония, Панония и Апенинския полуостров.

На територията на Източното Приазовие и Северното Причерноморие некрополи, категорично атрибуирани като български, в които са открити деформирани черепи са Верхний Чирюрт (Приморски Дагестан), Новолабинский (долното течение на р. Кубан), Пашковски (до гр. Краснодар), Дюрсо (до Новорусийск).²³

Находките на деформирани черепи по днешните долнодунавски български земи датират още от епохата на късната античност и са свързани с народите от Великото преселение – Абритус, Августа Траяна, Варна, Кабиле, Яйлата. Имат силно изразени монглоидни белези и вероятно принадлежат на хуни и готи.²⁴

Утвърждаването на изкуствената деформация на Балканите несъмнено е резултат на появата на Аспаруховите и Куберовите българи в края на VII в. Траки и славяни не практикуват този обичай, същото се отнася и до тюркските племена кумани, узи и печенегите.²⁵

Какво показват данните от ранносредновековните некрополи в днешните български земи? В некропола от Нови пазар, датиран около средата на VIII в. деформирани са череп 19 (мъж на зряла възраст с тилно-кръгова деформация на черепа) и череп 28 (млада жена с кръгова деформация).²⁶ Подобна е ситуацията и с некропола от Кюлевча, Шуменско от края на VIII – началото на IX в. В него преобладава трупополагането със северна ориентация. Погребаните са мезокрани-европеиди.²⁷ Два от черепите са деформирани. Единият принадлежи на мъж около 40-45 години, отнасящ се към иранския вариант на северната раса и носи следи от кръгова деформация. Вторият е на млада жена, около 22-25 години, мезокран с кръгово-теменна деформация. Числи се към расата на средноазиатското междуречие.²⁸ В двубредния некропол от с. Топола, Добричко от периода VII-IX в. пък е налице е кръгова деформация (44% от откритите черепи), преобладаваща главно сред детските находки.

Като цяло деформацията е характерна предимно за некрополи от Североизточна България – некропола от с. Табачка, Русенско (30%),

23 Димитров, Д. Цит. съч.

24 Боев, П. и др. Изкуствената деформация на главата..., с. 35; Кондова, Н. и др. Изкуствено деформирани черепи от некропола при с. Кюлевча, Шуменски окръг. – Интердисциплинарни изследвания. Т. II-III, С., 197, с. 137.

25 Боев, П. и др. Изкуствената деформация на главата..., с. 36.

26 Боев, П. Върху изкуствената деформация..., 266-267.

27 Кондова, Н. и др. Изкуствено деформирани черепи..., 129-130.

28 Пак там, с. 136.

некрополи 1 и 3 на Девня (35%), масовия гроб грай Девня (над 50%).²⁹ Прави впечатление, че сред деформираните черепа монглоидността е само 6%, докато повечето са с преобладаващо европеидни черти. От Южна България са намерени само два деформирани черепа – от Абланица, Благоевградско и от Борино, Смолянско.

Любопитен факт е, че изкуствената деформация се съхранява като обичай и през християнската епоха чак до XV в. (късносредновековни некрополи на Чиракман и Калиакра).³⁰

Какви са изводите от казаното дотук? На първо място, обичаят на изкуствената деформация на черепа сред българите косвено свидетелства срещу досега битуващите категорични тези за техния хунски и тюркски. Твърдения от вида „Тюркската принадлежност на прабългарите се потвърждава и от символичните трепанации и изкуствените деформации на черепа“³¹ звучат несериозно, а предпоставената, стереотипна позиция вреди непосредствено върху обективността на изследването. Тъкмо напротив, напоследък се утвърждава схващането, че „изкуствената деформация не е характерна за тюрките, а за старото население на източноевропейските степи – сарматите.“³² Нещо повече, фактът, че през средните векове деформацията на черепа е засвидетелствана в Киргизстан, Самарканд и отделни погребения, свързани със зороастризма³³, по-скоро накланя везните в полза на тезата за индо-иранския корен на древните българи и богатото „информационно пространство“ на тяхната ранна култура.

Вторият основен извод, произтичащ от настоящото изследване е че разпространението на изкуствената деформация на европейския континент маркира по своеобразен начин исторически детерминираната диаспора на българския етнос.

В заключение ще отбележим, че данните от подобно естество могат да бъдат полезен източник в анализа на латентните информационни полета в миналото на всеки изследван етнически масив. По тази причина тези данни могат да бъдат квалифицирани като „авторитети“, по израза на английския историк и философ Робин Колингууд, и следва да бъдат прилагани широкоаспектно в историографския анализ.

29 Кондова, Н. и Сл. Чолаков. Цит. съч., с. 67.

30 Боев, П. и др. Изкуствената деформация на главата..., с. 36.

31 Йорданов, Й. Антропологични данни за погребаните в прабългарски и раннобългарски некрополи в Североизточна България през IX и X век – В: Известия на българското историческо дружество. № 33, 1980, с. 49.

32 Рашев, Р. За произхода на прабългарите. – В: Сб. *Studia protobulgarica et mediaevalia europensia*. В чест на проф. Веселин Бешевлиев. ВТр., 1993, с. 24.

33 Боев, П. Върху изкуствената деформация..., с. 277.

В.А. Винничек, К.М. Киреева (Заречный, Пензенская обл.)

**КОСТОРЕЗНОЕ ДЕЛО НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО
ПОСУРЬЯ И ПРИМОКШАНЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА
(по материалам памятников XI – XIV вв.).**

За последние годы во время археологических исследований на памятниках Верхнего Посурья и Примокшанья были обнаружены костяные изделия и железные инструменты, которые могли использоваться для их изготовления.

В данной работе собраны материалы со следующих средневековых верхнесурских и примокшанских памятников: Золотаревское поселение (VIII – нач. XIII в.) (*Белорыбкин, 2001*), Степановское I селище (VIII – нач. XIII в.) (*Винничек, 2005, с. 85-86*), Юловское городище (XI – нач. XIII в.) (*Белорыбкин, 1992; Белорыбкин, 1995, с. 46*), селище Балабанов Родник (нач. XI – нач. XIII в.) (*Винничек, Киреева, 2008*), могильник Татарская Лака II (XI – XIII вв.) (*Винничек, Губанов, 2003, с.347*), Никольское селище (нач. XI – XIV в.) (*Винничек, Сафронов, 2007, с. 289*), г. Мохши (XIII – XIV вв.) (*Лебедев, 1958*).

Наиболее многочисленную группу составляют костяные элементы ножей и предметы домашнего обихода.

Костяные рукояти ножей (4 экз.) (рис. 1, 1,2,7, рис. 5, 6) по форме навершия подразделяются на следующие типы:

Тип 1. Навершие срезано дугой, рукоять украшена продольными рядами циркульного орнамента (рис. 5, 6).

Тип 2. Срез боковых граней навершия образует острый угол, на рукояти – циркульный и линейный орнамент (рис. 1, 2).

Подобные изделия бытовали с X по XIV в. на территории Волжской Булгарии (*Закирова, 1988, с. 221, рис. 96, 1,2; Шарифуллин, 1985, табл. XXXII, 13,14*), в Древней Руси (*Захаров, 2004, рис. 238, 6,10*). Известны такие предметы и из Саркела (*Флерова, 1996, с. 300-301, рис. 18, 1-4*).

Рукоять ножа с Юловского городища (рис. 1, 1), украшенная циркульным и линейным орнаментом, не может быть отнесена к тому или иному типу в силу ее плохой сохранности.

Кроме того на Юловском городище была обнаружена рукоять ножа, представляющая собой грубо обработанную кость (рис. 1, 7).

Затыльники рукоятей ножей (рис. 1, 4,5, рис. 5, 3) в основном имеют миндалевидную форму (рис. 1, 4, рис. 5, 3). Подобные предметы имеют широкие аналогии на территории Волжской Булгарии домонгольского и золотоордынского периода (*Закирова, 1988, с. 222, рис. 97, 2*), встречаются в Рождественском археологическом комплексе (Прикамье) (*Белавин, Крыласова, 2008, с. 274, рис. 150, 23*) и на Белоозере (X – XIV

вв.) (Захаров, 2004, рис. 237, б). Заготовка затыльника такой формы обнаружена в гончарном комплексе пер. пол. XIII в. на поселении Мо-настырщина 5 (Гоняный, Кокорина, Свирина, 1993, с. 156, рис. 7, 32). Аналогичный затыльник найден в Саркеле – Белой Веже, и, по мнению В.Е. Флеровой, мог использоваться в качестве застежки (Флерова, 2001, с. 103, рис. 52, 7).

Следует отметить, что предмет подобной формы был обнаружен П.С. Рыковым и Б.Н. Граковым в 1925 г. при исследовании мужского курган-ного погребения второй половины XIV в. у с. Харьковки в Волгоградс-кой области и идентифицирован ими как костяная застежка от кожаной сумки (Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998, с. 140-141, табл. XXVI, 4).

Кроме этого, во время археологических исследований в погребени-и 7а (женское) могильника Татарская Лака II была обнаружена за-готовка затыльника семигранной формы (рис. 1, 5). Подобные изделия бытовали на территории Волжской Булгарии XI – XIV вв. (Закирова, 1988, с. 222, рис. 97, 11).

Муфта для рукояти ножа (рис. 1, 6) – вырезанная из кости пластин-ка с отверстием для крепления на переходе черешка к лезвию. Ближай-шие аналогии имеются в археологических материалах Древней Руси XII – XIV вв. (Археология Костромского края, 1997, с. 221, рис. 54, 4) и Волжской Булгарии XI – XIV вв. (Закирова, 1988, с. 222, рис. 97, 15; Казаков, 1991, с. 142).

В одном из женских погребений могильника Татарская Лака II было обнаружено костяное пряслице усеченно-биконической формы (рис. 2, 9), которое, как считает О.И. Давидан, предназначалось «для прядения крутой тонкой пряжи» (Давидан, 1966, с. 109). Подобные на-ходки известны из Прикамья (Белавин, Крыласова, 2008, с. 278, рис. 160, 1,2), встречаются в материалах Волжской Булгарии XI – XIV вв. (Закирова, 1988, с. 226, рис. 98, 4), Саркела – Белой Вежи (Флерова, 1996, с. 295, рис. 13, 2-8) и Гнездовского городища (Пушкина, 1993, с. 59, рис. 2, 1). Бытовали такие изделия у прикамских финнов в V – XV вв. (Розенфельдт, 1987, с. 133-134, с. 141, табл. LXII, табл. LIX, 15), у племен Урала и Западной Сибири с VI до XIII вв. (Могильников, 1987, с. 197, с. 223, табл. LXXXIII, 37,39, табл. LCVI, 27).

Костяной кочедык с Юловского городища (рис. 2, 1) имеет отвер-стие для привешивания и орнаментирован циркульным орнаментом. Подобные орудия для плетения имеются в материалах Прикамья (Бе-лавин, Крыласова, 2008, с. 276, рис. 154, 4-6) Волжской Булгарии (Ша-рифуллин, 1985, с. 81, табл. XXX, 3), Древней Руси (X – XIV вв.) (За-харов, 2004, рис. 236, 1-4) и племен чепецкой культуры (Розенфельдт, 1987, с. 141, табл. LXI, 11).

Костяной предмет (рис. 1, 3), обнаруженный на Юловском городище, по-видимому, следует идентифицировать как фрагмент игольника с отверстием для подвешивания. Ближайшие аналогии такому изделию имеются в материалах Саркела – Белой Вежи и датируются вт. пол. IX – пер. пол. XII в. (Флерова, 1996, с. 297-299, рис. 16, 2,3,9-12,14).

Единственным предметом туалета является костяной гребень (рис. 3, 2), который относится к типу двусторонних составных гребней прямоугольной формы с накладками полукруглого сечения, соединенными двумя рядами штифтов по 5 штук в каждом. Подобные гребни встречаются на домонгольских памятниках Древней Руси (Асташова, 1993, с. 72, рис. 3), Волжской Булгарии (Закирова, 1988, с. 230, с. 235, рис. 102, 3) и Прикамья (Белавин, Крыласова, 2008, с. 351-352, рис. 179, 16) и датируются XII – XIII вв. (Рыбина, Розенфельдт, 1997, с. 22).

К украшениям относятся костяные пуговицы округлой формы с одним сквозным центральным отверстием (6 экз.) (рис. 3, 1,3-7). Особый интерес представляет пуговица из погребения 14 могильника Татарская Лака II, лицевая сторона которой была изначально украшена циркульным орнаментом, а позднее на нее были нанесены знаки, подражающие рунической надписи (определение И.Л. Кызласова) $1^{\times} \gamma > \gamma \text{ н}$ (рис. 3, 1). На поверхности одной из пуговиц с Золотаревского поселения имеются треугольники из так называемых «солярных знаков», которые разделены тремя линиями (рис. 3, 3). Некоторые пуговицы украшены только циркульным орнаментом (рис. 3, 7) либо насечками (рис. 3, 5). На лицевую сторону двух пуговиц из могильника Татарская Лака II нанесен циркульный орнамент, а по краю – косые линии (рис. 3, 4,6).

Следует отметить, что все пуговицы, обнаруженные в могильнике Татарская Лака II (рис. 3, 1,4-6), происходят из мужских погребений, где располагались в районе ног покойного, как правило, единично, и лишь в одном случае попарно (рис. 3, 4,5).

Аналогичные изделия имеются в Волжской Булгарии как в домонгольское, так и в золотоордынское время (Закирова, 1988, с. 232, рис. 102, 8,10,15-21; Хузин, 2001, рис. 37, 13, рис. 38, 9), встречаются в Древней Руси (Захаров, 2004, рис. 232, 2-5). Кроме того, одна пуговица обнаружена в кочевническом мужском погребении XIV в. у с. Харьковки Волгоградской области (Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998, с. 142-143, табл. XXVI, 7).

Подобные костяные пуговицы, но инкрустированные медной проволокой, известны из материалов средневекового Смоленска второй пол. XII – нач. XIII в. (Асташова, 1993, с. 76, рис. 7, 7).

К культовым предметам относятся амулеты (2 экз.) (рис. 3, 8,9).

Амулет с Золотаревского городища орнаментирован циркульным орнаментом (рис. 3,8). Такие подвески, по мнению некоторых исследователей,

дователей, являются разделителями четок и появились в Волжской Булгарии в связи с процессом исламизации (*Закирова, 1988, с. 235*). Аналогичные костяные амулеты обнаружены в Болгаре (*Закирова, 1988, рис. 103, 14,15*), Биляре (*Хузин, 2001, рис. 36, 16*), у с. Рождественск (*Белавин, Крыласова, 2008, с.399, рис. 194, 22, рис. 195*). Кроме того, в Биляре найден подобный амулет из янтаря (*Хузин, 2001, рис. 39, 11,12*), а на Лаишевском селище – из свинца, который, по мнению К.А. Руденко, должен быть датирован XII – XIV вв. (*Руденко, 2001, с. 102, рис. 55А-2*).

Во время археологических исследований могильника Татарская Лака II был обнаружен амулет, представляющий собой просверленный зуб животного (рис. 3, 9). Обереги из зубов, когтей и костей зверей и птиц являлись пережитками тотемистических представлений. Они были широко распространены у прибалтийских (*Седов, 1987, табл. II, 11*), поволжских (*Голубева, 1987, табл. XXVII, 4,5*) и прикамских (*Розенфельдт, 1987, табл. LVIII, 10, табл. LXI, 7*) финнов, в Древней Руси (*Голубева, 1997, с. 156-157, табл. 93, 17, 19, 31*), часто их фиксируют в языческих погребениях волжских булгар (*Казаков, 2007, рис. 11А, 1-7*).

На средневековых памятниках Верхнего Посурья и Примокшанья также были обнаружены костяные предметы для игр.

Астрагалы (рис. 4, 1-6) использовались для игры в «бабки» и при гадании (*Петерс, 1986, с. 80*). Во время археологических исследований на Юловском городище были обнаружены астрагалы с просверленными отверстиями для заливки свинцом (рис. 4, 1,3-6) и один – без отверстия, орнаментированный «решеткой» (рис. 4, 2).

Подобные находки встречаются среди материалов XI – XIV вв. памятников Волжской Булгарии (*Закирова, 1988, с. 233, рис. 103, 1-3; Руденко, 2001, с. 103; Казаков, 2007, рис. 52, 13*). В Древней Руси аналогичные астрагалы использовались для игры в «бабки», начиная с X в. (*Рыбина, 1997, с. 114*). Астрагалы с орнаментом в виде «решетки» в большом количестве найдены в Саркеле – Белой Веже (*Флерова, 2001, с. 108-111, с. 232-234, рис. 55-58*).

Интерес представляют металлические имитации астрагалов. Один из них, отлитый из свинцово-оловянного сплава, обнаружен во время археологических исследований золотоордынского г. Мохши (фото 1, 1), а другой изготовлен из чугуна и найден у с. Трофимовки Бессоновского района Пензенской области (фото 1, 2). Свинцово-оловянные отливки бараньих астрагалов известны из кургана XIII – XIV вв. у г. Энгельса (*Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998, с. 110, табл. IV, 21*) и на Измерском I селище, которое функционировало в домонгольское время (*Казаков, 1991, с. 157, рис. 50, 9*).

Возможно, костяное изделие из г. Мохши, представляющее собой многогранник, украшенный зигзагами (рис. 5, 4), также использовалось для игры в «бабки».

Шахматная фигура (рис. 5, 5) из г. Мохши имеет аналогии в Волжской Булгарии сер. XIII – 1 пол. XV в. (Закирова, 1988, с. 233, рис. 103, 9). В Древней Руси они появляются в XII в. (Рыбина, 1997, с. 112-114, табл. 79, 39), но широкое распространение игра в шахматы получает в XIII в. (Рыбина, 1997, с. 114).

Игральные «кости» (рис. 5, 1,2), найденные на территории г. Мохши, имеют аналогии в слое XII в. Смоленска (Асташова, 1993, с. 77, рис. 7, 5). Материалами Саркела – Белой Вежи подобные изделия датируются IX – кон. X в. (Флерова, 2001, с. 107, с. 231-232, рис. 54, 1-6). Известны такие находки с территории Волжской Булгарии (Закирова, 1988, с. 233) и на Царевском городище (XIV в.) (Мыськов, 2002, с. 120, с. 121, рис. 4, 8).

Костяные предметы вооружения и оснащения коня представлены концевой накладкой лука, колчанными петлями, застежками от пут и навершием плети.

Навершие плети шарообразной формы с клювовидным выступом (рис. 2, 8) обнаружено на Юловском городище. Такие предметы были широко распространены в домонгольское время в Волжской Булгарии (Закирова, 1988, с. 230, рис. 100, 11; Хузин, 1985, с. 206, табл. LXIX, 5-8), на Руси (Кирпичников, Медведев, 1985, с. 319, табл. 148, 3-6) и у кочевников Восточной Европы (Федоров-Давыдов, 1966, с. 22, рис. 3, 3).

Концевая фронтальная накладка лука (рис. 2, 2) с вырезом для тетивы имеет аналогии на Билярском городище (в слое X – XI вв.) (Хузин, 1985, с. 132-133, табл. XLV, 2-4), у восточноевропейских кочевников (Федоров-Давыдов, 1966, с. 25, рис. 3, 5) и в Прикамье (Ленц, 2002, рис. 72, 9). По мнению Флеровой, такие детали лука в Белой Веже появляются в конце X в. (Флерова, 2001, с. 45-46, рис. 8, 3). В значительном количестве известны они в Южной Сибири и Центральной Азии, где бытовали до конца I тыс. н.э. (Худяков, 1986, с. 64-65, с. 126-127, с. 139, рис. 21, рис. 37, 1-3, 9, 11, 12, рис. 62, 2,4,7,10).

Колчанные петли представлены двумя типами:

Тип 1. С прямым основанием и волнообразной «спинкой». В центре имеется проем для продевания ремня портупей (рис. 2, 7), по краю которого нанесены насечки, а на концах петли имеется по одному крепежному отверстию. Подобные петли использовались кочевыми и оседлыми народами Восточной Европы, Урала, Казахстана в VI – X вв. и не характерны для кочевников Центральной Азии (Худяков, 1986, с. 173, рис. 75, 4,5). Известны они и в Волжской Булгарии, где датируются XI – XII вв. (Хузин, 1985, с. 136, табл. XLVI, 13).

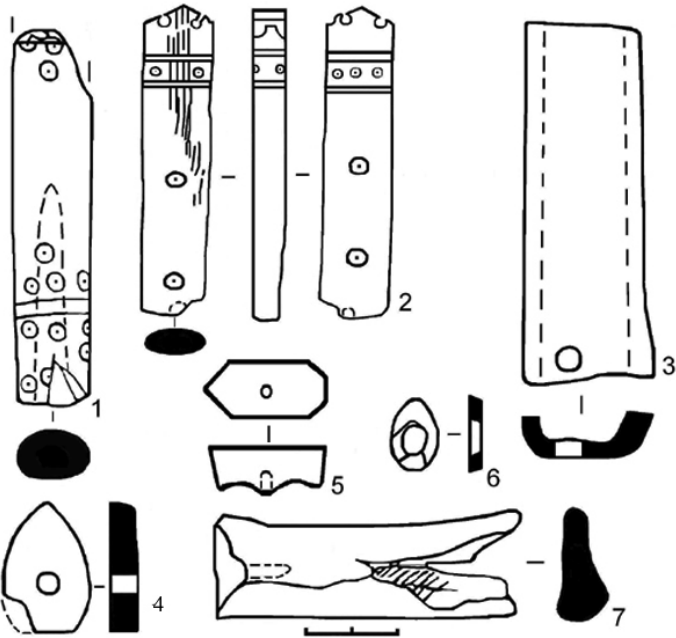

Рис.1

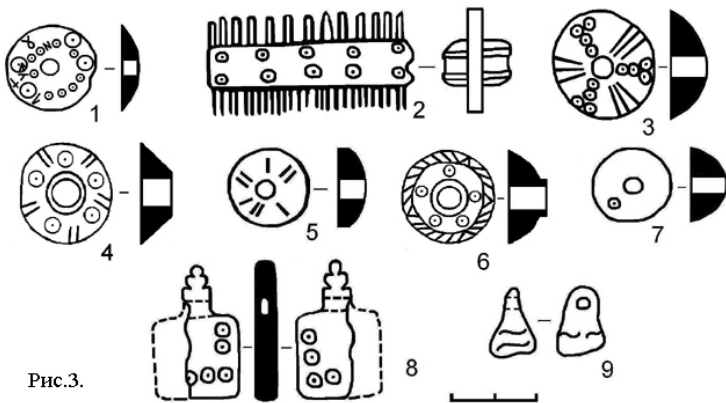

Рис.3.

Рис. 1. Предметы быта из могильника Татарская Лака II (2,5-7), с Никольского селища (4) и Юловского городища (1,3). Все – кость.

Рис. 3. Предметы личной гигиены, культового назначения и украшения из могильника Татарская Лака II (1,4-6,9), с Золотаревского поселения (2,3,7,8). Все – кость.

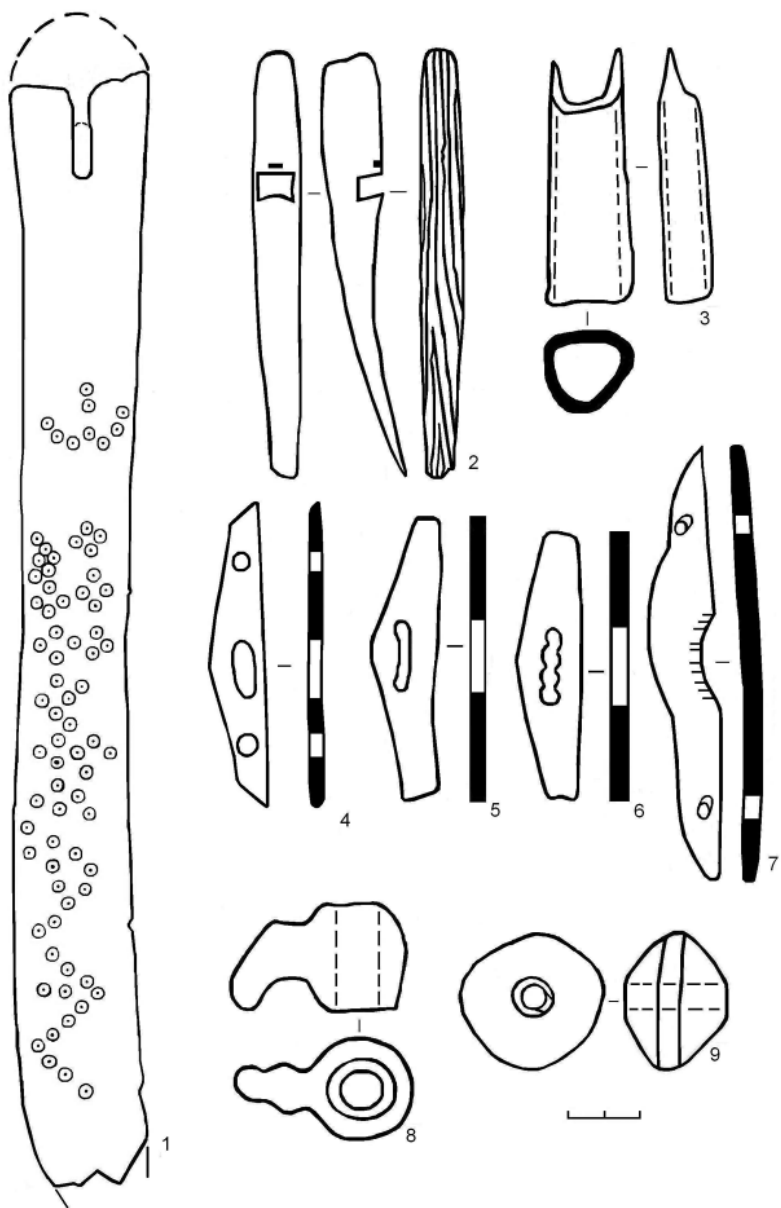

Рис. 2. Предметы быта, вооружения и оснащения коня из могильника Татарская Лака II (4-6,8), с Юловского городища (1-3,7,8). Все – кость.

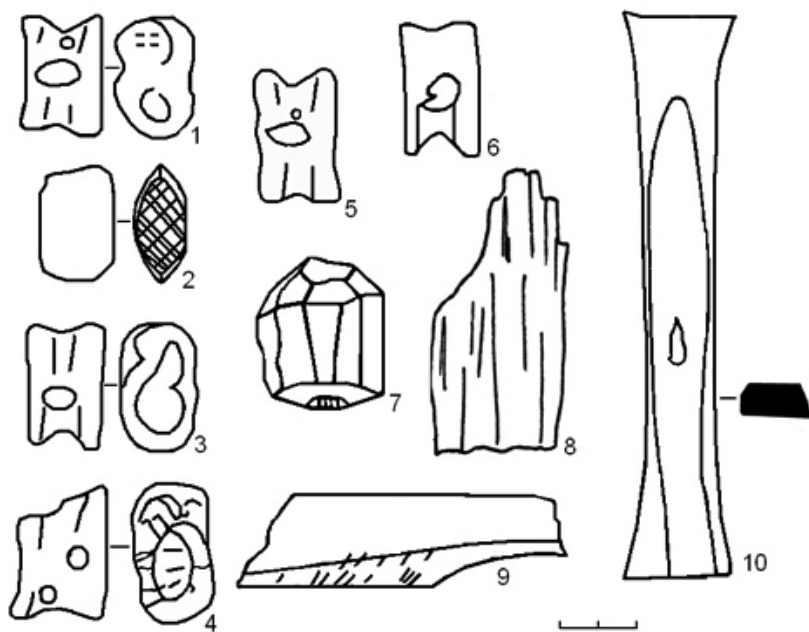

Рис. 4

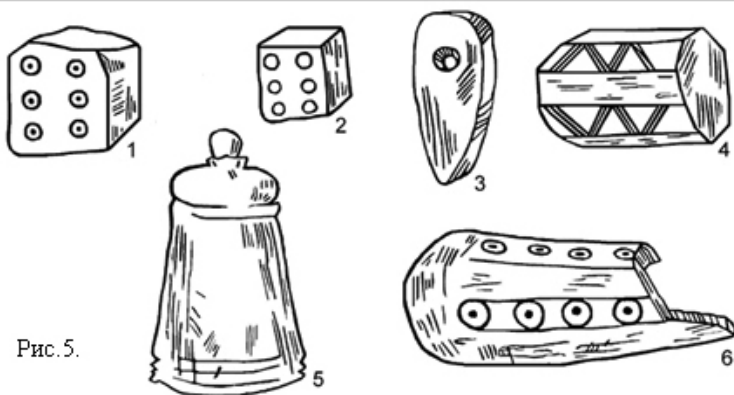

Рис. 5.

Рис. 4. Астралагы и заготовки с Юловского городища. Все – кость.

Рис. 5. Костяные предметы из г. Мохши (по В.И. Лебедеву).

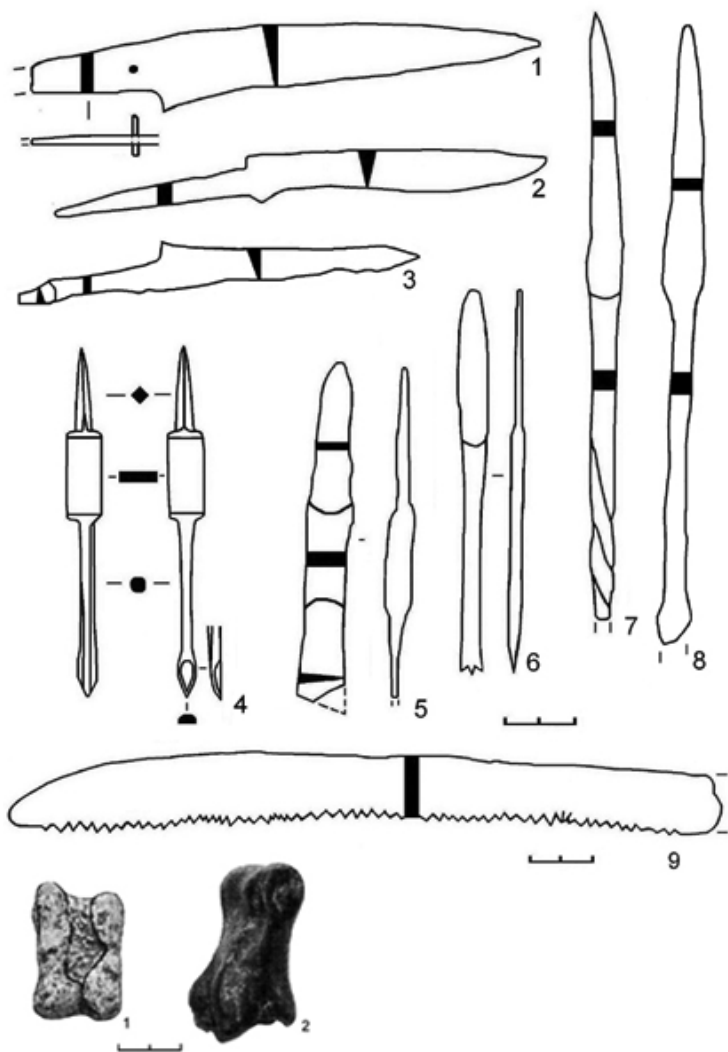

Рис. 6. Инструменты для обработки кости с Золотаревского поселения (2,4,9), Степановского I селища (5,6), селища Балабанов Родник (1,7,8) и могильника Татарская Лака II (3). Все – железо.

Фото 1. Металлические подражания астрагалам. 1 – г. Мохши, свинцово-оловянный сплав; 2 – с. Трофимовка Бессоновского района Пензенской области, чугун.

Тип 2. С прямым основанием и подтреугольной «спинкой». В наиболее широкой части пластины имеется одно большое овальное отверстие, а на концах – по одному круглому для крепления (рис. 2, 4). Аналогии имеются в Волжской Булгарии XI – XII вв. (Смирнов, 1981, рис. 78), у восточноевропейских кочевников (Федоров-Давыдов, с. 31, рис. 2, 4) и в Прикамье (Ленц, 2002, рис. 72, 2). Известны такие колчаные петли также и в Древней Руси, где были обнаружены в слоях XII и XIV вв. (Медведев, 1959, с. 147-148, рис. 11, 5,8). По мнению А.Ф. Медведева, «подобные костяные петли от колчанов очень широко использовались всеми народами Восточной Европы уже с I тыс. н.э.» (Медведев, 1959, с. 148).

Застежки от пут (рис. 2, 5,6) бытовали как в домонгольское, так и в золотоордынское время в Волжской Булгарии (Закирова, 1988, с. 229, рис. 99, 11-13) и у кочевников Поволжья (Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998, с. 86, с. 129, табл. V, 5, табл. VIII, 21-26), а в Западной Сибири (Могильников, 1981, с. 132, рис. 26, 16), в Казахстане и в Средней Азии – в XI – XII вв. (Могильников, 1981а, с. 244, рис. 72, 17).

Предмет округлого сечения со сквозным продольным отверстием, один конец которого заострен и раздвоен (рис. 2, 3) имеет аналогии на Белоозере (Захаров, 2004, рис. 250, 14) и в Суздале (Седова, 1997, с. 70, рис. 13, 19). По мнению М.В. Седовой это изделие является инструментом для нанесения циркульного орнамента (Седова, 1997, с. 70).

Интерес представляют также обнаруженные на Юловском городище заготовки для производства костяных изделий (рис. 4, 5-10).

Кроме костяных изделий на верхнесурских и примокшанских памятниках были обнаружены инструменты, которые могли использоваться косторезами.

Пилой (рис. 6, 9) с толщиной зуба около 2,5 мм кости разделявали на заготовки. Такие орудия применялись и в Древней Руси (Колчин, 1969, с. 211), и в Волжской Болгарии (Закирова, 1988, с. 237).

Ножи (рис. 6, 1-3) по своему функциональному назначению являются специальными, ось черешка у них проходит выше конца лезвия, отличительной их чертой является «горбатая спинка» клинка. По мнению Е.П. Казакова такие ножи могли использоваться как для обработки кости, так и для ornamentации уже готовых изделий (Казаков, 1991, с. 78). Хронологические и территориальные рамки их бытования очень широкие.

Сверла (рис. 6, 4,7,8) имеют конструктивные различия.

По мнению Б.А. Колчина «для развертки больших отверстий (диаметром до 1,5 см) применялись обычные перовидные (рис. 6, 8) и спиральные сверла» (рис. 6, 7), тогда как «для изготовления отверстий

диаметром 0,1 – 0,4 см» использовались сверла с лучковым приводом (рис. 6, 4) (Колчин, 1985, с. 271, табл. 111, 1,2). Лучковое сверло известно из материалов Новгорода XII в. (Колчин, 1985, табл. 111, 2), перовидное и спиральное сверла появились в Древней Руси в X в. (Колчин, 1959, с. 38), имеются в материалах Волжской Болгарии домонгольского времени (Казаков, 1991, с. 49).

Круги с точкой в центре на костяных изделиях можно было вырезать при помощи центрового сверла, обладающего плоским черешком и режущей частью, состоящей из центрального острия и двух боковых (рис. 6, 6). Хотя использовался этот инструмент, как и лучковое и спиральное сверла, очевидно, в основном для сверления сквозных отверстий в кости и древесине. Центровые сверла подобной конструкции применяются в современной деревообрабатывающей промышленности (Крейндлин, 1986, с. 54, рис. 39, 6). Известен инструмент нач. XII в. из новгородских древностей, рабочая часть которого имеет только два острия. По мнению Б.А. Колчина он предназначался для нанесения циркульного орнамента на костяные изделия (Колчин, 1959, с. 67, рис. 53, А). А.П. Бородовский отмечает существование подобного инструмента в Сибири «с эпохи поздней бронзы и до этнографического времени» (Бородовский, 1997, с. 121).

Современные штихели имеют конструкцию, близкую находке со Степановского I селища (рис. 6, 5) (Бреполь, 1982, с. 200, рис. 179). Подобный инструмент известен из Суздаля (Седова, 1997, с. 177, рис. 63, 11). В качестве штихелей, по-видимому, могли применяться также заточенные шилья с рабочей частью (острием) квадратного сечения (Винничек, 2007, с. 273).

Итак, малочисленность рассмотренных в данной работе изделий из кости со средневековых памятников верховий Суры и Мокши позволяет сделать вывод о том, что и в домонгольское, и в золотоордынское время на территории рассматриваемых регионов косторезное дело было развито крайне слабо: лишь на Юловском городище обнаружены заготовки, и очень редко на памятниках встречаются инструменты, позволяющие обрабатывать кость.

Основная часть костяных изделий, вероятно, была завезена из торгово-ремесленных центров Волжской Булгарии и очень ценилась местным населением. Об этом могут свидетельствовать находки костяных пуговиц на Золотаревском поселении в составе кладов серебряных ювелирных украшений.

Необходимо отметить, что наличие костяных пуговиц в погребениях могильника Татарская Лака II, отличает этот памятник от подобных синхронно с ним функционировавших, но расположенных севернее.

Так, например, в 73 погребениях Стародевиченского (*Петербургский, Аксенова, Гришаков, Первушкин, 1990, с. 64-99*) и 150 погребениях Кельгининского (*Беляев, Вихляев, Зеленцова, Шитов, 1998*) могильников пуговицы из кости не обнаружены. В связи с этим особый интерес представляют костяные пуговицы из могильника Татарская Лака II (XI – нач. XIII в.).

В XI в. Верхнее Примокшанье становится территорией Волжской Булгарии. Здесь возникают болгарские наместничества, строятся феодальные замки. Однако, если в Верхнем Посурье процесс колонизации привел к полному исчезновению мордовских поселений (их функционирование завершается в нач. XI в.), то в Верхнем Примокшанье в предмонгольский период наблюдается чересполосное сосуществование болгарских и мордовских памятников. Доминирующий статус болгар при этом, очевидно, оказал влияние на введение некоторых новых элементов в костюм коренного населения. В частности, у местной мордвы таким образом стали применяться болгарские костяные пуговицы, на болгарское происхождение которых косвенно указывает факт подражания рунической надписи.

Обнаруженная в с. Трофимовке Бессоновского района Пензенской области чугунная имитация астрагала свидетельствует о том, что игра в «бабки» в Верхнем Посурье была распространена не только в середине века, но и в XIX – нач. XX в.

Возможно, дальнейшие археологические исследования верхнесурских и примокшанских памятников позволят более четко представить себе уровень косторезного ремесла на территории Пензенского края в средние века.

Примечания

Археология Костромского края. 1997. Под ред. А.Е. Леонтьева. Кострома.

Асташова Н.И. 1993. Костяные изделия средневекового Смоленска // Средневековые древности Восточной Европы // Труды ГИМ. Вып. 82. М.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. 2008. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь.

Белорыбкин Г.Н. 1989. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1988 году. Пенза.

Белорыбкин Г.Н. 1991. Отчет об археологических исследованиях Юловского городища в 1990 году. Пенза.

Белорыбкин Г.Н. 1992. Отчет об археологических исследованиях Юловского городища в 1991 году. Пенза.

Белорыбкин Г.Н. 1995. Городища X – XIII вв. Верхнего Посурья и Примокшанья (материалы к археологической карте) // Страницы истории Волго-Донья. Пенза.

Белорыбкин Г.Н. 2001. Золотаревское поселение. Спб.

Белорыбкин Г.Н. 2003. Отчет об археологических исследованиях могильника «Татарская Лака II» в 2002 году. Пенза.

Беляев Я.В., Вихляев В.И., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. 1998. Кельгининский могильник. Раскопки 1990-х гг. Саранск.

Бородовский А.П. 1997. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск.

Бреполь Э. 1982. Теория и практика ювелирного дела. (Перевод с немецкого В.П. Кузнецова). Л.

Винничек В.А. 2005. Украшения из цветных металлов с территории Степановского I селища // Материалы международной научно-практической конференции «Моя малая Родина». Вып. 2. Степановка.

Винничек В.А. 2007. Ювелирные инструменты и технологии на поселениях Верхнего Посурья домонгольского периода (нач. XI – нач. XIII вв.) // Пензенский археологический сборник. Вып. 1. Пенза.

Винничек В.А., Губанов А.А. 2003. Могильник «Татарская Лака II» в системе средневековых памятников мордвы // Археология восточно-европейской лесостепи. Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Е. Алиховой. Пенза.

Винничек В.А., Киреева К.М. 2008. Археологические исследования поселения Балабанов Родник. (в печати).

Винничек В.А., Сафронов П.И. 2007. Предметы из цветных металлов с золотоордынских поселений Верхнего Посурья // Материалы международной научно-практической конференции «Моя Малая Родина». Степановка – Пенза.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. 1998. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – XV века). Уфа.

Голубева Л.А. 1987. Меря // Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. М.

Голубева Л.А. 1997. Амулеты // Древняя Русь. Культура и быт. М.

Гоняный М.И., Кокорина Н.А., Свирина А.Б. 1993. Гончарный комплекс первой половины XIII в. на поселении Монастырщина 5 // Средневековые древности Восточной Европы // Труды ГИМ. Вып. 82. М.

Давидан О.И. 1966. Староладожские изделия из кости, рога (по раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР) // АСГЭ. Вып. 8. Л. – М.

- Закирова И.А.* 1988. Косторезное дело Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.
- Захаров С.Д.* 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.
- Казаков Е.П.* 1991. Булгарское село X – XIII веков низовий Камы. Казань.
- Казаков Е.П.* 2007. Волжские болгары, угры и финны в IX – XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань.
- Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф.* 1985. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. М.
- Колчин Б.А.* 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // МИА. Вып. 65. М.
- Колчин Б.А.* 1969. Обработка кости // Очерки русской культуры XIII – XV вв. Ч. 1. Материальная культура. М.
- Колчин Б.А.* 1985. Ремесло // Древняя Русь. Город, замок, село. М.
- Крейндлин Л.Н.* 1986. Столярные работы. Учебник для средних ПТУ. М.
- Лебедев В.* 1958. Загадочный город Мохши. Пенза.
- Ленц Г.Т.* 2002. Косторезное производство в Верхнем Прикамье // Очерки археологии Пермского Предуралья. Пермь.
- Медведев А.Ф.* 1959. Оружие Новгорода Великого // МИА. Вып. 65. М.
- Могильников В.А.* 1981. Кимаки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Могильников В.А.* 1981а. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X – XII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Могильников В.А.* 1987. Угры и самодийцы Урала и Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. М.
- Мыськов Е.П.* 2002. Северо-западный пригород Царевского городища // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Труды ГИМ. Вып. 135. М.
- Петербуржский И.А., Аксенова Т.В., Гришаков В.В., Первушкин В.И.* 1990. Стародевиченский могильник // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. Труды, вып. 99. Саранск.
- Петерс Б.Г.* 1986. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Пушкина Т.А.* 1993. Изделия косторезного ремесла из Гнездова // Средневековые древности Восточной Европы // Труды ГИМ. Вып. 82. М.
- Розенфельдт Р.Л.* 1987. Прикамские финны // Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. М.
- Руденко К.А.* 2001. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI – XIV вв. Казань.
- Рыбина Е.А.* 1997. Шашки, «мельница», шахматы // Древняя Русь. Культура и быт. М.

Рыбина Е.А., Розенфельдт Р.Л. 1997. Гребни, расчески // Древняя Русь. Культура и быт. М.

Седов В.В. 1987. Эсты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. М.

Седова М.В. 1997. Суздаль в X – XV веках. М.

Смирнов А.П. 1981. Волжская Болгария // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Федоров-Давыдов Г.А. 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Флерова В.Е. 1996. Домашние промыслы в Саркеле – Белой Веже (по материалам коллекции костяных изделий) // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.

Флерова В.Е. 2001. Резная кость юго-востока Европы: Искусство и ремесло. По материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.

Худяков Ю.С. 1986. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.

Хузин Ф.Ш. 1985. Снаряжение всадника и верхового коня // Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X – XIII вв. М.

Хузин Ф.Ш. 2001. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань.

Шарифуллин Р.Ф. 1985. Инструменты ремесленников // Культура Биляра. булгарские орудия труда и оружие X – XIII вв. М.

Г.Н. Белорыбкин (Пенза)

СУРСКИЕ ЗЕМЛИ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ

Детальный анализ материальной культуры памятников с красно-коричневой гончарной посудой (ККГП) позволяет определить общий уровень развития культуры.

Несмотря на то, что материальные остатки свидетельствуют в первую очередь об экономическом развитии, они позволяют косвенно судить и о социальной структуре общества, о влиянии различных культур и их взаимоотношениях между собой. Привлечение ряда дополнительных материалов дает более полную информацию о различных видах ремесел, отраслях производства, специализации и технологических особенностях, что позволяет в целом выделить особенности характерные для памятников с ККГП.

Сельское хозяйство достигло высокого для XI-XIII вв. уровня развития. Можно говорить о существовании пахотного земледелия с применением тяжелого плуга возможно с колесным передком, о чем свидетельствуют находки лемехов от плуга, чересла.

Косвенно об этом свидетельствуют и остатки злаков, в виде обгоревших или спекшихся кучек зерна, практически без сорных семян. Возделываемые культуры были весьма разнообразны – овес, рожь, ячмень, просо, горох, чечевица, но основными злаками были пшеница-двузернянка (полба) и пшеница мягкая (*Полесских, 1971.–С.206*).

При уборке урожая пользовались серпами, довольно развитых форм. Для хранения зерна сооружались специальные ямы или амбары, где зерно хранили в больших горшках или корчагах. Для переработки зерна пользовались ручными мельницами в виде каменных дисков значительных размеров.

В целом система земледелия аналогична болгарской, достигшей высокого уровня развития в Восточной Европе (*Краснов, 1987; Халиков, 1978*) и сравнение с ней позволяет предположить, что здесь использовался болгарский тяжелый однолемешный «сабан». Переложная система позволяла использовать участок в среднем 4-5 лет, после чего он забрасывался.

Также близки болгарским серпы, мельницы и состав возделываемых культур (*Исследования 1976*).

Вслед за земледелием важное место в хозяйстве занимало животноводство, о чем свидетельствуют многочисленные находки костей. К настоящему времени остеологический материал изучен лишь по городищам, поэтому мы можем говорить лишь о товарном стаде. Что касается сельского стада, то о нем можем судить лишь на основании косвенных свидетельств.

Как показал анализ костей, проведенный А.Г.Петренко, среди них преобладают кости домашних животных, что указывает на ведущую роль животноводства по сравнению с охотой (*Белорыбкин, 1986*).

Стадо состояло из крупного и мелкого рогатого скота (коровы, овцы, козы), а также лошадей. Практически отсутствовала в составе стада свинья. Животные шли в основном на еду; на Золотаревском городище – это в основном лошади и коровы (*Полесских, 1971; Белорыбкин, 2001*), а на Юловском городище – коровы, овцы и домашняя птица (*Белорыбкин, 1986*). Домашние животные использовались и в качестве тягловой силы при вспашке земли и перевозках. Кроме того, лошадь применялась для верховой езды, о чем свидетельствуют находки деталей конской сбруи.

Особенности климата и природы края требовали стойлового содержания скота, о чем свидетельствуют, например, находки кос для заготовки сена.

Важным подспорьем в хозяйстве являлись и промыслы. Судя по материальным остаткам можно выделить такие промыслы, как охота, рыболовство и бортничество.

Об охоте говорят находки костей бобра, медведя, и особенно часто лося. Возможно для охоты делали и костяные наконечники стрел. В целом же арсенал охотничьих средств был гораздо больше (силки, капканы, ловушки и т.д.), которые делались из дерева и жил и потому не сохранились. Тем более, что в Сурских лесах издавна водились лисы, волки, горностаи, зайцы, косули, кабаны и птицы (*Гурылева, Роцин, 1971*).

Вероятно, лес давал не только мясо и пушнину, но и грибы, ягоды, а также мед, свидетельством чего могут служить находки воска. На это указывает также и то обстоятельство, что бортничество было сильно развито и у мордвы, граничившей с местным населением (*Смирнов, 1895*).

Еще одним промыслом, известным нам по археологическим данным, является рыболовство. Рыбу ловили удочками, о чем свидетельствуют крючки с радиусом изгиба не менее 1 см, также жерлицами, донками и закидушками, судя по крючкам с радиусом изгиба более 1 см. Основной же лов рыбы вели, вероятно, сетями, однако они не сохраняются, но есть челнок для плетения сетей. Это можно предположить также из того, что большинство поселений расположено по берегам рек и речушек, а это в свою очередь свидетельствует о наличии лодок и других плавсредств для сообщения между поселениями. О существовании лодок косвенно может свидетельствовать и находка наконечника трехзубой остроги. Острога применялись на крупную рыбу, лов которой мог осуществляться с суши и с лодки. Рыба была довольно крупных размеров, о чем свидетельствуют находки костей рыб. Причем преобладала в то время, как показали результаты исследования костных останков рыб Древней Руси и Волжской Болгарии (*Древняя Русь, 1985. С.230*), рыбы семейства осетровых, сомовых, лососевых и шуковых. Водились также рыбы семейства карповых, окуневых, тресковых.

В то время как на Руси и в Волжской Болгарии рыболовство превратилось в самостоятельный промысел, здесь оно находилось еще в начальной стадии, т.к. находки орудий рыболовства весьма редки.

Наряду с сельским хозяйством высокого развития достигли и ремесла, представленные на памятниках с ККГП особенно широко, как орудиями ремесла, так и их изделиями. Ремесленники возводили города и строили деревни, добывали металл, ковали оружие, изготавливали одежду и обувь, выделывали ювелирные изделия и т.д. Основная часть ремесленников работала на удовлетворение внутренних нужд села, но уже развивается и ремесленное производство для свободной продажи. Ремесленные изделия зачастую становятся серийными и стандартными. Это такие ремесла как металлообрабатывающее, гончарное, деревообрабатывающее, прядение и ткачество, косторезное. Большинство

из них представлены деталями, которые все же позволяют представить и более общую картину.

Развитию черной металлургии способствовало обилие в крае болотных руд. Техника производства состояла в прямом восстановлении железной руды в металлическое железо, а при производстве в насыщении железа углеродом. Это т.н. сыродутный способ производства. Железо выплавляли в горнах, о чем свидетельствуют находки сопел и крупные куски шлака, а затем проковывали для вытеснения из железа остатков шлака. Основная часть орудий производства и изделий сделана именно из такого железа. Однако как показывают результаты металлографического анализа уже довольно широко было распространено производство стали и стальных изделий. Причем известны, как и цельностальные изделия, так и составные с железной основой. Из железа изготавливали гвозди, ножи, оружие, конскую сбрую, топоры, лемехи и многое другое. Большинство железных изделий представляют, как правило, лишь деталь орудия труда, производства или оружия. Основа же большинства предметов состояла из дерева.

Дерево было основным поделочным материалом. Из него строили дома и оборонительные укрепления, хозяйственные постройки, лодки, орудия труда, инструменты, посуду, мебель и многое другое. Однако древесина, как правило, не сохраняется в земле длительное время, и поэтому мы можем судить о деревообрабатывающих ремеслах лишь косвенно. Так известно большое количество инструментов, использовавшихся для рубки леса и обработки бревен. Из бревен сооружались дома. Для крепления деревянных конструкций и изделий пользовались скобами и гвоздями. Дерево обрабатывали топорами, строгали скобелями и делали ведра, бочки, лодки и т.п. Из дерева выстругивали ложки, чашки, тарелки, пользуясь ножами, ложками. Как правило, деревянные изделия были комбинированными, т.е. соединялись с железными, костяными или медными деталями.

Большое место среди ремесел занимала обработка цветных металлов, из которых изготавливали различные украшения, детали посуды, конской сбруи, предметов вооружения и др. Собственных запасов цветных металлов Пензенская область не имеет, и поэтому его ввозили вероятнее всего из центральных районов Волжской Болгарии. Медь и серебро шли в основном в виде слитков и полуфабрикатов. Здесь уже плавляли в тиглях и отливали нужные изделия. Для механической обработки пользовались специальными молоточками, пинцетами. Из меди делали пластинки, проволоку, из серебра – проволоку. Кроме этого делали и объемные вещи. Для изготовления плоских пластин пользовались наковальнями и молотками. Сложнее было производство про-

волоки, которую изготавливали путем волочения. Судя по имеющимся изделиям из цветных металлов ремесленники использовали еще такие механические операции как чеканка и гравировка.

Другой важной отраслью ремесленного производства было прядение и ткачество. Основным сырьем для них служила шерсть, лен, конопля. На пензенских памятниках от веретена для прядения остались многочисленные пряслица, сделанные из глины и камня (шифера). Причем глиняные пряслица старались сделать как можно более красивыми. Прядением и ткачеством занимались почти в каждом доме, то есть, вероятно, оно находилось еще на стадии домашнего ремесла.

Находки на поселениях говорят и о развитии косторезного дела, о чем свидетельствуют многочисленные обрезки костей, а также костяные изделия и полуфабрикаты. Среди изделий – различные гребни, накладки, петли, ручки. Для их изготовления пользовались ножами, пилами, циркулярными резцами, сверлами. Для пропила зубьев пользовались очень тонкими пилками до 0,3 мм толщиной. Большинство костяных изделий полировалось. Однако в целом косторезное ремесло было развито слабо, так как косторезные изделия редки.

Также слабо развито стеклоделие и обработка драгоценных камней. Из них делались различные бусы. Причем часто с различными эффектами: перекал стекла или кривое внутреннее отверстие.

Наиболее развитой отраслью ремесла было гончарное. Этому способствовало наличие качественных глин на территории Пензенской области, а также технологические приемы как свои, так и перенятые у болгар. Для изготовления посуды применялся гончарный круг, как легкого, так и тяжелого типа. Из глины делали разнообразную посуду, детские игрушки, кирпичи, пряслица. А также специальную посуду – светильники, корчаги, детские горшки. Основная часть посуды стандартизирована как по форме, так и по приемам обработки. Это, прежде всего кувшины, миски и горшки. Вся посуда обмазывалась сверху тонким слоем красной глины, и поверхность покрывалась лощением. Обжигали посуду в двухъярусных горнах весьма совершенной конструкции в окислительном режиме, отчего она приобретала красно-коричневые цвета. Кроме посуды и горнов остались также и многочисленные приспособления, как для горнов, так и для обработки поверхности. Техника гончарного ремесла во многом схожа с болгарской и вполне вероятно, что именно оттуда были заимствованы многие детали гончарного производства. Наряду с гончарной керамикой продолжала существовать и лепная, особенно таких форм как горшки и сковороды. О высоком уровне развития гончарного ремесла свидетельствует и тот факт, что посуда становится постепенно хорошо обожженной, без

прослоек в стенках. Большое место в производстве гончаров занимает производство крупных форм посуды – корчаги, большие горшки, которые использовались в хозяйстве и торговле.

Торговля имела значительную роль в экономическом развитии местного населения. Она способствовала возникновению новых поселений, расцвету старых, взаимопроникновению культурных традиций. К сожалению, основная часть торгового оборота (продукты, меха, мед и др.) археологически неуловима, и поэтому о ней можно судить лишь косвенно. Сыпучие вещества (зерно, специи и др.) перевозились в больших горшках и корчагах, которые так часто встречаются на памятниках с ККГП. Большое место в торговле занимали ремесленные изделия и полуфабрикаты.

Большую группу импорта составляют шиферные пряслица. Вместе с товаром перенимались технические навыки их изготовления и культурные традиции, особенно активно внедрялись достижения болгар, как в сельском хозяйстве, так в ремеслах и строительстве, что нивелировало культурные особенности в Сурской группе памятников.

Сравнивая уровень экономического развития хозяйства памятников с ККГП с уровнем развития болгар, мордвы, древнерусских племен можно сделать вывод, что по экономическому развитию местное население стояло выше мордвы, но не достигло уровня болгар и русских.

В соответствии с этим можно представить и уровень социального развития, достигнутый в XIII в. Если у мордвы шел процесс разложения родовой общины и складывание классовых отношений, то на Руси и в Волжской Болгарии существовали уже развитые феодальные отношения с сильной центральной властью, подчинявшей себе местных князей и знать, а также различные в этническом плане племена.

Учитывая промежуточное экономическое положение населения памятников с ККГП, можно предположить, что у них сложились классы феодалов и зависимого крестьянства, а следовательно возникли политические организации для закрепления классовых различий. Однако, вряд ли они достигли такого уровня как на Руси и в Волжской Болгарии. Археологические материалы говорят, скорее всего, о политической, экономической и культурной зависимости от Волжской Болгарии. Учитывая, что памятники с ККГП расположены несколько обособленно в территориальном плане, можно предположить, что они составляли отдельное княжество (*Белорыбкин, 2003*).

О развитых отношениях свидетельствуют и остатки многочисленных городищ, особенно расположенные во внутренних районах, предназначенные не столько для обороны от внешнего врага (хотя при

случае они выполняли и эту функцию), сколько для защиты богатств от своих же соплеменников. Феодалы имеют многочисленные укрепления на небольшой площади, например. Золотаревское, Сундровское городища. Рядовое население жило преимущественно на открытых поселениях, расположенных или возле замка (Селиксенские памятники) или отдельно (Кижеватовские селища), а функцию охраны взяли на себя воинские отряды, расположившиеся в пограничных крепостях.

Политическое влияние сопровождалось, как правило, и религиозным, поэтому можно предполагать проникновение на территорию памятников с ККГП мусульманства из Волжской Болгарии. Отсутствие могильников возле поселений не дает прямого подтверждения проникновения мусульманства, но есть косвенные свидетельства. Например, отсутствие костей свиньи, весьма показательного признака.

В то же время, учитывая близость мордовских памятников, которые иногда встречаются и на территории Вадинской группы памятников с ККГП, нельзя отрицать и существование языческих культов. Это относится, прежде всего, к мордве, живущей на поселениях с ККГП и той части населения, которая не приняла мусульманства и дальше сохранила свои культурные традиции.

Литература:

Белорыбкин Г.Н. 1986. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1985 г. // Архив ИА РАН.

Белорыбкин Г.Н. 2001. Золотаревское поселение. – Пенза.

Белорыбкин Г.Н., 2003. Западное Поволжье в средние века. Пенза.

Гурылева Г.М., Роцин В.Е. 1971. К вопросу об ихтиофауне бассейна Суры от истоков до Пензы // Вопросы географии Пензенской области и методики географии. – Л. – Вып.3.

Древняя Русь, 1985. Древняя Русь. Город. Замок. Село / Археология. – М.

Исследования 1976. Исследования Великого города. – М.

Краснов Ю.А. 1987. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. – М.

Полесских М.Р. 1971. Исследование памятников типа Золотаревского городища // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья // АЭТ. – Казань. – Вып.1.

Смирнов И.Н. 1895. Мордва. – Казань.

Халиков А.Х. 1978. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. – Казань.

ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩЕЕ РЕМЕСЛО НАСЕЛЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ С КРАСНО-КОРИЧНЕВОЙ КРУГОВОЙ ПОСУДОЙ ВЕРХНЕГО ПОСУРЬЯ И ПРИМОКШАНЯ XII – XIV ВВ.

Для реконструкции деревообрабатывающего ремесла Верхнего Посурья и Примокшанья XI – XIV вв. служат находки инструментов. Число таких находок велико, и они известны почти на многих памятниках, что говорит о том, что деревообрабатывающее ремесло имело большое значение для местного населения. Здесь мы постараемся выяснить то, как шло развитие деревообрабатывающего ремесла. Для этого необходимо провести сопоставительный анализ форм деревообрабатывающих орудий домонгольских памятников с орудиями памятников золотоордынского времени. Для этого необходимо создать типологию каждой категории предметов.

Деревообрабатывающие инструменты домонгольских археологических памятников Верхнего Посурья и Примокшанья (XII – начало XIII вв.) описываются далее.

Топоры универсальные. Насчитывают до 30 экз., делятся на типы.

Тип I (4 экз.) имеет округлый обух и круглый проух. Лезвие опущенное, несколько скошено вовнутрь. Характерной чертой данного типа является пара щековиц со стороны древка. Г.Н.Белорыбкин соотносит этот тип топоров с находками с мордовских могильников VIII – XI вв. Этот тип топоров был встречен на Золотаревском поселении (*Белорыбкин, 2001а. С.85*), в районе города Мохши (1 экз.) и на Старосотенском могильнике.

Тип II (13 экз.) объединяет топоры с округлым обухом, и круглым проухом. Этот тип отличается двумя парами щековиц – с внутренней и с наружной стороны. Лезвие опущенное. Этот тип топоров был представлен на Стародевиченском могильнике, датируемом XI – XIII вв. (*Петербургский и др., 1990. С.67, 70, Белорыбкин, 2001а. С.85*) и был распространен в Верхнем Посурье и Примокшанье, в том числе на Золотаревском поселении X-XIII вв. И.М.Петербургский датировал этот тип топоров VIII – XI вв. (*Белорыбкин, 2001а, С.85*). Употреблялся он и на Руси – в X – XI вв. (*Археология СССР, 1985. С.255*). Этот тип топоров был встречен в районе Наровчатского городища (2 экз.) и Скановского селища (2 экз.).

Тип III (5 экз.) имеет молотообразный обух и рабочую часть в виде вытянутого треугольника. На обухе две пары щековиц. Этот тип встречен на Наровчатском городище (1 экз.) и на Золотаревском поселении (4 экз.) (*Белорыбкин, 2001а. С.85*). Еще один похожий экземпляр был

встречен на Юловском городище, но так как от него сохранился только молотообразный обух, судить о том, к какому типу относился этот топор затруднительно. И.Л.Измайлов и Г.Н.Белорыбкин датируют этот тип IX – XII вв., на памятниках болгарского типа Верхнего Посурья и Примокшанья этот тип, очевидно, употреблялся вплоть до монгольского нашествия. Топор этого типа встречен в составе клада железных изделий на Золотаревском III селище (*Белорыбкин, 2003а. С. 85, 413*).

Тип IV (7 экз.) имеет округлый обух с двумя парами щековиц и широколезвийный боек, оттянутый к топоричу. Отношение длины лезвия к общей высоте изделия, колеблется в пределах 38–62%. Топоры этого типа были найдены на Золотаревском поселении, на Никольском селище и на Наровчатском городище. Эти топоры близки к болгарским и русским топорам XI – XII вв. На Руси топоры с выемкой, опущенным лезвием, проухом и с разным количеством щековиц употреблялись в течение длительного времени, и были широко распространены в X – начале XIII вв. (*Археология СССР, 1985. С.255*). У мордвы эти топоры применялись в XI – XIV вв. (*Белорыбкин, 2001а. С.85*). Этот тип топоров бытовал в Верхнем Посурье и Примокшанье и в домонгольское, и в золотоордынское время.

Тип V (3 экз.) характеризуется оттянутым бойком с выемкой, уплощенным обухом с длинным лезвием. Отношение длины лезвия к общей высоте изделия близко 80%. Топоры этого типа встречены на Золотаревском поселении. Этот тип топоров датируется IX – XIII вв. (*Белорыбкин, 2001а. С.85*). В золотоордынское время он исчезает.

Тип VI представлен одной находкой с Золотаревского городища. От топоров типа IV отличается уплощенным обухом. Датировка этого типа затруднена (*Белорыбкин, 2001а. С.85*).

В XII – начале XIII вв. населением памятников болгарского типа Верхнего Посурья и Примокшанья употреблялись не менее шести типов топоров. Наиболее широко были распространены тип II (14 экз.) и тип IV (9 экз.). Самые малочисленные – тип I и тип VI (оба представлены только одним экземпляром). Наиболее архаичны тип I и тип II. (VIII – XI вв.). В Восточной Европе тип II появился в середине I тысячелетия н.э., встречался на мордовских памятниках (в частности на Стародевиченском могильнике XI – XIII вв.), некоторое время (X – XI вв.) употреблялся на Руси. Тип III датируется IX – XII вв., тип V – IX – XIII вв. Тип IV датируется XI – XIV вв.

Таким образом, на памятниках болгарского типа Верхнего Посурья и Примокшанья из всех типов топоров только один (IV) пережил монголо-татарское нашествие и был встречен на Никольском селище и Наровчатском городище.

Тесла. Эта категория инструментов предназначалась для выдалбливания пазов и углублений в деревянных предметах. Тесла могли быть проушными или втульчатыми. Рабочая часть оформлялась в виде подтреугольной или подпрямоугольной лопасти. На памятниках болгарского типа Верхнего Посурья и Примокшанья домонгольского времени известно не менее 19 находок втульчатых тесел (16 экз. с Золотаревского поселения и 3 экз. с Юловского городища) и только одна находка проушного тесла с лопастью в виде вытянутого равнобедренного треугольника на Золотаревском поселении в составе одного из кладов. Общая длина этого изделия 17,9 см при высоте лопасти 12,3 см. Режущая кромка лезвия 7,1 см (40% от общей длины). Проух тесла сработан в виде трубки длиной около 5 см. Обух имеет округлую форму, проух также круглый, диаметром 3,6 см. Такой тип имеет широкой круг аналогий по всей Восточной Европе (*Археология СССР, 1985. С.256*).

Втульчатые тесла подразделяются на типы.

Тип 1. (6 экз.) объединяет тесла с разомкнутой втулкой овального сечения и п-образным сечением лезвия, так что края лезвия отогнуты в сторону древка. Между лопастью и втулкой не прослеживается резкого порожка. Общая высота изделий колеблется от 7,1 до 12,5 см, отношение длин режущей кромки лезвия к общей высоте колеблется в пределах от 30 до 71%.

Тип 2. (2 экз.) близок типу 1, однако отличается от него тем, что края режущей кромки лезвия отогнуты не к древцу, а в противоположную от него сторону. Этот тип был встречен только на Золотаревском поселении. Общая длина этих находок составляет 8,7 и 8,8 см, отношение длины режущей кромки лезвия к общей высоте составляет 54 и 67%.

Тип 3. (5 экз.) отличается от прежде описанных изделий прямым лезвием. Общая длина колеблется в пределах от 7,3 до 10,9 см. Отношение длины режущей кромки лезвия к общей высоте от 40 до 78%.

Тип 4. (2 экз.) отличается от предыдущего типа наличием резкого порожка с внутренней стороны между лопастью и втулкой. Встречен на Золотаревском поселении. Общая высота колеблется от 9 до 12,7 см, при отношении длины режущей кромки лезвия к общей высоте изделия соответственно 39 и 58%.

Тип 5. (2 экз.) отличается от типа 3 характерным квадратным сечением втулки. Общая высота колеблется от 7 до 10 см. Отношение длины режущей кромки лезвия к общей длине изделия составляет соответственно 68 и 75%.

Тип 6. (2 экз.) характеризуется сомкнутой втулкой овального сечения при полулунном сечении лезвия. Высота изделий от 10,1 до 16,3 см.

Отношение длины режущей кромки лезвия составляет 25-26%. Один из экземпляров был обнаружен на Золотаревском поселении, второй – на Юловском городище.

Различные типы втульчатых тесел были широко распространены на территории всей Восточной Европы на протяжении всего средневековья.

Фрагмент полотна пилы. Обнаружен на Золотаревском поселении (Инв. № 3.г. 2005/ 435). Высота полотна составляет 2,5 см при сохранившейся длине 3 см. Зубья имеют форму равнобедренных треугольников высотой 2,2 мм при ширине около 2 мм. Судя по тому, что плотно имело постоянную толщину, оно принадлежало ножовке, а не лучковой пиле. Ножовки широко применялись в столярном и плотницком ремесле по всей Восточной Европе, по меньшей мере, с середины X века (*Археология СССР, 1985. С.256*).

Пешни. Эта категория предметов отождествляется некоторыми исследователями с долотами (*Петербургский и др., 1990. С.67*), другими – с теслами (*Белорыбкин, 2001а. С.89*). Это втульчатые (втулка имеет квадратное сечение) инструменты, с короткой массивной вытянуто-прямоугольной рабочей частью и прямым лезвием. 2 экз. встречены на Золотаревском поселении.

Общая длина находок 271 и 247 мм при длине рабочей части 111 и 82 мм. В одном случае длина режущей кромки лезвия составляет 37, в другом – 25 мм. Эти пешни находят аналогии на мордовском Стародевиченском могильнике X – XIII вв. (*Петербургский и др., 1990. С.67*), на Кельгинском могильнике, могильнике Заречное II, Мордовско-Паркинском могильнике (XI – XIII вв.), могильниках Татарская Лака II и Красное I (XII – XIII вв.), Старосотенском могильнике (XII – XIII вв.), Гагинском могильнике (XIV в.) и Чернозерском могильнике (XIV – XV вв.) (*Белорыбкин, 2003а. Табл.12-13*).

Долота. Предназначались для выдалбливания узких пазов в дереве. Рабочая часть оформлялась в виде приостренных стержней с прямоугольным сечением. На Золотаревском поселении обнаружено 7 экз. и 1 экз. обнаружен на Юловском городище. Все долота домонгольского времени имеют цельнометаллическую ручку. Долота подразделяются на типы.

Тип 1. с овальным или круглым сечением стержня рукоятки (7 экз.) Общая высота изделия от 122 до 257 мм. Отношение длины режущей кромки лезвия к общей длине от 3 до 9%.

Тип 2. (3 экз.) с квадратным или прямоугольным сечением рукоятки. Общая высота колеблется от 160 до 202 мм. Отношение длины режущей кромки лезвия к общей длине изделия колеблется от 3 до 7%.

Гвозди. Были встречены на Садовском и Юловском городищах, и на Золотаревском поселении. Всего на домонгольских памятниках известно не менее 70 находок гвоздей. Домонгольские гвозди памятников болгарского типа делятся на два отдела:

Отдел А. с боковым положением шляпки. Этот отдел включает только один тип (А1, объединяет 12 гвоздей (17% от общего числа)) с боковым положением шляпки прямоугольной или квадратной формы. Общая длина колеблется от 42 до 130 мм при средней величине 70 мм.

Отдел Б. с верхним положением шляпки.

Тип Б1. (33 экз. (47% от общего числа)) объединяет гвозди с округлой или овальной шляпкой и стержнем с прямоугольным или квадратным сечением. Общая длина от 26 до 116 мм при средней величине 74 мм.

Тип Б2. (26 экз. (24% от общего числа)) с прямоугольной шляпкой. Общая длина от 17 до 122 мм при средней высоте 67 мм.

Тип Б3. (8 экз. (12% от общего числа)) с квадратной шляпкой. Общая длина от 18 до 95 мм при средней величине 55 мм.

Тип Б4. (1 экз.) с конической формой шляпки, имеет общую длину 28 мм.

Деревообрабатывающие инструменты с золотоордынских памятников Верхнего Посурья и Примокшанья (вторая половина XIII – XIV вв.) описываются ниже.

Топоры универсальные. Наша типология топоров золотоордынского времени продолжает типологию домонгольской эпохи.

Тип IV. (2 экз.) прежде описанный, встречался и в домонгольское время, обнаружен также на Наровчатском городище и на Никольском селище.

Тип VII. (2 экз.) объединяет топоры с бойком без выемки и подтреугольной формой проуха. Этот тип имеет выступы в верхней и нижней частях обуха со стороны рукояти. Тип VII близок утяжеленному варианту типа 3 по А.А.Спицыну (*Археология СССР, 1985. С. 255*). Этот вариант появился в конце XIV века. Сохранившийся топор близок аналогу из Московского Кремля, который датируется XV веком (*Завьялов и др., 2007. Табл. 6. Рис. 24*) и находкам с Пожегского городища на Средней Выми XII – XIV вв. (*Археология Республики Коми, 1997. С. 662, 671. Рис. 12:3*).

Тип VIII (1 экз.) имеет округлый обух без щековиц, и треугольную рабочую часть. Этот тип близок облегченному варианту типа 3 по А.А.Спицыну, и датируется XIII веком (*Археология СССР, 1985. С. 255*).

Два типа топоров – VII-й и VIII-й относятся к золотоордынскому времени. Тип IV бытовал и в домонгольское время, что может говорить

о генетической связи между ремесленными традициями памятников Верхнего Посурья и Примокшанья домонгольского и золотоордынского времени.

Тесла. На Наровчатском городище встречено два проушных тесла. Первое тесло (Инв. № ПАМ 10/ 61) весьма массивно. Общая длина не менее 19,5 см. Проух имеет треугольную форму. В верхней и нижней части проуха со стороны рукоятки имеются выступы. Лопасть посередине изгибается назад под углом 145°. Сечение верхней половины рабочей части прямоугольное. Нижняя часть лопасти имеет дугообразное сечение. Весьма близко по пропорциям теслу с городища Родень (XII в.) (*Археология СССР, 1985. С.256. Табл. 98:10*). Второе тесло (Инв. № НКМ/ 3463/ 2) имеет общую длину 156 мм. Проух овальный. Рабочая часть вытянутая, имеет характерный коленчатый изгиб. Длина лезвия 2 см, ширина лопасти у проуха 3,5 см. Сечение лопасти подпрямоугольное. Этот предмет напоминает находку с Серенского городища (Мещовский район Калужской области) XII – XVI вв.

На Никольском селище (XIII – XIV вв.) встречены втульчатые тесла (4 экз.), которые находят аналоги на домонгольских памятниках. Два тесла соответствуют типу 4, однако в золотоордынское время втульчатые тесла этого типа имеют тенденцию к увеличению, а лопасти тесел – к расширению. Одно тесло соответствует типу 3 и одно типу 1.

Гвозди. Типология гвоздей золотоордынского времени является продолжением типологии гвоздей домонгольского времени. Все гвозди, включенные нами в типологию, найдены на Наровчатском городище.

Отдел А. с боковым положением шляпки (34 экз. (30,6% от общего числа)) Внутри отдела можно выделить типы, в зависимости от форм шляпки.

Тип А1. с прямоугольной шляпкой (21 экз. (21,5% от общего числа)). Длина от 41 до 155 мм при средней величине 64 мм.

Тип А2. с подтреугольной шляпкой (10 экз. (10,2% от общего числа)). Длина 31-89 мм при средней величине 77 мм.

Тип А3. с трапецевидной формой шляпки (3 экз. (3,1% от общего числа)). Из них полностью сохранился один, длиной 81 мм.

Отдел Б. с верхним положением шляпки (63 экз. (56,7% от общего числа)). В зависимости от формы шляпки отдел можно подразделить на типы.

Тип Б1. с округлой или овальной шляпкой (9 экз. (9,2% от общего числа)) при средней величине 60 мм.

Тип Б2. с прямоугольными шляпками (8 экз. (8,2% от общего числа)). Длина от 42 до 83 мм при средней величине 60 мм.

Тип Б3. с квадратной формой шляпки (12 экз. (12,3% от общего числа)). Длина от 24 до 126 мм при средней величине 73 мм.

Тип Б5. со шляпками полусферической формы (35 экз., 35,5% от общего числа). Длина от 45 до 101 мм при средней величине 76 мм.

Скобелки. Эта категория инструментов применялась для обработки внутренней поверхности полостей деревянных изделий, в частности в бондарном ремесле (*Археология СССР, 1985. С.257*). На Наровчатском городище обнаружено два железных скобелка. Первый скобелок (Инв. № НКМ/ Нар. 61/ 278) имел общую длину не менее 11 см. Ручка не сохранилась. Наибольшая ширина дуги составляла 7,5 см. Один из краев дуги приострен. Ширина клинка постоянна – 4 см. Второй скобелок (Инв. № ПАМ 10/ 1) имел общую длину 10 см, при наибольшей ширине дуги 5 см. Предмет имел небольшую ручку с овальным сечением.

Долота. На золотоордынских памятниках Верхнего Посурья было встречено два втульчатых долота. Одно долото обнаружено на Никольском селище. Общая его длина 24,3 см при длине втулки 10 см. Наибольший диаметр втулки 43 мм. Кромка лезвия имеет длину 18 мм. Другое долото обнаружено на Саловском селище. Общая длина его составляет 19,8 см, длина втулки 10,5 см, максимальный диаметр втулки 3,8 см. Длина кромки лезвия 18 мм.

В золотоордынское время изменяется состав деревообрабатывающего инструментария. И в домонгольское и в золотоордынское время встречаются универсальные топоры, тесла (и втульчатые и проушные), долота, гвозди. Нет свидетельств, что в золотоордынское время применяются ножовки и пешни с квадратным сечением втулки. В то же время на золотоордынских памятниках встречаются не известные в домонгольское время скобелки.

В домонгольское время использовались такие технические приемы как рубка, пиление, выдалбливание внутренних полостей посредством тесел и долот, а также скрепление деталей деревянных изделий гвоздями и п-образными скобами. В золотоордынское время к этим приемам прибавляется прием выскабливания внутренних полостей при помощи скобелков. Возможно, что в это время в Верхнем Примокшанье распространилось бондарное ремесло. Нет данных, что в золотоордынское время использовалось пиление.

Изменились формы топоров. В домонгольское время на памятниках булгарского типа Верхнего Посурья и Примокшанья применялись не менее шести типов топоров. В золотоордынское время на памятниках булгарского типа прослеживается три типа топоров. Из них один тип применялся в домонгольское время. Два других типа появились позже.

В золотоордынское время увеличивается число проушных тесел и изменяется форма втульчатых. Тип 4 претерпел изменения в сторону увеличения общей длины и длины режущей кромки лезвия.

На археологических памятниках золотоордынского времени нет следов применения долот с цельнометаллическими ручками, распространенных в домонгольское время, зато бытуют втульчатые долота, которые пока не встречены на домонгольских памятниках.

Гвозди с памятников золотоордынского времени отличаются большим разнообразием. На домонгольских памятниках встречается 5 типов гвоздей, на золотоордынских – 7. Увеличивается число гвоздей с боковым положением шляпки. Они составляют в домонгольских материалах 14%, в золотоордынских – 34,7%. В домонгольских материалах известен только один тип гвоздей с боковым положением шляпок. В золотоордынских материалах их наблюдается три. На золотоордынском Наровчатском городище широко представлен тип гвоздей, которого нет на домонгольских памятниках – с полусферической шляпкой. Прочие типы гвоздей идентичны и на домонгольских и на золотоордынских памятниках.

Изменения в формах деревообрабатывающего ремесла, не отрицают возможной преемственности между домонгольскими и золотоордынскими ремесленными традициями. Вероятней всего традиции, домонгольского и золотоордынского деревообрабатывающих ремесел имели генетическую связь. Однако несомненно, что в XIII веке в области деревообрабатывающего ремесла произошли серьезные изменения.

Литература:

- Археология Республики Коми. 1997. М.
Археология СССР. Город. Замок. Село. 1985. М.
Белорыбкин Г.Н. 2001. Золотаревское поселение. СПб.
Белорыбкин Г.Н. 2003а. Западное Поволжье в средние века. Пенза.
Белорыбкин Г.Н. 2003б. Новые материалы Золотаревского поселения. // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза.
Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. 2007. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М.
Петербургский И.М. 1992. Бронзовый котелок из Стародевиченского могильника. // Новые страницы истории Отечества. Пенза.
Петербургский И.М., Аксенова Т.В., Гришаков В.В., Первушкин В.И. 1990. Стародевиченский могильник // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. Саранск.

О ПЛАНИРОВОЧНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ГОРОДИЩ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Вопросы происхождения памятников фортификации стоят перед исследователями вот уже на протяжении многих десятилетий. Именно остатки оборонительных валов и рвов в первую очередь привлекают внимание. И это связано не только с тем, что конкретное укрепленное поселение не может считаться полностью изученным и понятным без знаний общего его облика. Крепостные стены и башни определяли градостроительный облик поселений, являясь настоящим «лицом» города. Их изучение позволяет получить незаменимую информацию о военном зодчестве, планировке, хронологии и характере самих городищ.

Для эффективной обороны, думается, не всегда обязательно применение крепостных башен. Одну из их функций, продольную защиту прилегающей к куртинам территории, несли изломы линий укреплений. Эта простая и надежная система использовалась еще в Древнем мире достаточно широко (*Щетенко, 1998. С.58-62; Буйских, 1991. С.24*). Она заменяла собой башни и бастионы, обеспечивая фланговый обстрел приближающегося к стенам противника.

К сожалению, при изучении городищ и составлении их топографических планов многие исследователи не обращали должного внимания на конфигурацию, точную направленность оборонительных валов и рвов. Они изображались в виде упрощенных извилистых линий, которые показывали только их относительно верные направления. Часто это являлось следствием того, что фортификация привлекалась лишь в виде попутного дополнительного материала, да и то это делалось не всегда. Впрочем, такая тенденция существует и по сей день.

Ломаные линии, из которых построена система обороны многих городищ Волжской Булгарии, Древней Руси и других средневековых государств и территорий, являются целым комплексом, состоящим из так называемых «исходящих» и «входящих» углов. К первым относятся изломы направленные во внешнюю сторону, а ко вторым — во внутреннюю. Исходящие углы «производят двустороннюю фронтальную оборону», а входящие защищают местность перед собой перекрестной стрельбой (*Теляковский, 1839. С.31,34-35*). Кроме того, зачастую в последних устраивались воротные проезды. Это позволяло более эффективно их контролировать, а также оборонять во время штурма.

Наибольшее количество укреплений городищ Волжской Булгарии имеют в системе обороны только исходящие углы. В основном их вели-

чина равна 150-160 градусам, а расстояние между изломами варьирует обычно от 20 до 60 м. По-видимому, здесь мы имеем дело, в каждом конкретном случае, с определенным военно-инженерным расчетом, применявшимся непосредственно к отдельно взятому поселению. Это зависит от рельефа прилегающей территории – как непосредственно, т.н. «эспланады», так и значительно более отдаленной. Кроме того, необходимо учитывать, что сами дерево-земляные конструкции не могут быть закругленными или округлыми. Особенности самого материала этого не позволяют. Крепостные срубные стены в виде городней или тарас уже подразумевают различные изломы в местах их поворотов. Другое дело, что они могли устраиваться вынужденно или специально, с определенным расчетом. Лишь каменные и кирпичные фортификационные сооружения могли закругляться, однако они также часто состояли из входящих и исходящих углов. Данный факт лишь подтверждает сознательное использование этого военно-оборонительного приема в древности, задолго до его полного преобладания и практически повсеместного использования в Новое время.

Замена защитных свойств башен и бастионов ломаной линией укреплений имеет древнюю историю и уходит своими корнями в античность и древние государства Востока. Применяется же эта система и в более поздние периоды времени, например, при строительстве некоторых русских острогов на территории Сибири в XVII-XIX вв. (*Ополовникова, 1989. С.72-73*).

Выбор местности для строительства того или иного укрепленного поселения всегда являлось основной целью. Эта первоочередная задача, зависящая от финансовых, людских и других возможностей для строительства, будущего предназначения поселенческих памятников и т.д. Поэтому большую роль играет знание типов городищ, вписанных в окружающий рельеф. Это помогает выявить определенные закономерности как в количественном, так и в качественном их соотношении. Наиболее общепринятой классификацией является, на сегодняшний день, типологическое разделение городищ, составленное для древнерусских памятников (*Pannonopt, 1961. С.215-220*). Ввиду своей простоты и информативности, оно хорошо применяется и для памятников Волжской Булгарии, как, впрочем, и других сопредельных территорий — Верхнего Прикамья, Приуралья и др. Среди них также выделяются все четыре типа:

I — Городища с планировкой укреплений, подчиненной окружающему рельефу местности. В основном это мысовые памятники;

II — Городища с планировкой оборонительных сооружений, лишь частично использующей защитные свойства рельефа местности;

III — Городища не подчиненные рельефу, расположенные на ровной местности или одной своей стороной примыкающие к обрыву, краю террасы. Обычно это памятники правильной геометрической формы;

IV — Городища со сложным планом (сложномысовые и сложные). Они занимают несколько мысов или площадок.

Для рассматриваемой темы интересны укрепленные поселения III типа. Наличие в средневековье городищ правильной конфигурации (подквадратной, округлой) не говорит, однако, о присутствии в планировке именно кочевнических традиций. По правилам строительства фортификационных сооружений на ровной местности необходимо создавать именно «правильные» по форме крепости (*Бусмар, 1818. С.159*), что является наиболее оптимальным для их обороны.

Тем не менее, некоторые городища данного типа юга и юго-запада Древней Руси отличаются от основной массы памятников. Они имеют полукруглую, трапециевидную или подпрямоугольную форму и одной своей стороной примыкают к краю террасы или обрывистому берегу реки. Некоторые из них имеют более одной линии обороны (*Археология СССР, 1985. С.108*). По мнению исследователей, сооружение многорядных систем не свойственны древнерусским городищам и они «...расположены, как правило, на степном пограничье» (*Плетнева, Макарова, 1965. С.60*). То же самое касается и вышеприведенной планировки памятников.

Не является исключением и территория Волжской Булгарии. Здесь также имеются городища подобного типа. Все они имеют аналогии в салтовских памятниках степной зоны (*Археология СССР, 1981. С.66*). Кроме того, некоторые болгарские укрепленные поселения почти идентичны в планировке гуннским (*Давыдова, 1985. С.10*). Различаются, пожалуй, лишь их внутривальные конструкции. Насколько значительное здесь имеет место влияние – вопрос открытый. Несомненно, что приведенные факты говорят больше в пользу воздействия инженерных школ т.н. «полукочевого мира». Вследствие этого, мнение о болгарских аналогиях с Южной Сибирью, Средней Азией, Дунайской Болгарией, заложенных на основе салтово-маяцкой культуры, является наиболее аргументированной (*Халиков, 1973. С.93; Халиков, 1976. С.38-39*).

Литература:

Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М: Наука, 1981.

Археология СССР. Город, замок, село. Москва: Наука, 1985.

Буйских С.Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев: Наукова думка, 1981.

Бусмар. Общий опыт фортификации или науки военного укрепления с атакою и обороною крепостей. — СПб., 1818.

Давыдова А.В. Иволгинский комплекс – памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985.

Ополовникова Е.А. Русские крепости в Сибирском Заполярье // Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. Новосибирск, 1989.

Плетнева С.А., Макарова Т.И. Южное городище у с.Витачева // КСИА, 1965, вып.104.

Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X-XV вв. // МИА, 1961, № 105.

Теляковский А.З. Фортификация. СПб., 1839, ч. I.

Щетенко А.Я. Фортификация поселений древнеиндийской цивилизации// Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998.

Халиков А.Х. О столице домонгольской Булгарии // СА, 1973, № 3.

Халиков А.Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города. М.: Наука, 1976.

В.А. Гусынин (Пенза)

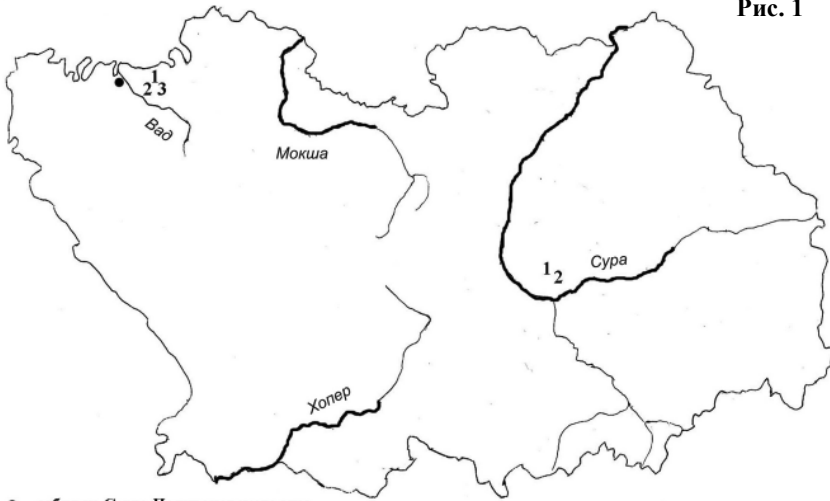
ПЕНЗЕНСКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ САБЛИ

Мечи и сабли являлись одними из самых престижных видов вооружения в средневековье. Производство клинкового оружия требует больших материальных затрат и большего мастерства, нежели при изготовлении других, более массовых, видов средневекового вооружения ближнего боя (таких как топоры, копья, булавы, кистени и т.п.). Они использовались только военной верхушкой. Поэтому мечи и сабли находят гораздо реже других видов оружия.

В настоящее время на территории Пензенской области не найдено средневековых мечей. В то время как сабли представлены достаточно широко. Необходимо отметить, что на наш взгляд, о наличии сабли можно говорить только при обнаружении остатков клинка (целый экземпляр, обломки, тлен и т.п.), в то время как наличие сабельной гарнитуры (детали ножен, перекрестья, навершия и т.п.) напротив не может быть свидетельством использования сабли на месте находки в древности.

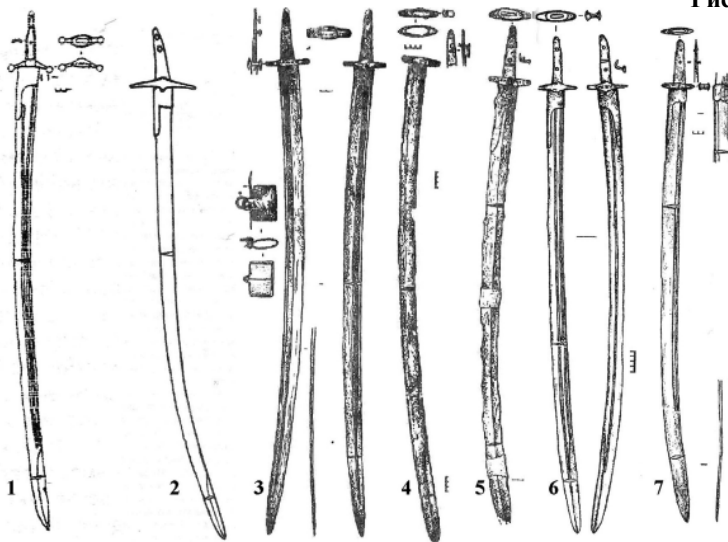
Можно выделить две территории, в которых на данный момент сосредоточены основные находки средневековых сабель. Это Северо-запад области на границе с Мордовией, и район Золотаревского поселения (рис.1) Сабли первого района происходят из захоронений, что позволяет определить, кому принадлежало это оружие, а сабли второго района были найдены на месте предполагаемой битвы у Золо-

Рис. 1

- - сабли из Серго-Поливановского ктм
- 1 - находки целых сабель
- 2 - фрагменты клинков
- 3 - отпечаток на грунте

Рис. 2

таревского городища, поэтому довольно сложно определить, кем они использовались.

Первый район представлен двумя памятниками с находками сабель: Серго-Поливановский курганно-грунтовый могильник, могильник Татарская Лака II. О сабле из Серго-Поливановского могильника

известно достаточно мало, ввиду отсутствия изображения. Из отчета А.Х. Халикова известно, что она имеет общую длину 110 см, длину рукоятки 19 см, на которой сохранились следы костяной обкладки. Это единственная сабля с костяными обкладками рукоятки на территории Пензенской области. В настоящее время произвести датировку затруднительно, также сложно определить ее этническую принадлежность. Поэтому эта находка будет учтена только в контексте общего числа находок сабель на территории Пензенской области.

В могильнике Татарская Лака II сохранилась одна целая сабля (рис.

2: 1), отпечаток сабли на грунте и достаточно крупный фрагмент клинка (рис. 3: 1), позволяющий судить о конструктивных особенностях некогда целого клинка.

Из района Золотаревского поселения происходят 6 целых сабель (рис. 2: 2-7), одна из которых находится в частной коллекции (рис. 2: 2) и 7 фрагментов клинка, среди которых преобладают обломки концов сабли (рис. 3: 2).

Общая длина пензенских сабель колеблется от 88 см до 103 см, ширина от 3 см до 3,9 см (следует отметить, что измерения сабли с наибольшей шириной клинка производились с учетом оковки), толщина 6-9 мм кривизна сабель довольно большая 2-3,6 см. Практически все сабли имеют обоюдоострую заточку конца клинка (за исключением фрагментов, на которых концы не сохранились). Обоюдоострую заточку имеют также найденные обломки концов клинка сабель. Только у трех (в т.ч. у фрагмента из Татарской Лаки II) экземпляров отсутствует дол (рис. 2: 4,5; 3: 1), одна из них имеет пятиугольное сечение клинка (рис. 2: 5). Один экземпляр имеет 3 узких дола (2 на одной стороне и один на другой) (рис. 2: 6), 2 экземпляра двудольные, два дола имеются также на фрагменте из Золотаревского поселения (рис. 2: 1-7; 3: 2), один экземпляр снабжен единственным долом (рис. 2: 2).

Все сабли имеют оковки с тязом у перекрестья. Две оковки с ажурным краем (рис. 2: 7; 3: 1). На одной из золотаревских сабель сохранились следы украшения в виде тонкой узкой полоски золота

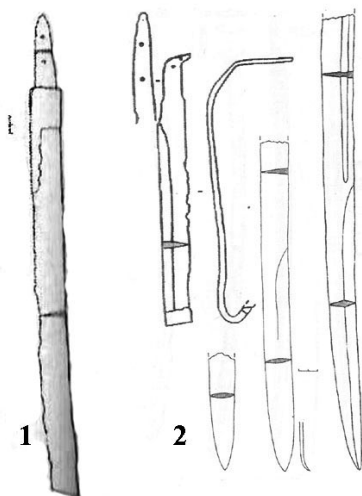

Рис. 3

(рис. 2: 5), что пока не имеет аналогов, хотя данная сабля хуже всех сохранилась и, возможно, остатки золота на ней принадлежали иному предмету (напр. пряжке). Все целые экземпляры имеют перекрестья различных типов.

Таким образом, можно говорить о наличии на территории Пензенской области восьми целых сабель. Одного крупного фрагмента и отпечатка на грунте. За исключением экземпляра из Серго-Поливаново, все сабли Пензы конструктивно сходны и датируются XII-XIII вв. Их можно отнести к наследию аскизской культуры (*Кызласов, 2003: 456-463*), при этом, по крайней мере, один целый экземпляр и 2 фрагмента найдены в мордовских захоронениях.

Литература:

Кызласов И. Л., 2003. Связи Южной Сибири с Восточной Европой. Мечи домонгольской поры // Археология восточноевропейской лесостепи. – Пенза

А.А. Гришин, О.А. Калмина (Пенза)

ПЛАСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ВНЕШНОСТИ ПО ЧЕРЕПАМ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Метод восстановления лица по черепу был разработан профессором М.М.Герасимовым в прошлом столетии и получил дальнейшее развитие в трудах сотрудников организованной им Лаборатории пластической антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН. Российская школа антропологической реконструкции лица по черепу остаётся одной из лучших в мире и продолжает своё дальнейшее развитие (3, 4). Воспроизведению по черепу внешнего облика лица часто предшествует сложный и ответственный процесс реставрации краниологического материала. От его тщательности и квалифицированного исполнения во многом зависит успех дальнейшей работы. Это имеет особое значение в случае применения метода в судебно-медицинской практике для идентификации личности (3).

Графическая реконструкция выполняется на основе краниограммы, полученной с использованием фотографии, выполненной по правилам антропологического фотографирования. Для антропологической характеристики более информативно профильное изображение (4). По контуру свода черепа отмечается толщина мягких тканей, согласно разработанным стандартам (3). Нанесенные отметки соединяются плавной линией, повторяющей контур черепа. Восстановление мягких тканей лица

производится с учётом как общих принципов анатомического строения лица, так и индивидуальных особенностей. Индивидуальные особенности могут быть определены, в частности, по развитию бугристостей на местах прикрепления мышц. Для изображения ушной раковины приходится пользоваться художественным каноном, согласно которому высота уха равна высоте носа. Козелок лежит впереди слухового прохода, занимая пространство позади суставного отростка нижней челюсти. Задняя граница ушной раковины не выходит за пределы середины сосцевидного отростка височной кости. При прорисовке контуров уха учитывается его отстояние от сосцевидного отростка, определенная зависимость между степенью выступания сосцевидного отростка и «оттопыренностью» ушной раковины. Индивидуальные особенности рельефа ушной раковины не могут быть определены по черепу.

Для создания скульптурных реконструкций сначала выполняется слепок с черепа. Для этого все отверстия в черепе закладываются мягкой ветошью, промазываются пластилином. Для укрепления на месте нижней челюсти на суставные отростки ее накладывают по полоске пластилина толщиной около 2 мм, имитирующей внутрисуставной диск, а зубы обеих челюстей совмещают по прикусу и в этом положении нижнюю челюсть закрепляют пластилином. По слепку выполняется гипсовая копия черепа, на которой скульптурным пластилином осуществляется набор мягких тканей (чтобы пластилин держался на гипсовой основе, её предварительно покрывают лаком). Вначале воспроизводятся жевательные мышцы (*m. temporalis*, *m. masseter*), формирующие овал лица. Ориентиром в данном случае является рельеф черепа на местах начала и прикрепления указанных мышц. После этого на поверхность черепа наносится тонкая сетка гребней, высота которых соответствует толщине мягких покровов на том или ином участке. Постепенно заполняются ячейки между гребнями и моделируется поверхность лица (3,4).

Реконструкция внешности была произведена на трех черепах, один из которых был в хорошем состоянии, а два других были реставрированы из фрагментов с помощью восковой мастики по М.М. Герасимову.

Первая реконструкция была проведена на черепе (череп №1), принадлежавшему мужчине 30-40 лет из неопределенного погребения. Череп был реставрирован из фрагментов костей свода и лицевого отдела, часть из которых была повреждена, посмертно деформирована и не сопоставлялась полностью (фото 1, 2). Обращает на себя внимание выраженность классических мужских черт строения черепа: массивные надбровные дуги, низкие прямоугольные глазницы, скошенный лоб, выраженный сагиттальный гребень, развитые места прикрепления височной, жевательной и медиальной крыловидной мышц (*tuber-*

ositas masseterica, tuberositas pterygoidea, lineae temporales), массивную нижнюю челюсть. Эти признаки указывают на значительное развитие жевательной мускулатуры, из чего можно сделать вывод, что в облике преобладали грубые черты, сформированные довольно массивными мягкими тканями. Слабо выступающий гребешок на верхнемедиальном участке глазничного края загнут внутрь, что указывает на отсутствие эпикантуса. Верхнелатеральный край глазницы несколько скошен, что свидетельствует об имевшейся складке верхнего века. Форма наружного носа определяется по форме носовых костей (костная часть) и края грушевидного отверстия (хрящевая часть), в результате чего был сформирован заметно выпуклый «орлиный» нос. Форма уха на всех реконструкциях выстраивалась по художественным канонам.

Эти черты были смоделированы в процессе работы на гипсовом слепке при помощи скульптурного пластилина (фото 3, 4, 5).

Вторая реконструкция выполнена на хорошо сохранившемся черепе, определенном как женский 25-30 лет (череп №2, фото 6, 7; табл.). Череп мезокранный (75), хамекранный (66,8), тапейнокранный (87,8) мезопрозопический (87,4) (1, 2). Обращает на себя внимание характерное выступание кзади чешуи затылочной кости в области наивысшей и верхней выйных линий. На чешуе затылочной кости между нижней и верхней выйными линиями имеется участок изумрудно-зеленого прокрашивания наружной компактной пластины. Справа от наружного затылочного гребня — небольшой участок вдавления кости с неровной поверхностью, 25x25 мм, — вероятно — след перенесенной травмы. Отмечаются также некоторые дискретно-варьирующие признаки: верхушечная вставочная кость теменно-затылочного шва, вормиева кость левого клиновидного родничка, длинный шиловидный отросток (слева — 33 мм, справа поврежден), небольшие парасосцевидные отростки (procc. paramastoidei). Обращает на себя внимание своеобразная форма мышцелков затылочной кости: на их медиальной поверхности имеется дополнительная суставная площадка (6x11мм), обращенная кзади и медиально. Эмиссарные отверстия базилярной области в целом развиты слабо, однако имеются два симметричные сквозные теменные отверстия. Среди деталей анатомического строения лицевого черепа следует отметить незначительно выраженные надглазничные вырезки, наличие трех решетчатых отверстий на медиальной стенке левой глазницы, двусторонняя *spina trochleae*. По размерным характеристикам — мезоконхия (79,5), верхний край глазницы тонкий и острый, однако форма угловата. В полости носа (лепториния — 40) — небольшое левостороннее искривление носовой перегородки в части, образованной пластиной решетчатой кости.

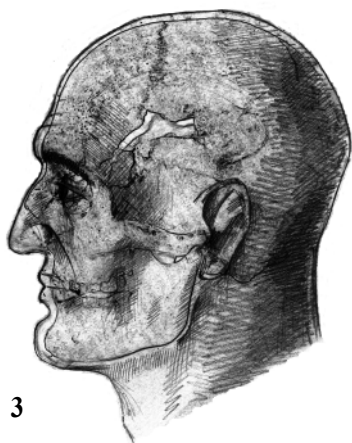
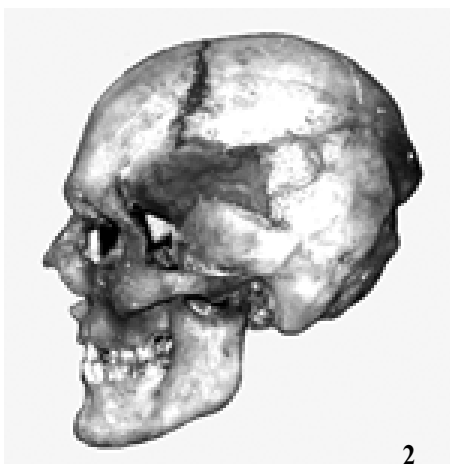
При явной грацильности общего строения череп несет некоторые черты андроморфности: заметное развитие мест начала и прикреплений жевательных мышц (*m. temporalis*, *m. masseter*, *mm. pterygoidei med. et lat.*), выступание надбровья в 2-3 балла, достаточно развитая передняя носовая кость (3 балла). В результате реконструкции черты лица также несут некоторый оттенок андроморфии (фото 8, 9, 10,11).

Череп №3 из Беднодемьяновского могильника (5) принадлежал девушке 14 – 16 лет, посткраниальный скелет которой был описан ранее (6).

Череп реставрировался из фрагментов, среди которых отсутствовала левая скуловая кость, часть фрагментов костей свода как справа, так и слева. В целом череп грацильный, с характерными чертами женского черепа: слабо развитым макрорельефом, крупными округлыми орбитами. Имеется такое же выступание кзади чешуи затылочной кости, как на черепе №2. Череп долихокраний (71,2), хамекраний (63,5) (фото 12,13).

Жевательные мышцы имели среднее развитие. Лицо овальное. По возрастной и половой принадлежности, по слабой выраженности бугристостей на костях можно сказать, что преобладали довольно тонкие черты внешности. Из чего следует, что мышечный слой на подбородочном выступе и на надбровных дугах был тонкий. По форме глазниц, расположению слёзного гребня и глазничного бугорка определен разрез глаз – широкий. Гребешок на верхнемедиальном участке глазничного края загнут внутрь, т.е. мы можем считать, что эпикантус отсутствует. Анализируя форму носовой вырезки, можно утверждать, что нос девушки был достаточно тонким, средней длины, со вздёрнутым кончиком. Руководствуясь высотой коронок сохранившихся зубов и наличием умеренного альвеолярного прогнатизма, определили губы как достаточно полные. Длина ротовой щели – средняя (по расположению зубов). Жировое тело щеки наиболее вероятно сильно выражено не было, следовательно, щёки полными не были.

В целях верификации полученных результатов использовался так называемый «слепой» метод: была снята маска с невостребованного трупа женщины 53 лет с начавшимися посмертными изменениями. После чего был приготовлен костный препарат черепа, с которого выполнена гипсовая копия и проведено восстановление внешности. При сопоставлении полученных результатов обнаружена некоторая непохожесть лиц, которая объясняется посмертными изменениями лица в виде ввалившихся глаз, оплывшей области губ и подбородка, отёчностью мягких тканей скуловой области, тогда как на реконструированной внешности лицо выглядит более подтянуто. Полностью совпала форма носа и лобной области. Это явление не опровергает достоверности методики и подтверждается литературными данными (3, 4).

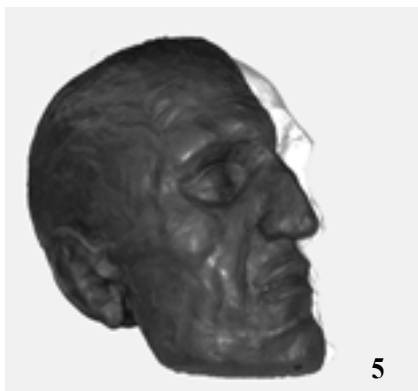
1. Череп №1. Фронтальная норма.

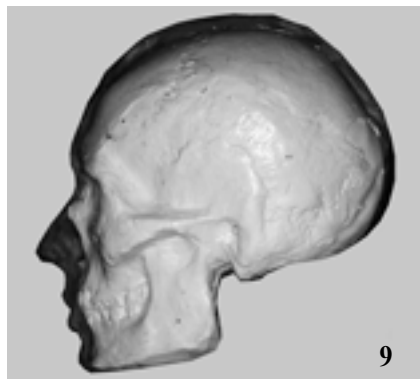
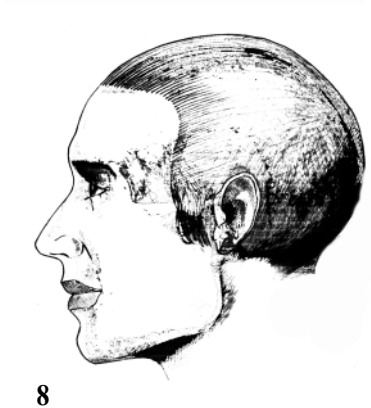
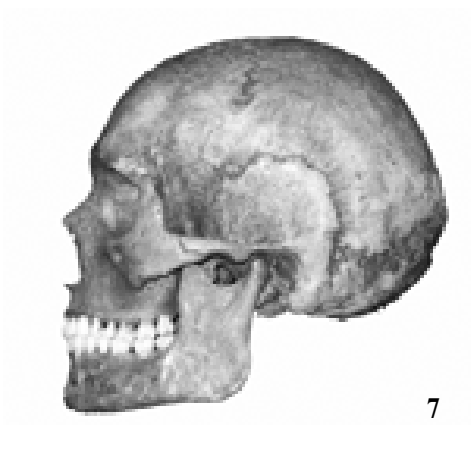
2. Череп №1. Боковая норма.

3. Графическая реконструкция
внешности по черепу №1.

4. Этап пластической
реконструкции.

5. Пластическая реконструкция
внешности по черепу №1.

6. Череп №2. Фронтальная норма.

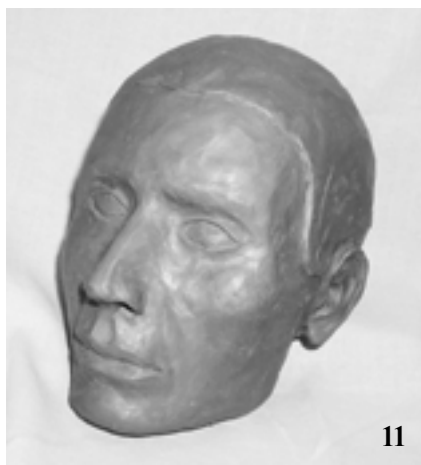
7. Череп №2. Боковая норма.

8. Графическая реконструкция внешности по черепу №2.

9. Этап пластической реконструкции.

10. Пластическая реконструкция внешности по черепу №2.

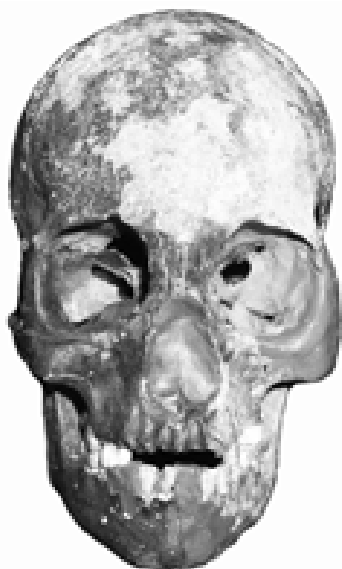
11

11. Пластическая
реконструкция внешности
по черепу №2.

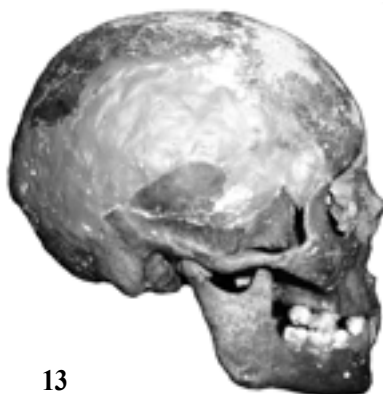
12. Череп №3.
Фронтальная норма.

13. Череп №3. Боковая норма.

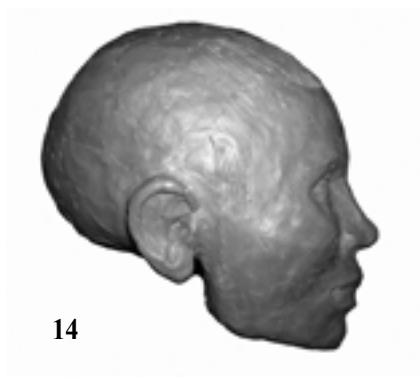
14. Пластическая
реконструкция внешности
по черепу №3.

12

13

14

Таблица

Индивидуальные размеры и указатели

№ по Мартину или др. усл. обозначение	Абсолютные размеры и указатели	Череп №1, мужской	Череп №2, женский	Череп №3, женский
23а	Горизонтальная окружность (через орh)	-	482	-
23	Горизонтальная окружность (через g)	-	485	-
	Горизонтальная окружность (через g — i)	-	485	-
1	Продольный диаметр (от g)	201?	172	170
2	Диаметр g — i	-	165	169,5
5	Длина основания черепа	-	93	-
7	Длина затылочного отверстия	-	29	30,4
8	Поперечный диаметр	-	131	121
9	Наименьшая ширина лба (по ft)	100,2	87	82
10b	Наибольшая ширина лба (по st)	110,1	116	105
11	Ширина основания черепа	-	116	-
12	Ширина затылка	-	111	-
13	Сосцевидная ширина	-	98	-
16	Ширина затылочного отверстия	-	31	-
17	Высотный диаметр (через b)	-	126	121
20; ВОН	Ушная высота	-	101	108
24	Поперечная дуга	-	300	-
25	Сагиттальная дуга	-	350	-
26	Лобная дуга	-	125	111
27	Теменная дуга	135	110	137
28	Затылочная дуга	-	115	-
29	Лобная хорда	-	110	104
30	Теменная хорда	120,3	100	112
31	Затылочная хорда	-	93	83
40	Длина основания лица	-	90	98
43	Верхняя ширина лица	108	97	83,9
45	Скуловой диаметр	-	123,5	-
46	Средняя ширина лица	98,7	93	-
47	Полная высота лица	128,7	108	100
48	Верхняя высота лица	70,9	67	59
49а; DC	Дакриальная ширина	-	18,5	18
50	Максилло-фронтальная высота	-	7	-
51	Ширина орбиты (mt — sk)	46,2	39	38,4

№ по Мартину или др. усл. обозначение	Абсолютные размеры и указатели	Череп №1, мужской	Череп №2, женский	Череп №3, женский
51a	Ширина орбиты (от d)	-	37	-
52	Высота орбиты	32,1	31	33,4
54	Ширина носа	25,3	20,5	24,8
55	Высота носа	52,1	50	48
57; SC	Симотическая ширина	-	8	-
SS	Симотическая высота	-	5	-
DS	Дакриальная высота	-	13	-
FC	Глубина клыковой ямки (1-3)	-	3	3
60	Длина альвеолярной дуги	49,1	50	45
61	Ширина альвеолярной дуги	-	60	-
62	Длина неба (до sta)	-	38,5	-
63	Ширина неба	-	31	-
65	Мышелковая ширина нижней челюсти	113,2	106	-
66	Угловая (бигониальная) ширина (по go)	94,6	98	-
67	Передняя ширина нижней челюсти	43,5	45	-
68	Проекционная длина от углов нижней челюсти	80,3	82	-
69	Высота симфиза (gn — id)	29,5	26	-
69 (1)	Высота тела нижней челюсти	36,1	25	-
69 (3)	Толщина тела нижней челюсти	8,5	10	-
70	Высота ветви нижней челюсти	52,1	64	-
71 (1)	Ширина вырезки	-	31	-
71a	Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	-	32,5	-
72	Общий лицевой угол	89	85	-
73	Средний лицевой угол	94	86	-
74	Угол альвеолярной части лица	-	76	-
75 (1)	Угол выступания носа	30	36	-
77	Назо-малярный угол	125	137	-
8 : 1	Черепной указатель	-	75,5	71
17 : 1	Высотно-продольный указатель	-	73	71,2
17 : 8	Высотно-поперечный указатель	-	94	100
9 : 8	Лобно-теменной указатель	-	61,8	-
9 : 45	Лобно-скуловой указатель	-	74	-

№ по Мартину или др. усл. обозначение	Абсолютные размеры и указатели	Череп №1, мужской	Череп №2, женский	Череп №3, женский
9 : 10b	Широтный лобный указатель	91	71,9	78
10b : 8	Коронально-поперечный указатель	-	86,4	-
10b : 29	Лобный широтно-продольный указатель	-	102,9	-
10b : 45	Коронарно-скуловой указатель	-	92	-
1 : 25	Продольно-сагиттальный указатель	-	48	-
20 : 1	Высотно-продольный указатель (от ро)	-	66,8	-
20 : 8	Высотно-поперечный указатель (от ро)	-	87,8	-
5 : 1	Базиллярно-продольный указатель	-	71	-
5 : 25	Базиллярно-сагиттальный указатель	-	26,5	-
11 : 8	Аурикулярно-поперечный указатель	-	88,3	-
12 : 8	Затылочно-поперечный указатель	-	78,2	-
12 : 9	Затылочно-лобный указатель	-	125,8	-
12 : 10	Затылочно-коронарный указатель	-	86,1	-
27 : 26	Дуговой теменно-лобный указатель	-	97	-
28 : 26	Дуговой затылочно-лобный указатель	-	85	-
28 : 27	Дуговой затылочно-теменной указатель	-	88	-
29 : 26	Указатель изгиба лба	-	88,4	93,7
29 : 1	Лобно-продольный указатель	-	63,8	-
30 : 1	Теменно-продольный указатель	59,7	62	-
30 : 27	Указатель изгиба темени	89,1	91	82 ?
31 : 28	Указатель изгиба затылка	-	82,3	-
31 : 1	Затылочно-продольный указатель	-	53	-
47 : 45	Общий лицевой указатель	-	87,4	-
48 : 45	Лицевой верхний указатель	-	55	-
48 : 46	Верхний среднелицевой указатель	71,8	73,5	-

№ по Мартину или др. усл. обозначение	Абсолютные размеры и указатели	Череп №1, мужской	Череп №2, женский	Череп №3, женский
48 : 17	Вертикальный фацио-церебральный указатель	-	54	-
45 : 8	Поперечный фацио-церебральный указатель	-	91	-
52 : 51	Орбитный указатель (mf)	69,5	79,5	-
54 : 55	Носовой указатель	48,5	40	51,6
DS : DC	Дакриальный указатель	-	70,3	-
SS : SC	Симотический указатель	-	52,5	-
63 : 62	Указатель ширины неба	-	91,2	-
61 : 60	Челюстно-альвеолярный указатель	124,8	105,3	120,6
71a : 70	Указатель ветви нижней челюсти	-	50,8	-
Описательные признаки (по Broca, Martin и Sergi)	Форма черепной коробки (norma verticalis)	-	овоид	овоид
	Развитие надбровья (выступление, 1-6)	5	3	0
	Развитие надбровья (протяженность, 1-3)	2	1	0
	Развитие сосцевидного отростка (1 — 3)	3	2	1
	Форма затылка (1 — плоский: 2 — круглый: 3 — выступающий)	-	3	3
	Выступление затылочного бугра (0-5)	-	4	4
	Нижний край грушевидного отверстия	антроп	антроп	антроп
	Развитие передне-носовой ости (1-5)	4	3	2
	Метопический шов	0	следы	0
ПОЛ		Муж	Жен	Жен
ВОЗРАСТ		30-40	25-30	14-16

Литература:

1. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. — М., 1964.
2. Сперанский В.С. Основы медицинской краниологии. — М.: Медицина, 1988. — 288 с.
3. Пашкова В.И. Определение пола и возраста по черепу. Ставрополь, 1958.

4. *Лебединская Г.В.* Облик далеких предков: Альбом скульптурных и графических реконструкций; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2006. – 244 с.

5. *Полесских М.Р.* Археологические памятники Пензенской области. – Тр. Пенз. обл. краеведч. музея, вып. VII. – Пенза, 1970. - 163 с.

6. *Калмина О.А., Незванкина М.А., Утенкова А.Н.* Анатомическое и остеометрическое исследование посткраниального скелета Беднодемьяновского могильника XIII-XIV вв. В кн.: Пензенский археологический сборник, вып.1. — Пенза, ГУМНИЦ, 2007. — С.304-315.

**О.А. Калмина, А.А. Карелина, Д.В. Киселева,
М.А. Незванкина, А.Н. Утенкова (Пенза)**

АНАТОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ КОСТЕЙ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Костная система достаточно точно отражает половую, возрастную дифференцировку и общее физическое развитие организма. На костях наиболее четко выражены и длительно сохраняются индивидуальные особенности, а также некоторые патологические состояния различной этиологии (1). При обследовании костей из погребений Буртасского, Беднодемьяновского и Селикса-Трофимовского могильников Пензенской области обнаружены некоторые характерные изменения, вызванные как определенным образом жизни, так и типичными патологическими процессами, встречающимися и у ныне живущих людей.

При осмотре достаточно хорошо сохранившегося скелета женщины 20-25 лет из Буртасского могильника обнаружены аномалии переходного отдела позвоночного столба: симметричная двусторонняя хрящевая сакрализация пятого поясничного позвонка (фото 1), гипоплазия двенадцатой пары ребер (диагностирована по смещению реберных ямок на поперечный отросток двенадцатого грудного позвонка), начальные проявления спондилоартроза правого девятого реберно-поперечного сустава (фото 2). На том же скелете – след сросшегося перелома дистальной части диафиза правой локтевой кости, очевидно, полученного в детстве, так как форма костной мозоли соответствует перелому по типу «зеленой веточки» (фото 3). Особенности строения тазовых и бедренных костей: выраженность мест прикрепления мышц – сгибателей бедра и ягодичных мышц,

— свидетельствуют о нагрузке по типу верховой езды с раннего возраста (3). Сакрализация LV обусловила неподвижность пояснично-крестцового соединения, а начавшийся спондилоартроз свидетельствует о несомненной повышенной односторонней нагрузке в этой области.

Беднодемьяновский могильник был обнаружен в 1957 г, датирован XIII-XIV вв, принадлежал мордвее-мокше (2). При анализе антропологического материала был выделен и описан практически полный набор костей женского скелета подросткового возраста (4). Из оставшегося материала большая часть костей повреждена. Однако по размерным характеристикам некоторым относительно сохранившимся костям и выраженности патологических изменений можно оценить пол и возраст индивида.

Среди костного материала обнаружены: шейные позвонки с возрастными изменениями и проявлением остеохондроза в виде краевых поперечно направленных остеофитов тел; первый грудной позвонок и фрагменты тел 2-х типичных грудных позвонков из верхней части грудного отдела с аналогичными изменениями (фото 4); фрагменты ключиц с выраженными местами прикрепления мышц, полностью сросшаяся грудина с частичной оссификацией правого грудино-реберного синхондроза и овальным отверстием в широком мечевидном отростке (фото 5, 6 табл. 1), фрагменты тазовых костей с характерной для мужского скелета V-образной формой большой седалищной вырезки (фото 7). Выраженность шейного остеохондроза характерна для мужчины 50-55 лет. Значительное развитие мест начала большой грудной и трапециевидной мышц на ключице с оссификацией реберно-грудинного синхондроза справа свидетельствует о повышенной односторонней физической нагрузке по типу натягивания тетивы лука.

Селикса-Трофимовский могильник был обнаружен в 1966 г экспедицией Пензенского музея. Раскопки велись Мордовским институтом языка, литературы, истории и экономики и Пензенским музеем. Памятник датируется IV веком н.э. (2). При осмотре антропологического материала погребений обнаружены достаточно хорошо сохранившиеся длинные трубчатые кости верхних конечностей с развитыми местами прикрепления мышц (фото 8), а также костный детрит и фрагменты тел позвонков пояснично-грудного отдела с патологическими изменениями в виде значительного остеопороза, краевых остеофитов в горизонтальной плоскости, оссификации наружных слоев фиброзной части межпозвоночных дисков и формированием межпозвоночной боковой костной скобы (фото 9).

Последняя находка характерна для спондилеза, одним из звеньев патогенеза которого является травматизация позвоночника. С учетом заметной шероховатости краев суставных поверхностей костей, развитости мест прикрепления мышц, степени патологических изменений определена принадлежность костей скелету мужчины в возрасте предположительно 50-55 лет.

Надо заметить, что подобные патологические изменения позвоночного столба актуальны и в настоящее время, значительно снижая трудоспособность взрослого мужского населения (5, 6, 7).

Дифференциальная диагностика проводится с болезнью Форестье (идиопатический диффузный гиперостоз, фиксирующий гиперостоз), для которой характерна прежде всего оссификация под передней продольной связкой в грудном отделе на значительном протяжении, и с болезнью Бехтерева, для которой патогномичным является раннее поражение крупных суставов и оссифицирующий сакроилеит в относительно молодом (30-35 лет) возрасте (7).

Литература:

1. Морфология человека / Под ред. Б.А.Никитюка, В.П.Чтецова. – М.: Изд-во Московского университета, 1990. – 344 с.
2. *Полесских М.Р.* Археологические памятники Пензенской области. – Тр. Пенз. обл. краеведч. музея, вып.VII. – Пенза, 1970. – 163 с.
3. *Калмина О.А., Шиготарова Е.А., Сазонова Н.А.* Медико-остеометрическое исследование посткраниального скелета Буртасского могильника // Пензенский археологический сборник: Международный сборник научных трудов. – Пенза: ГУМНИЦ, 2007 – Вып. 1. – С.316-333.
4. *Калмина О.А., Незванкина М.А., Утенкова А.Н.* Анатомическое и остеометрическое исследование посткраниального скелета Беднодемьяновского могильника XIII-XIV вв. // Пензенский археологический сборник: Международный сборник научных трудов. – Пенза: ГУМНИЦ, 2007 – Вып. 1. – С.304-315.
5. <http://www.nedug.ru/library/doc.aspx?item=57195>
6. <http://www.rostmaster.ru/lib/osteoinf/osteoinf-0012.shtml>
7. *Бунчук Н.В. и Агабабов С.Ф.* Диффузный идиопатический гиперостоз скелета, Ревматология, № 3, с. 44, 1986.
8. Simon Mays *The Archaeology of human bones/* Routledge, London and New York, 2002. – 242p.
9. *Advances in human palaeopathology/* Ed. by Ron Pinhasi, Simon Mays/ 2008, John Wiley & Sons Ltd. – 389p.

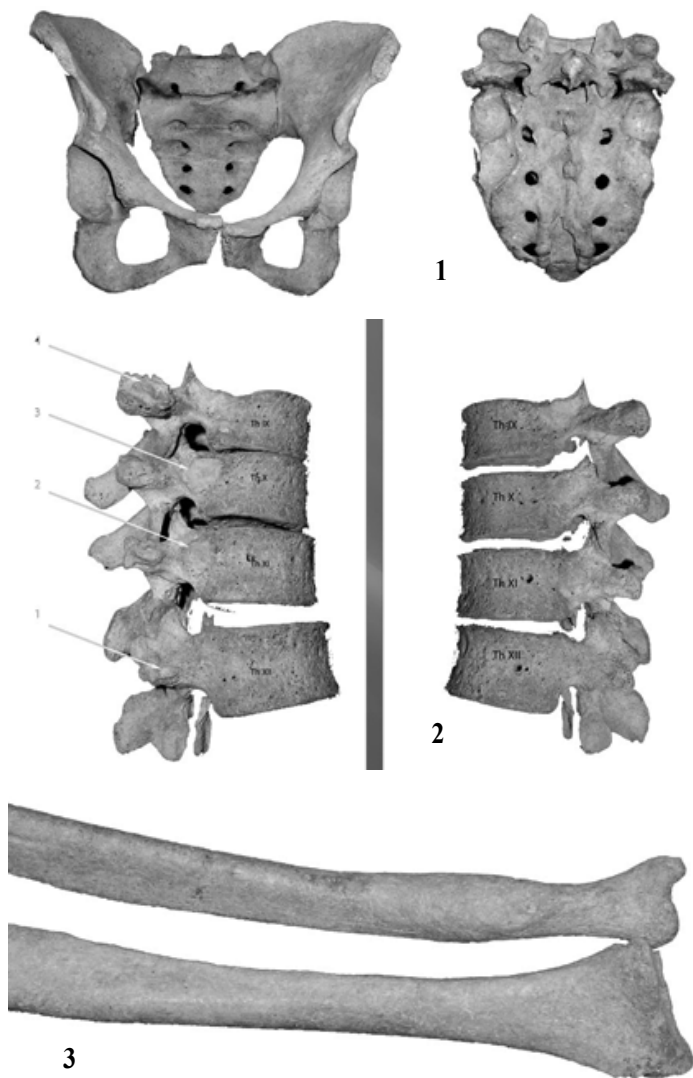
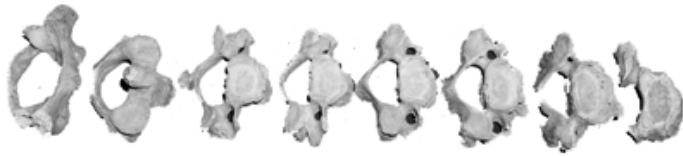

Фото 1. Сакрализация пятого поясничного позвонка.

Фото 2. Смещение реберных ямок двенадцатого грудного позвонка с тела на поперечный отросток свидетельствует о гипоплазии двенадцатой пары ребер (1). Начальные проявления спондилоартроза правого девятого реберно-поперечного сустава (4).

Фото 3. Костная мозоль нижней трети диафиза правой локтевой кости.

4

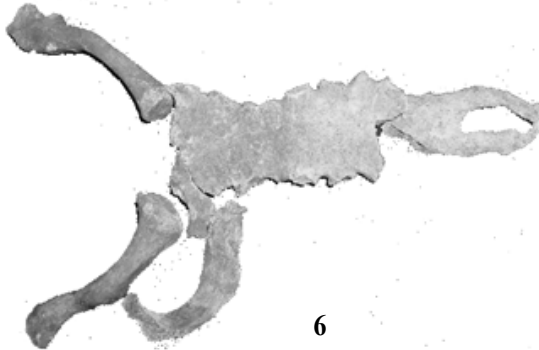

А

Б

5

6

- Фото 4.** Шейные и грудные позвонки мужского скелета Бедно-Демьяновского могильника с признаками остеохондроза.
- Фото 5.** Ключицы с значительно развитыми местами прикрепления мышц и связок. А - вид сверху, Б – вид снизу.
- Фото 6.** Грудина, ключицы и правое первое ребро мужского скелета с оссификацией грудино-реберного синхондроза.

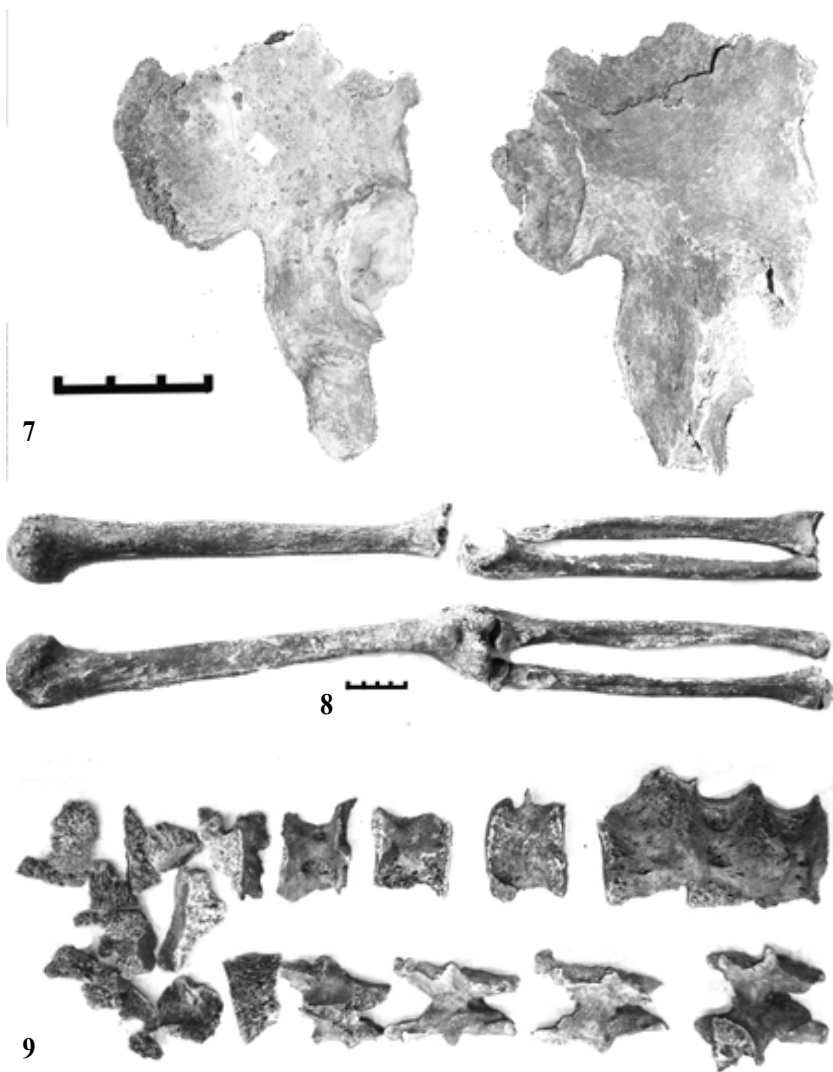

Фото 7. Тазовые кости мужского скелета с V-образной большой седалищной вырезкой.

Фото 8. Кости плеча и предплечья мужского скелета Селикса-Трофимовского могильника с развитыми местами прикрепления мышц.

Фото 9. Фрагменты дуг и тел позвонков пояснично-грудного отдела с боковыми сращениями в виде «скобок».

Приложение.

**Таблица 1. Остеометрические показатели грудины из материала
Бедно-Демьяновского могильника**

Показатель	Величина, мм; указатель, %
Общая длина грудины	130,5
Длина рукоятки грудины	45,3
Длина тела грудины	87,2
Наибольшая ширина рукоятки грудины	85,1
Наименьшая ширина рукоятки грудины	39,8
Толщина рукоятки грудины	10,8
Наибольшая ширина тела грудины	49,2
Широтно-продольный указатель грудины	37,7
Широтно-продольный указатель тела грудины	56,42
Указатель толщины рукоятки грудины	27,14
Указатель длины рукоятки грудины	34,71
Указатель длины тела грудины	66,82
Отношение длины тела к длине рукоятки грудины	192,49

**Таблица 2. Остеометрические показатели костей плеча и предплечья
из Селикса-Грофимовского могильника.**

		Правая (мм)	Левая (мм)
Плечевая кость			
1	Наибольшая длина плечевой кости	325	
4	Ширина нижнего эпифиза плечевой кости	55	
3	Ширина верхнего эпифиза плечевой кости	36	37
5	Наибольшая ширина середины диафиза плечевой кости	25	25
6	Наименьшая ширина середины диафиза плечевой кости	24	24
6в	Ширина середины диафиза плечевой кости	24	24
6а	Наименьшая ширина диафиза плечевой кости на уровне дельтовидной шероховатости	25	25
3(2)	Ширина плечевой кости на уровне хирургической шейки	33	37
9	Наибольшая ширина головки плечевой кости	44	41
11	Ширина блока плечевой кости	44	
14	Ширина локтевой ямки плечевой кости	25	
6с	Сагиттальный диаметр середины диафиза плечевой кости	23	24

10	Вертикальный диаметр головки плечевой кости	29	26
13	Глубина блока плечевой кости	18	
15	Глубина локтевой ямки плечевой кости	12	
7	Наименьшая окружность диафиза плечевой кости	75	75
7а	Окружность середины диафиза плечевой кости	73	73
	Указатель поперечного сечения диафиза плечевой кости	24/25=0,96	24/25=0,96
	Указатель ширины блока плечевой кости	44/55=0,8	
Локтевая кость			
1	Наибольшая длина локтевой кости	270	270
2	Физиологическая длина локтевой кости	240	240
2.1	Длина локтевой кости от локтевого отростка до головки	245	245
6	Ширина локтевого отростка локтевой кости	21,5	20
6(1)	Верхняя ширина локтевой кости	23	24
	Ширина головки локтевой кости	34	32
12	Ширина диафиза локтевой кости	18,5	16
13	Верхняя ширина диафиза локтевой кости	22,5	21
9	Передняя ширина суставной поверхности венечного отростка локтевой кости	10	12
10	Задняя ширина суставной поверхности венечного отростка локтевой кости	18	19
11	Сагиттальный диаметр диафиза локтевой кости	16	14
14	Верхний сагиттальный диаметр диафиза локтевой кости	27	25
7	Сагиттальный диаметр локтевого отростка	25	23
7(1)	Расстояния между локтевым и венечным отростками локтевой кости	27,5	26
5	Высота верхней части локтевого отростка локтевой кости	20	19
5(1)	Высота проксимальной суставной поверхности локтевой кости	40	37
5(2)	Высота блоковой суставной поверхности локтевой кости	27,5	25
8	Высота локтевого отростка локтевой кости	16	15
3	Наименьшая окружность диафиза локтевой кости	45	40
	Окружность середины диафиза локтевой кости	55	50

	Указатель прочности локтевой кости	45/240=0,19	40/240=0,17
	Указатель наибольшей длины локтевой кости I	270/240=1,125	270/240=1,125
	Указатель наибольшей длины локтевой кости II	270/245=1,1	270/245=1,1
	Указатель длины локтевой кости от локтевого отростка до головки	245/240=1,02	245/240=1,02
	Указатель ширины локтевого отростка локтевой кости локтевой	21,5/240=0,09	20/240=0,08
	Указатель верхней ширины локтевой кости	23/240=0,1	24/240=0,1
	Указатель ширины головки локтевой кости	32/240=0,14	32/240=0,14
	Указатель поперечного сечения диафиза локтевой кости	16/18,5=0,86	14/16=0,87
	Указатель платолении	22,5/27=0,83	21/25=0,84
	Указатель высоты локтевого отростка локтевой кости	20/240=0,08	19/240=0,08
	Указатель высоты проксимальной суставной поверхности локтевой кости	40/240=0,17	37/240=0,15
	Указатель высоты локтевого отростка локтевой кости	16/21,5=0,74	15/20=0,75
	Указатель суставной поверхности венечного отростка локтевой кости	10/18=0,56	12/19=0,63
Лучевая кость			
1	Наибольшая длина лучевой кости	240	
2	Физиологическая длина лучевой кости	235	
1a	Расстояние между головкой лучевой кости и шероховатостью луча	42	
4	Ширина диафиза лучевой кости	18	17
4a	Ширина середины диафиза лучевой кости	17	
4(1)	Ширина головки лучевой кости	23	
4(2)	Ширина шейки лучевой кости	12	
5(6)	Ширина нижнего эпифиза лучевой кости	34	36
5	Сагиттальный диаметр диафиза лучевой кости	13,5	132
5a	Сагиттальный диаметр середины диафиза лучевой кости	13,5	13
5(1)	Сагиттальный диаметр головки лучевой кости	22,5	
5(2)	Сагиттальный диаметр шейки лучевой кости	13,5	
3	Наименьшая окружность диафиза лучевой кости	45	45
5(5)	Окружность середины диафиза лучевой кости	53	

5(3)	Окружность головки лучевой кости	75	
5(4)	Окружность шейки лучевой кости	48	
6	Изогнутость диафиза лучевой кости	180	
	Указатель прочности лучевой кости	$45/235=0,19$	
	Указатель окружности середины диафиза лучевой кости	$53/235=0,23$	
	Указатель поперечного сечения диафиза лучевой кости	$13,5/18=0,75$	$13/17=0,76$
	Указатель длины верхнего эпифиза лучевой кости	$42/240=0,18$	
	Указатель ширины головки лучевой кости	$23/235=0,1$	
	Указатель ширины нижнего эпифиза лучевой кости	$34/235=0,14$	
	Указатель толщины шейки лучевой кости	$48/75=0,64$	

Луче-плечевой указатель – 73,8 (брахикеркия).

Длина тела определена на основании длины локтевой и лучевой костей по данным Л. Мануврие — 167 см.

СОДЕРЖАНИЕ

И.В. Федюнин (Воронеж) РАННИЙ МЕЗОЛИТ В МЕЖДУРЕЧЬЕ ДОНА И ВОЛГИ: МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	3
А.В. Сурков, А.М. Скоробогатов (Воронеж), А.Н. Бессуднов, Р.В. Смольянинов (Липецк) МАТЕРИАЛЫ КАМЕННОГО ВЕКА МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ ВАСИЛЬЕВСКИЙ КОРДОН 7 В ВЕРХОВЬЯХ РЕКИ ВОРОНЕЖ	16
А.А. Свиридов, Р.В. Смольянинов, А.А. Клюкойть, С.В. Уваркин (Липецк) РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ НА ПАМЯТНИКЕ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА ВАСИЛЬЕВСКИЙ КОРДОН 17 (предварительная публикация)	29
А.В. Вискалин (Ульяновск) КОМПЛЕКС ЛЕСНОГО ЭНЕОЛИТА В ЛЕСОСТЕПНЫХ РАЙОНАХ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ	39
В.В. Ставицкий (Пенза) К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГАРИНСКО-БОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ	49
В.В. Ставицкий (Пенза) О НЕКОТОРЫХ ДИСКУССИОННЫХ ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ	58
Т.В. Сарапулкина (Белгород) КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ГОРОДЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ДОНУ (дополнения к предыдущей публикации).....	65
Ю.Д. Разуваев (Воронеж) ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГОРОДЕЦКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ	71

И.Н. Карев (Пенза) ВКЛАД М.Р. ПОЛЕССКИХ В ИЗУЧЕНИЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ.....	79
В.В. Ставицкий (Пенза) ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ АБРАМОВСКОГО МОГИЛЬНИКА	85
В.В. Гришаков (Саранск) УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В ДРЕВНЕМОРДОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ	99
О.В. Седышев (Саранск) СНАРЯЖЕНИЕ ВЕРХОВОГО КОНЯ ИЗ МОРДОВСКИХ МОГИЛЬНИКОВ III – VII вв.	106
О.В. Мясникова (Пенза) ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ОБРЯДА СКОРЧЕННЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ СТАРОДЕВИЧЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА (по материалам раскопок 1987-1990 гг.).....	118
Е.К. Космарова (Пенза) СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ ФУРНИТУРЫ НАРОДОВ ВЕРХНЕГО ПОСУРЬЯ (VIII – XIII вв.)	123
С.В. Краснов (Пенза) НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА 1-ГО АРМИЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА (по материалам раскопок 1926 и 1927 гг.).....	130
С.В. Краснов, Т.В. Осипова (Пенза) ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД МОГИЛЬНИКА II ТАТАРСКАЯ ЛАКА XI-XIII вв.....	135
В.А. Винничек, К.М. Киреева (Заречный, Пензенская обл.) АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ БАЛАБАНОВ РОДНИК	137

Г. Владимиров (Болгария) БЪЛГАРИТЕ И САРМАТСКИЯТ СВЯТ В СВЕТЛИНАТА НА ЕДНА ХИПОТЕЗА	151
В.А. Винничек, К.М. Киреева (Заречный, Пензенская обл.) КОСТОРЕЗНОЕ ДЕЛО НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПОСУРЬЯ И ПРИМОКШАНЬЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА (по материалам памятников XI – XIV вв.)	157
Г.Н. Белорыбкин (Пенза) СУРСКИЕ ЗЕМЛИ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ	171
Д.С. Иконников (Пенза) ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩЕЕ РЕМЕСЛО НАСЕЛЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ С КРАСНО-КОРИЧНЕВОЙ КРУГОВОЙ ПОСУДОЙ ВЕРХНЕГО ПОСУРЬЯ И ПРИМОКШАНЬЯ XII – XIV вв.	178
А.М. Губайдуллин (Казань) О ПЛАНИРОВОЧНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ГОРОДИЩ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	186
В.А. Гусынин (Пенза) ПЕНЗЕНСКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ САБЛИ	189
А.А. Гришин, О.А. Калмина (Пенза) ПЛАСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ВНЕШНОСТИ ПО ЧЕРЕПАМ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ	192
О.А. Калмина, А.А. Карелина, Д.В. Киселева, М.А. Незванкина, А.Н. Утенкова (Пенза) АНАТОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ КОСТЕЙ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ	203

Пензенский институт развития образования
Пензенский государственный педагогический
университет имени В. Г. Белинского
Пензенский государственный краеведческий музей

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Сборник материалов

II Международной научной конференции
«Археология восточноевропейской лесостепи»,
посвященной 100-летию со дня рождения археолога,
заслуженного работника культуры **М.Р. Полесских**.
(25 – 27 сентября 2008 г.)

Выпуск 2, том II

Материалы публикуются в авторской редакции
Верстка — О. В. Сиротин
Дизайн обложки — Н. В. Хлопцева

Подписано к печати 15.09.2008. Формат 60x84/16.
Бумага писчая белая. Уч.-изд. л. 12,9. Усл. печ. л. 12,55.
Тираж 100 экз. Заказ № .

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Копи-Ризо» ИП Поповой М.Г.
Адрес: г. Пенза, ул. Московская, 74, комн. 304.
Тел. 56-25-09, тел./факс 52-11-81.